

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ «ИНСТИТУТ
СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК»
(ИСПИ РАН)

На правах рукописи

ГОЛУБИЦКИЙ ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**СОЦИАЛЬНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ
ОЧЕРК) В ПРОЦЕССЕ СТАНОВЛЕНИЯ РУССКОЙ СОЦИО-
ЛОГИИ**

Диссертация на соискание учёной степени кандидата социологических наук по специальности 22.00.01 – теория, история и методология социологии

Научный руководитель –
член-корреспондент РАН, д.
философ. н., профессор В.Н.
ИВАНОВ

Москва - 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	2
<i>Глава первая. ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ И ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЙ (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ) ОЧЕРКИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ</i>	17
§1.1. Становление русского очерка: этапы развития, особенности жанра.....	17
§1.2. Правоописательный (физиологический) очерк: феноменология, история и национальные особенности.....	25
§1.3. Физиологические очерки Н.Полевого и И.Кокорева как характерные образцы жанра.....	35
<i>Глава вторая. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ</i>	57
§2.1. Социологическое исследование А.Исаева в сравнении с очерковыми «социологиями». Тренд на дивергенцию.....	57
§2.2. Социологические исследования, близкие по методу очерковой литературе.....	71
§2.3. Совершенствование метода и инструментария фиксации результатов социологических исследований.....	82
<i>Глава третья. ВОЗРОЖДЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОЧЕРКА</i>	93
§3.1. Возрождение отечественной социологии.....	93
§3.2. Не существующая, но партия... («Новый мир» 60-х – 70-х гг.).....	102
§3.3. Ренессанс социологического очерка.....	108
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	119
ЛИТЕРАТУРА	132
ПРИЛОЖЕНИЯ	137
НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА	141

ВВЕДЕНИЕ

В данной диссертации первоочередное внимание будет уделено исследованию русских физиологических очерков, равно как и первых теоретических и практических изысканий русских социологов. Изучение в должной мере обоих объектов: очерка как литературного феномена и социологического исследования как феномена научного, необходимо для дальнейшего их сопоставления, сравнительного анализа на предмет выявления механизмов и степени взаимного влияния в контексте становления русской социологической науки.

Решение этой задачи поможет, в свою очередь, уточнить и расширить бытующие представления о генезисе отечественной социологии, подтвердить или опровергнуть гипотезу о его литературной детерминированности.

Основной период исследования базовых объектов: 40-е – 60 гг. XIX в., в контексте данного диссертационного исследования характеризует наибольший творческий расцвет русской социальной публицистики и пик активности русских издателей в отношении жанра физиологического очерка.

В диссертации будет уделено должное внимание и 60-м – 70-м гг. XX века, когда русский физиологический очерк в процессе стремительного возрождения социологической науки в СССР переживал период ренессанса, активно используя усвоенные исследовательские принципы и инструментарий новейших на тот момент социологических исследований.

В этот временной отрезок литературный и общественно-политический журнал «Новый мир», самый последовательный и целенаправленный проводник демократических идей Оттепели¹, опубликовав на своих страницах солидный корпус научных и научно-популярных статей по животрепещущим вопросам социологической науки, объективно стал публичной трибуной возрождающейся советской социологии, её популяризатором и пропагандистом.

---

¹ Термин «Оттепель» в смысле «преодоление сталинского тоталитаризма» утвердился в литературной и общественно-политической лексике «шестидесятников» после публикации одноименной повести И. Эренбурга.

К этому же периоду относится новомировская публикация одной из самых значимых для нашего исследования работ: «Социология и литература»², которая доказательно демонстрирует не просто гносеологическую близость, но и взаимопроникновение, конвергенцию научного и художественного феноменов.

«По словам социологов, в тот период, когда их наука была на положении Золушки, социальные писатели, прежде всего очеркисты, успешно выполняли функцию дотошных исследователей советского общества, - утверждал Вл.Канторович. – Чаще всего называют при этом “Районные будни” В.Овечкина и “Деревенский дневник” Е.Дороша, не забывая прибавить, что автор “Дневника” пользовался испытанным в социологии методом “панельного” исследования, когда наблюдения накладываются последовательно, с интервалами, на один и тот же объект»³...

«Нет ничего сложнее и загадочнее социального явления. На нём всегда отблеск тайны. Социальная жизнь имеет свои подводные течения, свои землетрясения и цунами. Познание их требует не только использования статистики, математики, кибернетики, но и известной тонкости нервной организации...»⁴.

Сказать так мог только шестидесятник: романтический «физиколирик», искренно верящий в прогресс, чающий социальной справедливости и... неразлучный с книгой. Иначе откуда «тонкость нервной организации», по устоявшемуся мнению присущая художнику, литератору, и совсем не обязательная учёному-аналитику? Для представителей удивительного и во многом уникального советского поколения – шестидесятников – «литературный фундаментализм» – непоколебимая основа экзистенции.

---

² Канторович Вл. Социология и литература // «Новый мир».1967, № 12. С. 148.

³ Там же. С.169-170.

⁴ Шубкин В.Н. Возрождающаяся социология и официальная идеология // Социология и общество: научное познание и этика науки. М., 2010. С.388.

В отличие от Европы, породившей, взрастившей, глубоко внедрившей в сознание масс идейные принципы, а затем и традиции Просвещения, сформировавшей, в частности, сциентизм, склонный фетишизировать науку, евразийская Россия, подарив миру замечательную плеяду религиозных мыслителей, в самопознании и познании окружающего её мира устойчиво предпочитала мистико-религиозный подход. Русское сознание высоко ценило в интерпретации сущего его эмоциональную художественную картину, которую из поколения в поколение создавали, дополняли, уточняли национальные русские гении в области литературы, музыки, живописи и других видов искусств. Поэтому писатель, художник (в широком смысле слова), а не учёный-аналитик оставались и все ещё остаются в массовом сознании россиян властителями дум. Поэтому в большей мере художественный образ, метафора, а не строгая научная сентенция по-прежнему отражают, объясняют в концентрированном виде нашу социальную реальность.

Социолог Ю.А.Левада допускал возможность «<...> аналитического выделения культурных (нормативно-ценностных и символических) параметров как своего рода исходных ориентиров, как бы «неба неподвижных звёзд» по отношению к социальным действиям и структурам»⁵, и, оставаясь незаурядным учёным-аналитиком, тем самым опосредованно возвышал культуру, признавая за ней функцию нормативно-ценностных ориентиров науки. Не вызывает сомнения, что имел в виду Ю.Левада над «нормативно-ценностными параметрами». Прямое отнесение к кантовскому «неба неподвижных звёзд» однозначно указывает на нравственный императив. Сложнее обстоит дело с «символическими параметрами». Такое определение, оставленное без авторских пояснений, вполне допускает определённую вариативность, в которой есть место и символизму, и метафорическому детерминизму как художественным методам отражения «социальных действий и структур»,

---

⁵ Левада Ю.А. Культурный контекст экономического действия // Памяти Юрия Александровича Левады / Состав. Т.В.Левада. М., 2011. С.368.

и даже новой мифологии как форме социально-философского обобщения разновекторных социальных процессов.

Казалось бы, нетерпеливая агрессивная реставрация капитализма в нашей стране, предпринятая доморощенными радикальными неолибералами в начале 90-х гг. XX в., должна была изменить в массовом сознании россиян сложившиеся предпочтения в отношении научного и художественного способов познания и понимания мира. И, действительно, в существенной мере ситуация изменилась.

Впервые за многие десятилетия активно и целенаправленно реализовывать план личной карьеры, пускай и незамысловатый, но составленный с учётом твоей индивидуальности, в России стало интересней и выгодней, нежели пассивно лицезреть созданную другим картину мира. Даже если этот другой – бесспорный гений. Возрождение индивидуальной инициативы в реальной хозяйственной деятельности и договорная, не ограниченная искусственными препонами идеологии уравниловки оплата труда – вот бесспорный положительный итог наблюдаемой нами стадии неолиберального реформирования. По значимости один он, пожалуй, уравнивает на символических весах истории набор контраргументов, выдвигаемых противниками реформ.

Одновременно следствием возросшей личной активности и всё большей привлекательности для граждан России индивидуалистического прагматизма, стало ослабление влияния на сознание россиян гуманитарного фактора. Впервые за долгий исторический срок литература в нашем обществе перестала слыть всеобщим учителем и проповедником, не повернётся язык повторить вслед за Е.Евтушенко ещё недавно сакраментальную для интеллигенции строфу: «Поэт в России – больше, чем поэт»⁶.

Означает ли это переориентацию страны, ее народа с идеалистически-художественного *восприятия* жизни на рациональное научное *познание*?

---

⁶ Евтушенко Е. Братская ГЭС. Молитва перед поэмой // Русская советская поэзия / ред. Л.Кременцова. Л., 1988.

Утверждать такую трансформацию, по меньшей мере, преждевременно. Тренд общественных предпочтений и ожиданий после двух десятилетия лихих усилий в области освоения европейской (протестантской) рациональности вновь показывает на русскую имперскую традицию и даже православную архаику(!). Вновь Штольц не в почёте, хотя и к умилительной идеализации Обломова дело, вроде бы, не идет.

Обществу нужна передышка от напористой стремительности процесса очередной «смены вех». Прагматический капитализм, слегка откатившись от завоёванных позиций и замерев, говоря языком биржевиков, «фиксирует прибыль». Перед какой перспективой? Перед падением или дальнейшим взлётом «рынка» прагматических практик? А вот сие – тайна великая есть...

Актуальность диссертационного исследования. Данное исследование вдохновлено идеей науки о науке, практикой научных изысканий в области истории отечественной и мировой социологии, целенаправленным изучением истории литературы и анализом современного литературного процесса, наблюдениями за социологизацией литературы и олитературиванием социологии.

Строго говоря, нет науки без предпосылок, – справедливо утверждал Ф.Ницше, – такая наука немыслима, самая мысль о ней паралогична: всегда должна иметься философия, «вера», из которой бы наука получила своё направление, смысл, границу, метод и право на существование.

Помимо философии и «веры» всякая новая научная дисциплина уже на начальном этапе становления должна определить ряд основополагающих моментов дальнейшего развития. В частности, ответить на вопрос, каким станет её язык, *стилистика изложения материала*, полученного в ходе исследований, или хотя бы обозначить основополагающие принципы и вектор развития этих важнейших информационно-коммуникативных компонент.

Развитие социологии, потенциал её исследовательских возможностей обостряют внимание к её генезису, непродолжительной, но яркой истории.

Несмотря на «молодость» русской социологии, выделить её истоки непросто, ведь зарождалась эта научная дисциплина в противоречивые, парадоксальные времена заключительной стадии мирового модерна, когда была сформирована основная совокупность общественно-гуманитарных научных дисциплин, среди которых социологии и предстояло обрести своё место.

«Русский период» отечественной социологии – «<...> это очень плодотворный и содержательный отрезок исторического времени, сконцентрировавший значимые открытия в области философии, в области формирующихся социальных наук. Проистекал он на фоне уникального философско-художественного явления, подаренного Россией миру, которое названо «серебряным веком» человеческой цивилизации»⁷.

Работа над уточнением генезиса русской социологии невозможна без серьёзных исследований социальной публицистики и, прежде всего, физиологического очерка, который занимает видное место среди предшественников социологической науки.

Актуальность теме сообщает усилившаяся тенденция к выработке общей теории социального мира, интегрированной социологической науки, в пользу чего высказались Э.Гидденс, И.Валлерстайн и некоторые отечественные социологи. Строить же такую теорию современной социологии без учёта влияния литературы и искусства, невозможно. Это объясняет почему в работах Пьера Бурдьё⁸ и его единомышленников размышления о литературе и её исследования занимают столь важное место. В социологической традиции предмет литературы считается маргинальным. Усилия П.Бурдьё способствуют пересмотру господствующей в социологии иерархии ценностей, бросают от лица социологии вызов предрассудкам и способам защиты, которые используют «гуманитарии», чтобы предотвратить вторжение социальной

---

⁷ Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть. М., 2008. С. 18.

⁸ П.Бурдьё, Поле литературы // Новое литературное обозрение. 2000, № 5. С. 22-87; Bourdieu P. «Les regies de l'arts: Genese et structure du champ litteraire», Paris: Seuil, 1992; Боскетти А. Социология литературы: цели и достижения подхода Пьера Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. 2004. Т. VII, № 5. С. 115-125.; Сапиро Ж. Французское поле литературы: структура, динамика и поле политизации // Журнал социологии и социальной антропологии. Т. VII. 2004, № 5. С.127.

науки на их территорию, веками освящаемую культом творения и художника. Процесс этот в социологической науке стал *значимым частным* во вдохновляющем нас глобальном явлении расширения и *гиперболизации общего*, ведь дискурс современной социологии указывает на её трансформацию в глобальную науку, каковой была для мирового гуманитарного сознания в период модернизации и всё ещё в значительной мере остаётся философия.

Степень научной разработанности проблемы.

Вопросы генезиса социологии затрагивают историки предмета И.А.Голосенко, Е.И.Кукушкина, С.С.Новикова, Б.Н.Чагин и⁹ др. Литературоведами и историками литературы исследован феномен физиологического очерка¹⁰.

В начальные для становления современной социологии и онтологически родственного ей в русской литературе метода реализма времена понятия «физиологического» и «социального» были практически тождественны, что и позволяет *отнести к предтечам социологии литературные «физиологии»*, в которых сконцентрировались в ожидании последующего развития поня-

---

⁹ Голосенко И.А. История социологии как научная проблема // Социологические исследования. 1976, № 1; Голосенко И.А. Социологическая литература России второй половины XIX - начала XX в. Библиографический указатель. М., 1995; Кукушкина Е.И. Русская социология XIX - начала XX веков. М., 1993; Новикова С. С. История развития социологии в России. - М.; - Воронеж, 1996; Чагин Б.Н. Очерк истории социологической мысли в СССР (1917-1969). - Л., 1971.

¹⁰ Авилова Н.С. Материалы по лексике и фразеологии физиологического очерка // Материалы и исследования по истории русского литературного языка. Т.IV. М., АН СССР, 1957; Белинский В.Г. Вступительная статья // «Физиология Петербурга», / составленная из трудов русских литераторов. Ч.I. / Под ред. Н.Некрасова. СПб., 1845; Виноградов В.В. Эволюция русского натурализма. Л., 1929; Добролюбов Н.А. Очерки и рассказы М.Т. Кокорева. // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. / Под ред. Е.В.Аничкова. Т. V. СПб, 1911-1913; Иванов В.П. И.Т.Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984; Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX в. М., 1982; Лихачёв Д. Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. 1969, № 9; Манн Ю.В. Философия и поэтика «натуральной школы». М., 1969; Полевой Н. Очерки русской литературы, Ч.I. СПб., 1839; Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма // В.Ф.Одоевский. Т. I. Ч. I. М., 1913; Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965; Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963.

⁸ Сиповский В.В. О сущности литературного влияния // Архив В.В. Сиповского. РО ИРЛИ РАН. Ф. 279. № 68; Сиповский В.В. Этапы русской мысли. Пг., 1924. С. 10.

тия, методы и даже методология позднейших литературно-научных и социологических исследований.

Конкретными детерминантами начального периода становления социологии в России выступают подвиды русского очерка, сменяющие один другого в литературном процессе в указанной последовательности: нравоучительный; бытоописательный, нравоописательный и физиологический. Позже, в 60-х – 70-х гг. XX в., к этим очерковым подвидам можно присовокупить ещё и социальную художественную прозу, в первую очередь – публикации «Нового мира» А.Твардовского¹¹. Предпринятый экскурс в историю предмета показывает описательными и формально-структурными методами сравнительного анализа родство находящихся там гносеологически близких явлений: социальной науки и социальной публицистики.

Такой подход не отрицает традиционного представления о возникновении и становлении социологии, а ставит целью дополнить, расширить видение процесса за счёт сближения научного и литературного феноменов.

Социолог и литературовед В.Сиповский, исследовавший аспекты литературного влияния на гуманитарные науки, справедливо отмечает, что при отсутствии реальных возможностей конкретно помочь угнетённому самодержавием народу, образованные слои населения, прежде всего – русские интеллигенты – зачастую переносили своё благородное стремление в области писательской и исследовательской деятельности, подчас не очень их разграничивая¹². Как следствие – затянувшееся пребывание освободительной художественной и научной мысли на публицистической стадии, явно выраженная гуманистическая ориентация (зачастую, в ущерб объективности) русской социологии, совпадающая с ориентацией народнической прогрессивной литературы на «страдающего человека».

---

¹¹ Аракчеев Ю. Подкидыш // Новый мир. 1997, № 9; Владимов Г. Три минуты молчания // Новый мир. 1969, № 7; Камов Ф. Я – маленький // Новый мир. 1966, № 10; Кондратьев Е. На китобойце // Новый мир, 1963, № 5.

Е.И.Кукушкина выделяет в истории русской социологии т.н. «публицистический» период. «Общественную мысль России отличает особое своеобразие по сравнению с социальными теориями Запада, – считает она. – Это проявилось, прежде всего, в том, что в течение длительного времени проблемы обществоведения освещались преимущественно с помощью средств художественной литературы и публицистики»¹³.

Чётко и определённо указал на гносеологические особенности отечественного социологического знания по сравнению с европейским А.И.Кравченко: «Вспомним работы Н.Кареева, М.Михайловского, П.Сорокина и большинства других российских социологов. Может быть, они поражают нас математическими расчётами, формализованными построениями или богатством эмпирического материала, полученного при помощи традиционных, описанных в любом учебнике социологических методов? Ничего подобного. Это чисто гуманитарное знание.

Совсем иной характер сочинений М.Вебера, Э.Дюркгейма, Т.Парсонса или Ф.Херцберга. Как бы глубоки ни были философские рассуждения, на первом месте – тщательность методологической прописки темы, возможности количественного измерения явления. Это – альфа и омега настоящего позитивизма, который на отечественной почве так и не привился»¹⁴.

Объектом исследования является процесс становления русской социологии.

Предметом исследования является социальная публицистика (физиологический очерк) как детерминант становления русской социологии.

Основные цели исследования:

- выявить социальное содержание в работах русских литераторов и социальных исследователей;

---

¹³ Кукушкина Е.И. Русская социология XIX – начала XX века. М., 1993. С.7.

¹⁴ Кравченко А.И. Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС. 1992, № 3. С. 42.

-выявить роль социальной публицистики в процессе становления русской социологии;

- доказать гипотезу о литературодетерминированном генезисе отечественной социологии;

-выявить наличие процесса конвергенции между научным феноменом «социологическое исследование» и феноменом художественно-публицистическим «физиологический очерк».

Задачи исследования:

-на основе сравнительного анализа текстов литературной публицистики социальной направленности, прежде всего – русских физиологических очерков, с одной стороны, и первых отечественных социологических исследований – с другой, выявить их гносеологическое родство и указать координаты и преобладающий вектор в константном процессе «конвергенция-дивергенция»;

-выявить и проанализировать феноменологию и национальные особенности исследуемых литературных явлений в контексте европейского литературного процесса и становления социологического знания;

-проанализировать в интересующем нас контексте одно из первых отечественных социологических исследований, работу «Промыслы Московской губернии»;

-выявить формирование «зародыша социологизма» в текстах литераторов «натуральной школы» (XIX в.);

-исследовать и обобщить основные аспекты возрождения физиологического очерка в 60-е гг. XX в.;

- рассмотреть дивергенцию и конвергенцию самостоятельных феноменов (социологии и литературы) с целью выявления в них родственных при-

знаков, которые, в перспективе, при затухании процесса дивергенции и усилении процесса конвергенции, станут строительным материалом языка и стилистики будущей социальной науки.

Научная проблема: стремительное усложнение социальной, политико-социальной и экономической ситуации в российском обществе стимулирует отечественных социологов на предпочтительное проведение конкретных социологических исследований, призванных ответить на животрепещущие вопросы социума. При этом с неизбежностью снижается роль и количество проводимых теоретических исследований, в том числе в области истории социологии. Эта тенденция негативно сказывается на общем состоянии теоретической социологии, призванной, в частности, указать вектор, содержание и перспективы трансформаций общественных отношений.

В такой ситуации уточнение генезиса отечественной социологии и углубление наших представлений о нём призваны способствовать установлению необходимого баланса между теоретическими и конкретными социологическими исследованиями, укреплению «фундамента», на котором возможно дальнейшее успешное строительство русской социологии.

Основная гипотеза исследования заключается в том, что, исходя из национальных, исторических, гносеологических особенностей научного процесса в отношении гуманитарных наук, становление русской социологии проистекало в существенно отличном от западно-европейской традиции виде. Основная особенность этого процесса определена как *литературная детерминированность отечественной социологии*.

Изначальная литературная детерминированность отечественной социологии, несмотря на строгость идейно-политической цензуры партократического режима, способствовала возрождению в 60-е гг. XX века практики социологических исследований и возрождению физиологического очерка.

Теоретической и методологической основой исследования служат:

1) теория сравнительного анализа (М.Вебер, Т.Кун, Н.Смелзер, П.Фейерабен и др.); 2) теория структуральной лингвистики (ОПОЯЗ, «московская школа», Р.Барт, Р.Гароди, Ж.Даррида и др.); 3) метод научной дедукции (Ф.Бекон, Д.С.Милль и др.); 4) монографический метод эмпирической социологии (Ф.Ле Пле, Д.Густы, Г.Осипов, В.Староверов и др.); 5) концепция публичной социологии (М.Буравой).

Эмпирическую базу исследования составляют:

-совокупность русских физиологических очерков первой трети XIX в. (Н.Полевой, И.Кокорев и др.);

-социальные очерки в творчестве русских писателей (В.Гиляровский, М.Горький, В.Короленко, Вл.Ф.Одоевский и др.);

-первые русские социологические исследования (В.Берви-Флеровский, А.Исаев, А.Щапов и др.);

-феномен возрождения отечественной социологии;

-феномен ренессанса физиологического очерка в 60-е гг. XX в. (К.Буковский, А.Процкевич, Ю.Черниченко и др.).

Научная новизна диссертационной работы проявляется в подходе к разработке темы. До данного диссертационного исследования взаимодействие литературного процесса и социологии в должной мере не рассматривалось. В диссертации рассмотрен вопрос влияния социальной публицистики на становление отечественной социологии. В диссертации достигнуто приращение научного знания путём обоснования детерминирующей роли социальной публицистики, доказана роль социальной публицистики в сложном и противоречивом процессе становления русской социологии.

В процессе подготовки диссертации автором:

- исследован феномен русской социальной публицистики (физиологического очерка) и его влияние на становление социологии;
- уточнены и систематизированы критериальные характеристики генезиса отечественной социологии;
- процесс взаимодействия отечественных социологии и публицистической литературы рассмотрен в векторе «от литературы к социологии», что перемещает акцент в исследовательском процессе с литературоведческого на социальное содержание;
- доказано наличие маятникового процесса дивергенции-конвергенции во взаимодействии социологии и публицистической литературы;
- преодолена размытость оценок процесса взаимодействия социологии и литературы, что привело к чёткой его структуризации, содержащей в качестве составных элементов: а) исследование *социальных явлений*, отражённых в литературных текстах, б) исследование социальных и социально-психологических характеристик персонажей; в) исследование *психологии творчества* автора как творца отражённой социальной реальности.

На материале исследования подготовлен лекционный курс по истории и теории социологии, спецкурс «Социология и литературный процесс».

В диссертации использован ряд новых терминов, в частности: «литературная детерминированность социологии», «избыточный социологизм», «литературный фундаментализм» и др., которые пока функционируют в качестве эгологизмов.

Обоснованность и достоверность результатов диссертационного исследования обеспечивается корректностью применения методологических принципов к анализу социологической и литературной информации, использованием достоверных источников, репрезентативностью выбора объектов исследования и верифицируемостью полученных данных. Научные положения, рекомендации и выводы оцениваются как достоверные. Содержание

диссертации соответствует специальности, по которой она рекомендована к защите.

Положения, выносимые на защиту:

1. Письменное воссоздание среды обитания индивидуума, которую обозначают *социальной средой*, утвердилось в первой половине века XIX в понятийном аппарате социальных наук термином «физиологизм».

2. Термин «физиология» по отношению к литературе в то время выражал стремление с точностью, близкой естественнонаучному анализу, исследовать жизнь средствами художественно-публицистического творчества. Отражением такого подхода явилась социальная публицистика и – главным образом – физиологический очерк.

3. Изучение социальной публицистики (физиологический очерк), выяснение степени и механизмов её влияния на становление отечественной социологической науки, подтверждает прогрессивное гуманистическое содержание как русской социальной литературы, так и отечественной социологической науки.

4. Социальная публицистика (физиологический очерк) содержит социологическое осмысление окружающего мира, что объективно сближает её в содержательном плане с социологическим исследованием.

5. Для социальной публицистики характерно выделение и показ типичного в общественной практике.

6. Эволюция социальной публицистики создала предпосылки более полного и разностороннего исследования социальных реалий.

Научная и практическая значимость исследования заключены в приращении социологического знания в области расширения и уточнения представлений о генезисе русской социологии. Вследствие проведённого в данной диссертации анализа феноменов физиологического очерка и ранних русских социологических исследований, возможно использовать получен-

ные выводы для дополнения и уточнения знаний об этапах истории социологии, анализа взаимоотношений социологии и литературы.

Конкретное личное участие автора в получении научных результатов. Автор на основе анализа научной литературы, периодических источников, а также анализа данных социологических исследований проследил процесс взаимодействия русской социальной публицистики и отечественных социологических исследований как в ретроспективном, так и в современном состоянии. Достоверно описал полученные результаты, сделал выводы и дал прогноз дальнейшего сближения традиционной социологии и социальной публицистики. Ввёл в научный обиход ряд терминов.

Апробация результатов диссертационного исследования.

Диссертация обсуждена в Федеральном государственном бюджетном учреждении науки «Институт социально-политических исследований российской академии наук (ИСПИ РАН). Ряд положений диссертации были изложены автором на научно-практической конференции «Современный Русский мир в социальных исследованиях и очерковой публицистике». На заседании «круглого стола» ежегодной научно-практической конференции: «Социальные аспекты игрового и документального кинематографа России».

По теме диссертационного исследования опубликовано 2 монографии, 7 статей в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрнауки РФ, 3 журнальные статьи, 3 публикации в интернет-изданиях общим объёмом 34,6 печатных листов.

Структура диссертации.

Диссертация состоит из введения, трёх глав, включающих 9 §, заключения, 2-х приложений, списка использованной литературы, списка научных публикаций автора.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ПРАВОУЧИТЕЛЬНЫЙ И ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЙ (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ) ОЧЕРКИ: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ, НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

§ 1.1. СТАНОВЛЕНИЕ РУССКОГО ОЧЕРКА: ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ, ОСОБЕННОСТИ ЖАНРА

Понятие *очерк* в русском языке XIX-XXI вв. имеет три значения:

1) *Контур, очертание*. На основе этого значения возникло широкое применение слова *очерк* в живописи, в изобразительном искусстве. Когда же впоследствии на словесно-художественное творчество переносились метафоры, образы и термины живописного искусства, то слово *очерк* стало в художественной литературе XIX в. применяться к манере словесного изображения чего-нибудь. Так, разбирая частные особенности стилистики автора романа «Лорин» П.А.Валуева, И.А.Гончаров пишет: «Тонкость, грация, деликатность его *очерков* (курсив - Ю.Г.) в сфере чувств, почти неуловимы — и от того местами неясны»¹⁵.

2) *Описание, изложение, исследование обзорного характера, дающее общее представление о сущности какой-нибудь темы, вопроса*. На почве этого значения вырастает обозначение «*очерками*» научных трудов, представляющих собою серию внутренне связанных эскизов, набросков, статей. Например: «*Очерки по истории русской социологии*».

3) *Небольшое литературное произведение, содержащее краткое выразительное описание чего-нибудь*. Например: *очерки народной жизни*.

Очерком же назвал И.А.Гончаров своё в целом впечатление от романа «Лорин» в частном письме к автору. В данном контексте «очерк» выступает как синоним «рецензии». «Вот беглый, поверхностный и отрывочный *очерк* (курсив – Ю.Г.) моего впечатления от прослушанного, а также и мои предположения о действии, какое произведёт роман на нашу прессу»¹⁶.

---

¹⁵ Гончаров И.А. в неизданных письмах к графу П.В.Валуеву. 1877-1882. СПб., 2006. С. 16.

¹⁶ Там же. С. 10.

В заметке «Об очерке», опубликованной в журнале «Жизнь для всех» № 12 за 1929 г., М.Горький писал: «Говоря об очерке как литературной форме, должно исходить от глагола чертить, очерчивать. Очерк равносильен и равноценен ”эскизу“ — наброску для памяти карандашом, пером»¹⁷.

Очерк как жанр отечественной литературы возник ещё в XVIII столетии, в XIX в. окончательно оформился в литературном процессе стремительно поднимающегося тогда русского реализма, и с тех пор является одним из самых распространённых явлений письменного творчества. В жанре путевого очерка написаны «Путешествие в Арзрум» А.С.Пушкина и «Кавказец» М.Ю.Лермонтова. В 40-е годы XIX в. очерк активно используют В.И.Даль и И.И.Панаев, Д.В.Григорович и В.А.Соллогуб, а также писатели, ставшие впоследствии классиками отечественной литературы: Н.Некрасов, И.Тургенев, И.Гончаров, А.Герцен. В «Москвитянине» конца 40-х – начала 50-х гг. печатает свои физиологии писатель демократических взглядов (при некоторых уступках славянофилам) И.Т.Кокорев, которому, наравне с В.Г.Белинским, принадлежит одно из первых письменных упоминаний физиологизма в отношении литературного очерка. «Очерки мои отчасти сродни тем литературным блёсткам, что зовутся за морем физиологиями, – и поэтому-то осмеливаюсь представить на твоё (читатель) благоразумие несколько отдельных штрихов, тем более что они могут показать истинную точку, с которой надобно смотреть на целое»¹⁸.

Десятилетие 60-х – 70-х гг. обогатило отечественную изящную словесность очерковыми произведениями Н.Г.Помяловского, В.А.Слепцова, А.И.Левитова, Ф.М.Решетникова, но, прежде всего, М.Е.Салтыкова-Щедрина и Глеба Успенского. В узкой области очерка из крестьянской жизни объединились по тематическому и мировоззренческому родству народнические писатели П.Засодимский, С.Каронин, Н.Наумов, Н.Златовратский, А.Эртель, которые в творчестве руководствовались специфической идеологической

---

¹⁷ Горький М. Об очерке // Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С.489.

¹⁸ Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг.Л.,1932. С.126.

программой, лишь в самом широком смысле корреспондировавшей с демократическими традициями русской натуральной школы. В 80-е гг. выдающиеся образцы очеркового жанра создаёт В.Короленко, немногим позже – М.Горький. В уже упоминавшийся заметке «Об очерке» М.Горький подверг всестороннему анализу как саму очерковую форму, так и очерковую практику в творчестве ведущих русских и зарубежных литераторов: «У Мопассана, Бунина и др. этого рода очерк – “этюд для будущей картины”. <...> У них очерк – результат перенасыщения “впечатлениями бытия”, запись того, что впоследствии войдёт или отразится в их новеллах, рассказах, романах – чисто художественном творчестве. <...> Очерки Писемского носят явно публицистический характер. “Сахалин” Чехова не “очерк”, а исследование. “Записки из мёртвого дома” тоже не очерк, а тип социологического исследования. Очерк не “бесфабулен”, ибо всегда фактичен, а факт – уже всегда фабула. Можно ли сказать, что “впечатления старых писателей носят беглый характер, субъективны, опираются на непроверенные факты”¹⁹? Начиная с Далея, основоположника русского очерка, «Русский Шеффилд» Боборыкина, очерки Слепцова, Короленко, Левитова, Успенских и т.д., кончая Акульшиным, Максимовым и множеством других, мы видим, что очерки такой странной и неверной оценки не заслуживают»²⁰.

Отдельного упоминания заслуживает шедевр жанра – сборник очерков «Москва и москвичи» «дяди Гиляя» – легендарного В.А.Гиляровского, которому писатель Константин Паустовский посвятил проникновенный и заслуженный панегирик. «Есть люди, без которых не может существовать литература, хотя они сами пишут немного, а то и совсем не пишут. Это люди – своего рода бродильные дрожжи, искристый винный сок. Важно, что они жили и вокруг них кипела литературная жизнь своего времени, а вся современная им история, вся жизнь страны преломлялась в их деятельности»²¹.

---

¹⁹ Здесь М.Горький полемизирует с литератором Арамилевым, автором обращения «К читателю» предполагавшегося, но так и не состоявшегося сборника очерков «Наша жизнь» (прим. - Ю.Г.).

²⁰ Горький М. Об очерке // Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941. С.489.

²¹ Паустовский К. Дядя Гиляй // В. Гиляровский. М., 1955. С.8.

Изучение русского очерка, по мнению А.Г.Цейтлина, следует начинать с 70-х гг. XVIII в., когда сатирические журналы «Трутень» и «Живописец» Новикова, «Сатирический вестник» Страбова и другие массово печатали образчики такого жанра. Опыт раннего русского очерка пригодился очеркистам первой трети XIX в. Батюшкову, Ник. Полевому, Вл.Ф.Одоевскому.

Очерк XVIII в. по методу своему не являлся реалистическим, скорее - нравоучительным. Очеркисты выступали не столько «исследователями» общества, сколько его «исправителями». Изображая предосудительное, по их мнению, явление (придворного угодника, светскую модницу и т.п.) они ещё не могли указать на общественные закономерности предмета своего изображения. Они видели главную цель в противопоставлении «злому» «доброму», т.е. в моралистической критике. Отсюда – доминирующий схематизм и тематическое однообразие русского очерка этого периода. С начала XIX столетия сатирический очерк всё более уступает место очерку бытовому, нравоописательному. Очеркист перестаёт поучать, он всё чаще изображает колоритные нравы определённой социальной и географической среды.

Интересным для нас в плане предпринятого анализа является бытовой очерк К.Н.Батюшкова «Прогулка по Москве» (1811) – блестяще выполненная зарисовка уличной жизни русской столицы. Особенно колоритно описан автором Тверской бульвар – уже в те времена городской центр, сосредоточие разнообразных интересов москвичей, куда в «прекрасные утра апрельские и тихие вечера майские» стекаются толпы праздных москвичей. Автор с доброй иронией сообщает, что «Хороший тон, мода требуют пожертвований: и франт, и кокетка, и старая вестовщица, и жирный откупщик скажут в первом часу утра с дальних концов Москвы на Тверской бульвар. Какие странные наряды, какие лица!»²². Галерею живописных литературных портретов дополняют провинциальный щеголь, университетский профессор «в епанче, которая бы могла сделать честь покойному Кратесу», стихотворец, надеющийся получить за чтение эпиграммы похвалу или приглашение на обед, и

---

²² Батюшков К.Н. Тверской бульвар // Сочинения. М., 1955. С. 312.

«шалун», который напевает водевили и травит прохожих своим пуделем.

В особо интересующем нас социальном разрезе характерна следующая зарисовка Москвы, приведённая в очерке К.Н.Батюшкова: «Возле огромных чертогов вот хижина, жалкая обитель нищеты и болезней. Здесь целое семейство, изнурённое нуждами, голодом и стужей – дети полунагие, мать за прялкой, отец, старый заслуженный офицер, в изорванном майорском камзоле, починяет старые башмаки и ветхий плащ, чтобы по утрам можно было выйти на улицу просить у прохожих кусок хлеба <...>»²³. Картинка, вызывающая в памяти куда как более известные массовому читателю произведения революционных демократов поздней поры, в частности – Н.Некрасова. Однако, далее констатации этого вопиющего неблагополучия и несправедливости (описываемый отец семейства – «заслуженный офицер», майор, если судить по изодранному камзолу) К.Н.Батюшков не идёт. «Вот Москва, большой город, жилище роскоши и нищеты»²⁴. Констатирован факт, взята на заметку характерная ситуация, нетрудно понять авторское отношение к предмету изображения. Углубившись в психологию восприятия, мы различим косвенное обращение автора к совести читателя и даже, если в том возникнет нужда, готовность к полемике с этой читательской совестью во имя ломки предрассудков и привычек, но ничего, что касалось бы *причин* и *следствий*, мы не найдём в пространном тексте очерка. *Социальный анализ* – до него ещё годы упорной работы сонма бытописателей.

(Читателя, желающего сравнить, чем схожи и чем разнятся описания Тверского бульвара и его случайных посетителей и завсегдатаев у К.Н.Батюшкова и одного из самых ярких прозаиков современной России С.Н.Есина, сравнить, и тем самым ещё раз удостовериться в преемственности литературных традиций и неизбежности новаций, связанных, в первую очередь, с изменением социальной компоненты описываемых персонажей и пространства их существования, отсылаем к роману «Твербуль»)²⁵.

---

²³ Там же. С. 313.

²⁴ Там же. С. 314.

²⁵ *Есин С.Н.* Твербуль // Юность. 2007, №№ 4-6.

И всё же первые необходимые *шаги познания* по этому пути уже сделаны. «Автор “Прогулки по Москве” уже сбросил с себя докучливые вериги сатирического очерка: далёкий от мысли “поучать”, он стремится “замечать физиономию”, наблюдать жизнь Москвы во всей пестроте её повседневных обычаев»²⁶. Отметим, что наблюдение жизни без попыток её дидактического осмысления, другими словами, *сбор объективной информации* является неременной, исходной стадией любого социологического исследования.

Предпочитая реальное *сущее* морализаторскому *должному*, Батюшков и писатели его направления существенно приближаются к изображению «физиологии» в том смысле этого термина, которое он приобретёт позже, в 40-е гг., став, по сути, синонимом «социальному» в современном толковании этого понятия. «Прогулка по Москве» ещё не содержит ни истории (развитого сюжета), ни детализованной географии места действия, ни пояснений, из которых читателю стало бы ясно, почему именно это место – Тверской бульвар сделалось центром московских гуляний. У писателя ещё нет интереса к *социальной проблематике* изображаемого им бытового явления.

Нет его и у Рылеева («Провинциал в Петербурге», 1821), Владимира Одоевского («Сборы на бал», «Невеста», «Первый выезд на бал», «Женские слёзы» и др.).

Одоевский отдельно интересен нам своим почти, что маниакальным стремлением запечатлеть посредством очеркового описания символический срез городского дома. Соавторство в реализации этого, выражаясь современным языком, «проекта», названного им «Тройчатка» – по трём объектам изображения: гостиная, чердак, погреб – он предлагал даже Пушкину²⁷. Получив от него отказ, переключился с проектом уже «Двойчатки» на Гоголя, но и с ним не преуспел. Обе части «Двойчатки» впоследствии были опубликованы отдельно. Гоголь под псевдонимом «Рудый Панёк» написал «Портрет», действие которого происходит на чердаке, в убогой мансарде художни-

---

²⁶ Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965. С. 7.

²⁷ Переписка Пушкина / Под ред. В.И. Сaitова. Т. III. СПб., 1906. С. 47.

ка Черткова. Одоевский, взявший псевдоним «Гомозейко», живописал быт обитателей светской гостиной княжны Мими в очерке «Княжна Мими». Так, с существенными сокращениями первоначального плана, всё же был воссоздан быт «гостиной» и «чердака», и тем самым, пусть и в усечённом виде, реализован на русской почве замысел предшественника, француза Жюль Жанена, призывавшего коллег изобразить большой столичный дом²⁸.

Нельзя обойти вниманием ещё одну работу В.Одоевского, которая, возможно, не оставив заметного, яркого следа в истории развития очеркового жанра, вместе с тем, обозначила самостоятельное художественно-научное направление – *русскую социальную футурологию*. Речь – о незаконченной социальной утопии «4338 год. Петербургские письма», появившейся в 1840 г. В ней писатель осуществил мечты об «обществе благоденствия», в котором управление было бы сосредоточено в руках царя – «первого поэта» и министра истории, министра философии, премьера, носящего звание министра примирения и т.н. Вымышленный герой записок – китайский(!) студент – путешествует по России XLIV столетия. Он сталкивается с обществом, в котором учёные осуществляют управление. Небо бороздят воздушные корабли, одежды людей сделаны из синтетических материалов, а просторы Сибири пересекают трансевроазиатские электропоезда. Развитие культуры и науки под неусыпным патерналистским оком мудрого самодержца, по мнению В.Одоевского, преобразят мир в лучшую сторону, смягчат нравы, принесут счастливую жизнь для всего общества.

Сейчас, после разорительных для страны семи десятилетий «красного эксперимента» большевиков, в процессе все ещё длящихся, не менее трагических для большинства народа реформаторских деяний радикальных неолибералов, становится всё более отчетливо ясно, что именно просвещенная конституционная монархия в сочетании с сильной государственной властью и многовекторностью внешней политики (при определённых евразийских предпочтениях) является наиболее естественной, национально и исторически

---

²⁸ *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929. С. 161.

детерминированной формой существования России во многополярном и априори враждебном ей мире. Это хорошо понимали русские мыслящие люди ещё в позапрошлом веке! Это в меру отпущенного ему таланта попытался отобразить В.Ф.Одоевский. Как жаль, что их идеи, их патриотическим образом настроенные голоса оказались не услышанными последующими самонадеянными поколениями. Как жаль, что для нынешних (Бог знает, каких по счёту!) «реформаторов» в России не существует никаких морально-нравственных ограничений и табу, что история, традиции родной страны, многовековой опыт, ментальность народа для них – потерпевших фиаско, но всё ещё остающихся у власти радикальных неолибералов - terra incognita!

Ни опыт русского сатирического очерка XVIII в., ни обретения бытового очерка первой половины XIX века в процессе развития отечественной литературы не пропали втуне. Сошлёмся на роман «Семейство Хомских» Д.Н.Бегичева (1832) г. с подзаголовком «Некоторые черты нравов и образа жизни, семейной и одинокой, русских дворян». Претерпев стилистическую правку и замену объекта изучения – «дворян» на, скажем, «представителей среднего класса», подзаголовок романа Д.Н.Бегичева вполне мог бы стать названием темы современного социологического исследования.

Бегичев, равно как Калашников, Степанов, Погодин и другие литераторы этого направления, занимают в истории развития отечественного очерка промежуточную позицию между *бытовым* и *физиологическим* методом отражения реальности. Несмотря на то, что, как за всех выразился Бегичев, они представляют читателю в своих текстах «не идеальное, а существенное, т.е., что мы видим беспрестанно, что у нас перед глазами»²⁹, писатели эти не являются «физиологами» в том смысле, в котором этот термин приложим к очеркистам 40-х гг. Последние в значительной мере усовершенствовали творческий метод «бытописателей», придали ему большую концентрированность в стилистике изложения события, объекта описания, ввели социально-бытовые характеристики изображаемых объектов и персонажей.

---

²⁹ Бегичев Д.Н. Семейство Холмских. М., 1832. С. 11.

§ 1.2. ПРАВООПИСАТЕЛЬНЫЙ (ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ) ОЧЕРК: ФЕНОМЕНОЛОГИЯ, ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

«Физиологии» – бытовые правописательные очерки были распространены во Франции в 1820-1840 гг. Само понятие «физиологии» в литературе ввел франц. писатель и юрист Б.Саварен, издавший книгу «Физиология вкуса» (1826). Большую популярность приобрело издание П.Л.Крюмера в 9-ти томах «Французы в их собственном изображении». Физиологический очерк как форму самовыражения сразу же признала демократическая, республиканская прослойка французских писателей: Ж.Санд, Ф.Сулье, Ф.Пиа, П.Борель, П.Ш.де Кок, Ж.де Лабрюйер, А.Р.Лесаж, Л.Гозлан и «доктор социальных наук» О.Бальзак, который вместе с А.Дюма, Ж.Жаненом и другими популярными французскими писателями того времени непосредственным образом принял участие в издании П.Крюмера.

Физиологический очерк занимал заметное место и в других литературах: английской (Ч.Диккенс, У.М.Теккерей), американской (У.Ирвинг) и др.

Важно отметить, что возникновению, становлению и развитию физиологического очерка немало поспособствовали достижения тогдашней физиологии, которая, вкупе с родственными ей естественными науками, помогала литераторам вырабатывать научный метод социологического исследования действительности. Вышедшие в начале XIX века труды Ж.Б.Лемарка и Э.Ж.Сент-Илера (в частности, борьба последнего против метафизической теории неизменности видов Ж.Кювье) способствовали выработке в общественном сознании доверия к эволюционным взглядам на историю не только в биологической, но и в общественной жизни людей.

Не рассматривая специально тему влияния открытий Ч.Дарвина на творчество «отцов-основателей» социологии, отметим, что аналогии общества с биологическими органами были характерны для раннего позитивизма, что особенно сильно проявилось в творчестве Г.Спенсера, утверждавшего, что «<...> относительно “физиологического разделения труда” социальный

организм и организм индивидуальный совершенно одинаковы»³⁰. Успехи тогдашнего естествознания раскрывали взаимную связь индивидов, подчёркивали необходимость их изучения в свете всех обстоятельств жизни, протекающих процессов как внутри индивида, так и внутри среды или общества. Естествознание стихийно подводило к идеям диалектики, хотя относилось к ним бессознательно и применяло непоследовательно. И всё же оно воспитывало уважение к фактам, внимательному отношению ко всем формам проявления общественной жизни. Как все органы тела важны и взаимодействуют слаженно, так и каждый член общества заслуживает внимания, потому что играет определённую роль в общественном организме.

О.Конт отнёс к социальной статике «социальную анатомию», изучающую строение социального организма, а к социальной динамике – «социальную физиологию», изучающую его функционирование³¹.

Его современник, франко-бельгийский математик и учёный-естествоиспытатель Л.А.Кетле, работы которого сегодня причисляют к первым научным трудам по социальной статистике, выделил социальную физиологию в качестве дисциплины, изучающей функционирование «социального тела». В работе «Социальная система и законы ею управляющие» Кетле пишет: «<...> между науками, имеющими предмет человека, и науками, относящимися до социального тела, необходимо должна существовать известная связь. Эта аналогия идёт даже дальше, чем кажется с первого взгляда. Таким образом, всё, считаемое органическим телом, одарённое жизнью, состоит из разных, существенно необходимых частей, изучение которых составляет особую науку, называемую *анатомией*. Её называют анатомией растений, анатомией животных, анатомией человека, смотря по тому, относится ли она к растениям, животным или человеку. Социальное тело имеет также свою анатомию, неправильно называемую *статистикой* <...> Рассматривая жизненные явления, мы находим ту же аналогию, и наука, зани-

---

³⁰ Спенсер Г. Синтетическая философия. Киев, 1997. С. 287.

³¹ Гофман А.Б. Семь лекций по истории социологии. М., 1995. С.78.

мающаяся этими явлениями, принимает название *физиологии*. Следуя тому же порядку, мы говорим: физиология растений, животных, человека, смотря по тому, чем она занимается. Но какое название следует дать жизненным явлениям, представленным социальным телом? Следует также назвать их *социальной физиологией*? По-видимому, этого требует идея сходства» (курсив по всей цитате – Ю.Г.)³².

Сходство высказанных Л.А.Кетле идей с идеями О.Конта было настолько очевидным, что последний обвинял Кетле в плагиате.

Отмечавшийся с середины XIX в. рост интереса к обществознанию был также связан с верой молодых интеллектуалов 1860-80-х гг. в позитивистские постулаты науки и анализ фактов как «средство овладения действительностью» (по выражению итальянского теоретика и историка литературы Ф. де Санктиса)³³. Художественное творчество многих крупных писателей в этот период развивается по аналогии с научными исследованиями. Не случайно миланский литературный критик Ф.Камерони утверждал в те годы: «Имя Золя станет знаменем реализма и *физиологии* (курсив – Ю.Г.) в художественном творчестве от Парижа до Петербурга, от Петербурга до Милана»³⁴.

Надо полагать, что очевидный для нас упрощенческий характер установок этой «физиологической» теории, особенно проявляющийся в применении к общественным наукам и литературе, и чреватый при дальнейшем развитии механицизмом и вульгарным материализмом, вполне устраивал современников термина – его авторов и пользователей.

Как это часто случалось в пристально следившей за европейской литературной жизнью России, практически одновременно с французским изданием П.Крюмера в Санкт Петербурге выходит альманах А.П.Башуцкого «Наши, списанные с натуры русскими», а затем, на протяжении 1840-1842 гг. – еще 13 выпусков этой очерковой серии.

---

³² Кетле Л.А. Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866. С. 239-240.

³³ Володина И.П., Акименко А.А., Потапова З.М., Полуяхтова И.К. История итальянской литературы XIX-XX веков. М., 1990, С. 150.

³⁴ Там же. С. 110.

Альманах А.П.Башуцкого «наши, списанные с природы нашими», положил начало русскому физиологическому очерку.

В.Г.Белинский, чуткий к литературным новациям, впоследствии заметил: «<...> теперь пределы романа и повести раздвинулись: кроме “рассказа”, давно уже существовавшего в литературе как низкий и более лёгкий вид повести, недавно получили в литературе права гражданства так называемые физиологии, характеристические очерки разных сторон общественного быта»³⁵. За короткий отрезок времени выходят сборники «Очерки московской жизни» П.Вистенгофа (1842), «Лицевая сторона, или Изнанка рода человеческого» Ф.В.Булгарина (1842), альманахи Н.А.Некрасова «Физиология Петербурга» (1845), «Петербургский сборник» (1846), «1-е апреля» (1846). За неполное десятилетие (1839-1848) вышло в свет не менее 700 физиологических очерков, а в жанре этом выступили такие отличные друг от друга беллетристы, как В.А.Соллогуб, П.В.Ефёбовский, Н.А.Некрасов, П.С.Федоров, А.П.Башуцкий, Д.В.Григорович, И.А.Гончаров, В.И.Даль, И.И.Панаев, П.Ф.Вистенгоф, И.Т.Кокорев, Е.П.Гребёнка, С.Ф.Дуров, В.В.Толбин и др.³⁶

Вместе с тем, неверно было бы предполагать исключительную вторичность, подражательность русского физиологического очерка по отношению к европейскому аналогу.

Во-первых, у русского феномена явственно видны сугубо отечественные корни. Первые русские назидательно-нравоописательные *этнографические* очерки, предвосхитившие физиологические, были написаны ещё в первой половине XIX в. К.Н.Батюшковым: «Прогулка по Москве» (1811-1812 гг.); В.Ф.Одоевским: «Сборы на бал», «Женские слезы», «Невеста» (1820-е гг.); Н.А.Полевым: «Новый живописец общества и литературы» (1832)³⁷.

---

³⁵ Белинский В.Г. Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья вторая // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1955. С. 316.

³⁶ Иванов В.П. И.Т.Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984. С. 72.

³⁷ Подробнее: Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе X в. М., 1982; Манн Ю.В. Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969; Цейтлин А.Г. Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965; Якимович Т. Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963.

Во-вторых, что до собственно русских очерковых физиологий, то и они вовсе не копировали закордонных аналогов. В русских физиологиях, в отличие от тех же французских, практически не изображались люди света и интеллигенция. Русские писатели отдавали предпочтение представителям «третьего сословия», мещанам и т.н. «черни», которая в значительной мере состояла из крепостных и недавно отпущенных крестьян.

Таким образом, русские физиологии являлись демократичнее и реалистичнее французских. В отличие от французских очеркистов, которые в большинстве случаев ограничивались спокойной (объективной?) констатацией социального неблагополучия, их русские коллеги искали радикальные способы избавления от нищеты. За немногими исключениями, они также не поддерживали практику частной благотворительности, которая, по их мнению, лишь развращала народ, способствовала его физической и морально-нравственной деградации и развитию в среде бедняков опасной для них резиньяции – психологии примирённости с судьбой.

Поэтому правильнее было бы говорить о двуедином генезисе русского физиологического очерка, который составляют доморожденная литературная линия, исполненная отечественными писателями, а также европейское (в основном французское) заимствование. Даже, скорее, не столько заимствование, как вдохновлённость³⁸.

Физиологический очерк, в отличие от более «вольных» разновидностей этого жанра, строится не просто на точном («дагерротипном»³⁹) воспроизведении фактов, но и имеет чёткие структурные черты, гносеологически *роднящие его как вид с социологическим исследованием* и в существенной мере

---

³⁸ В музыкальном сочинительстве термин «вдохновлённый» получил широкое распространение у композиторов XIX-XX вв. Даже самые известные из них: К-М.Вебер, М.Равель, Ф.Шуберт, Р.Щедрин и др. не считали зазорным указывать в титуле своих произведений «вдохновлённый И-С. Бахом», «вдохновлённый В-А.Моцартом» и т.п.

³⁹ Термин «дагерротипный» вошёл в обиход в связи с физиологическим очерком и употреблялся примерно в том же значении, какое мы теперь вкладываем в понятие «фотографичность». В.Ф.Одоевский утверждал, что дагерротипия «<...> может служить одним из самых осязаемых доказательств, что подражание природе, и самое точное, не есть ещё искусство» (*Сакулин П.Н. Князь В.Ф. Одоевский мыслитель-писатель // Сакулин П.Н. Из истории русского идеализма. Т. I. Ч. I. М., 1913. С. 501.*).

отличающие от иных форм литературно-публицистического письма. К важнейшим из этих черт относятся:

- отсутствие сюжета в традиционном понимании термина;
- принцип локализации действия;
- использование статистически точных сведений при описаниях местности, времени действия, персонажей;
- отношение к воспитанию, образованию, жизненным условиям героев как к основным их характеристикам;
- повышенное внимание к характеристике социальных типов и среды;
- изображение жизни в социальном «разрезе»;
- чёткая тенденция к типизации изображаемого явления, стремление создать образы-типы.

Стремление создать образы-типы Н. Некрасов определял как характерную черту «литературной физиологии», как «историю внутренней нашей жизни». А В.Г. Белинский, рецензируя произведения казака Луганского (под этим псевдонимом выступал В. Даль), показал, какая важная роль в процессе типизации отводится художественной одарённости литератора: «В физиологических очерках своих Даль является уже не просто бывалым, умным, наблюдательным человеком и даровитым литератором, но ещё и художником... В самом деле, для того, чтобы написать “Дворника”, “Денщика” и “Колбасники и бородачи”, мало наблюдательности и самого строгого изучения действительности: нужен ещё элемент творчества. Иначе изображения дворника, денщика и купцов с купчихами и купецкими дочерьми не являлись бы в статьях г. Даля *типами* (курсив – Ю.Г.), не поражали бы своей живостью, внутренней верностью действительности, не врезывались бы навсегда и так глубоко в память того, кто прочёл их раз»⁴⁰.

Физиологический очерк зафиксировал отказ от романтических сюжетов и приёмов расширения романтических образов. Более того, он сформиро-

---

⁴⁰ Белинский В.Г. Из рецензии на кн. «Повести, сказки и рассказы казака Луганского». СПб., 1846 // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1955. С. 82.

вал установку на сознательное выдвижение *демократического* героя. Если же вести речь в целом о натуральной школе, к которой в жанровой иерархии принадлежал и физиологический очерк, то её тексты не только преодолевали романтические штампы с «единодержавием» героя, но и исключительность самих романтических героев, таких, как Чацкий, Онегин, Печорин. В этом социально-классовом предпочтении отражена особенность русского литературного «физиологизма» и, соответственно, его принципиальное отличие от предшествующего ему французского аналога.

Идейную установку литераторов французской физиологической школы сформулировал Ж.Жанен в предисловии к изданию «Французы в их собственном изображении». «Мы хотим только найти способ оставить после себя следы того, что называем частной жизнью народа. <...> Мы должны подумать о том, что когда-нибудь наши внуки захотят узнать, кем мы были и что мы делали в наше время; как мы были одеты, какие платья носили наши жены, какими были наши дома, наши развлечения, наши привычки <...> что понимали под красотой. О нас захотят узнать всё: как мы садились на лошадь, как были накрыты наши столы, какие вина мы предпочитали»⁴¹.

С этой «куцей программой», как справедливо охарактеризовал её исследователь предмета⁴², программой, ставящей хотя и исторически важную, но локальную, частную задачу отразить бытование класса добропорядочных французских буржуа, выгодно контрастирует в нравственном отношении высказывание Вал. Майкова, которое вполне можно воспринимать как программу для литератора русского физиологического направления. В рецензии на стихи А. Плещеева 1845-1846 гг., он страстно утверждает: «Стихи к деве и луне кончились навсегда. Настаёт другая эпоха: в ходу сомнения и бесконечные муки сомнения, страдание общечеловеческими вопросами, горький плач на недостатки и бедствия человечества, на неустроенность общества, жалобы на мелочь современных характеров и торжественное признание своего ни-

---

⁴¹ Якимович Т. Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963. С. 178-179.

⁴² Кулешов В.И. Натуральная школа в русской литературе XIX в. М., 1982. С. 89.

чтожества и бессилия; проникнутые лирическим пафосом возвания на доблестный подвиг, стремление к вечному идеалу, к истине... – вот что теперь в ходу!... Таков дух времени. Поле обширное для деятельности почётной и благотворной»⁴³.

Лишь утверждение «Стихи к деве и луне кончились навсегда» может вызвать скептическую, но добрую улыбку и напомнить о максимализме бескомпромиссной молодости. «Никогда не говори никогда!» - это не для них - восторженных ниспровергателей устоев! К тому же, в нашем теперешнем просвещённом сознании аксиоматически закреплено неприятие лиризма авторами физиологий, одним из идейных вдохновителей которых оставался всю свою короткую творческую жизнь (15 месяцев) Валериан Майков.

Для физиологического очерка также характерны:

- внимание к деталям;
- интерес к курьёзным объявлениям и надписям;
- интерес к речевым характеристикам персонажей (арго, жаргон);
- предпочтение отражения реальности художественному вымыслу;
- ирония, временами достигающая уровня сарказма. Характерно, что

этот троп интенсивной эмоциональной окраски чаще характеризует писателей менее художественно и социально значимых, нежели литераторов первого ряда. У последних ирония и сарказм уступают место прямому социальному изобличению, как это можно наблюдать в творчестве Ф.М.Достоевского, создавшего в ряде произведений яркую и правдивую «физиологию» Санкт-Петербурга, прежде всего, с точки зрения его парий, отверженных.

Характерны стиль и лексический состав русского физиологического очерка, которые, прежде всего, обусловлены темой описания. Среди тем преобладали быт городской среды, какое-либо лицо, характерное своей принадлежностью к определенной профессии или среде (торговец, приказчик, извозчик, трактирщик, разносчик, шарманщик, дворник, сваха и т.д.). Стремясь к наиболее реалистическому показу действительности, авторы очерков наме-

---

⁴³ *Майков Вал. А.Н. Плещеев // Критические опыты. СПб., 1891. С. 129.*

ренно насыщали их жаргонной и просторечной лексикой и фразеологией, которая, по их мнению, способна была адекватно отразить описываемую реальность. Часто используемые авторами физиологий просторечные, профессиональные, жаргонные слова и выражения выходили за границы узаконенной литературной лексики и, даже введенные в текст, оставались, так сказать, выразительными средствами одноразового использования. Одновременно с этим, очерковые физиологии внесли заметный вклад в развитие русского литературного языка. Как считает автор фундаментального исследования лексики и фразеологии физиологического очерка Н.С.Авилова: «<...> проникая в язык художественной литературы, насыщая его словами и выражениями, употребительными в разговорном живом языке низших слоёв населения, описанная лексика расширяла границы литературного языка, вводила в его состав новые слова и выражения»⁴⁴.

Укажем ещё на немаловажный для отечественной культуры и, в частности, издательской деятельности аспект очеркового физиологизма. Являясь словесными *иллюстрациями* социальных явлений, персонажей, нравов и обычаев городской среды, литературные «физиологии» способствовали развитию *иллюстраций изобразительных*⁴⁵. (Приложение 1).

Литературные «физиологии» вдохновили ряд художников на нравоучительные, бытописательные произведения. В живопись хлынул фельетон. Даже величайший русский живописец-мистик М.В.Нестеров не избежал искусства жанра. Обосновавшись в столице, он пишет ряд незамысловатых сценок: «Задавили» (1883) – толпа зевак возле жертвы уличного движения; «Домашний арест» (1883) – жалкий пьяница сидит на диване без сапог, предусмотрительно снятых женой, чтобы не убежал в кабаk; «Знаток» (1884) – дородный купчина разглядывает картину через свёрнутую в трубочку бумагу. И видно, что невежда, а, возможно, от него зависит судьба автора картины.

---

⁴⁴ Авилова Н.С. Материалы по лексики и фразеологии физиологического очерка // Материалы и исследования по истории русского лит. языка. Т.IV. М., 1957. С.165.

⁴⁵ Подробнее: *Варшавский Л.Р.* Русская карикатура 40-е – 50-е гг. XIX в. М., 1937; *Кузьминский К.С.* Русская реалистическая иллюстрация XVIII-XIX вв. М., 1937.

С жанра бытовой «физиологической» сценки начинал и Павел Федотов – один из самых ярких русских живописцев критического реализма. Первым и, возможно, самым известным живописным полотном П.Федотова стало «Свежий кавалер» (Приложение 2).

Нас в контексте заявленной темы более всего интересует соотношение объективного и субъективного начал в этом творении. Ведь *проблема объективности* при отражении социальной реальности является во многом основополагающей в процессе трансформаций физиологического очерка и собственно социологического исследования.

Характерен в этом смысле диалог-спор через столетие известного русского литературного критика и культуролога В.Стасова и русского писателя советского периода Владимира Солоухина по поводу прочтения картины художника П.Федотова «Свежий кавалер», подробно, в деталях, изложенный В.Солоухиным в его «Письмах из русского музея».

Изображенная на холсте сценка незамысловата, но смешна. Чиновник, получивший орден и спрыснувший его накануне, примеряет этот знак отличия на домашний халат и куражится перед молодой кухаркой. Кухарка же показывает ему его собственный худой сапог.

Вот как прочитал федотовского «Кавалера» В.Стасов: « <...> перед нами поднаторелая, одеревенелая натура, продажный взяточник, бездушный раб своего начальника. <...> Он свиреп и безжалостен, он утопит, кого и что хотите <...>. Злость, чванство, вконец опошлившаяся жизнь – всё это присутствует на этом лице, в этой позе и фигуре...».

Человечишка изображён П.Федотовым, конечно же, мелкий, но, непредвзято глядя на него, на всю запечатлённую художником жанровую сценку, можно опровергнуть каждое утверждение маститого критика. И В.Солоухин делает это с блеском.

«Настоящий карьерист и сухарь, «одеревенелая натура» не будет становиться в позу перед кухаркой, тем более в ночном халате, – здраво утверждает «критик критика». - <...> То, что он куражится перед кухаркой, гово-

рит скорее о его весёлом, общительном нраве, о его, если хотите, (любимое у критиков словечко) демократизме. О том же (весёлый общительный нрав) говорит и гитара, под которую он поёт, вероятно, жестокие романсы, и может быть – кто знает? – хорошо поёт. О нраве же (а не об одеревенелости) говорят следы бесшабашней вечерней попойки⁴⁶». И т.д., и т.п. ...

Беззлобный кавалер толерантного В.Солоухина, наверняка, более симпатичен большинству нынешних россиян, нежели его злобная интерпретация идейным фанатиком В.Стасовым. Но сколь типичен он для своего сословия – русского самодержавного чиновничества? Как за частным разглядеть общее, типическое?...

К середине 40-х гг. во всё большей мере становилось очевидным, что для отражения *типического* требуется не столько пусть самый блестящий *субъективный* взгляд на личность или явление, как, пускай, сухое, занудное, но подкреплённое неопровержимыми фактами и столбцами цифири *объективное* знание.

Знание, которое могло предоставить только социальная наука.

§ 1.3. ФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОЧЕРКИ Н.ПОЛЕВОГО И И.КОКОРЕВА КАК ХАРАКТЕРНЫЕ ОБРАЗЦЫ ЖАНРА

Первым писателем, которого без оговорок можно отнести к очеркистам физиологического направления, стал Николай Алексеевич Полевой. Своею задачу литератора он видел в том, чтобы «показывать пороку и глупости простое зеркало, в котором видели бы они уродливые свои хари»⁴⁷. Полевой в творческом методе опирался на достижения сформировавшейся традиции французских «физиологий». Известно, что он не просто читал альманах «Le diable boiteux, ou le livre de 101», вышедший в 1831г. в Париже, а серьезно проанализировал его. В итоге в издаваемых им журналах опубликованы переводы статьи Жанена об уличной промышленности Парижа («Мос-

⁴⁶ Солоухин В. Письма из Русского музея. М., 1990, с.63-65.

⁴⁷ Новый живописец общества и литературы, составленный Н. Полевым. Ч. III. М., 1832-1836. С. 24.

ковский телеграф») и два очерка (переводной и самого Н.Полевого) о мелкой промышленности Парижа и Москвы, объединённые в единый журнальный раздел «Москва и Париж в мелкой живописи нравов» («Новый живописец»).

Подобно высоко чтимому им Ф.-И. Галлю, Н.Полевой стремится «судить о человеке по черепу», т. е., о целом, по его значимой детали. Подробно и всесторонне изучает с этой целью метафорический «череп» Парижа – его «мелкую промышленность», живописует специфику парижских улиц, экзотических профессий парижского дна и даже промыслов уголовного мира.

Столь же остроумно и увлекательно Полевой изобразил в аналогичном ракурсе современную ему Москву. В очерке «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские»⁴⁸ он одним из первых представил в зачине текста данные московской статистики. По сути, мы имеем дело со *статистической аппроксимацией*, когда величины или объекты приближённо выражаются посредством более простых величин или объектов.

Для удобства восприятия и последующего оперирования статистическими данными мы поместили их в табл. 1.

Таблица 1.

Данные московской статистики

Площадь	Домовладения	Население
64 кв. версты.	10 000 домов	более 300 000 чел. Из них:
		20 000 подьячих;
		12 000 цеховых;
		47 000 мещан;
		3 000 иностранцев
		50 000 крестьян
		70 000 барских людей

⁴⁸ Там же. С. 256.

Согласно таблицы, «потерянными» оказались 98 000 чел, 1/3 заявленного населения Москвы. Их Полевой относит к тем жителям, «<...> кто живёт в Москве, не имея ни перед собой, ни за собой, ни приюта, ни какого средства жить, кроме двух рук с прибавкою желудка, который надобно чем-нибудь насытить, и головы, которую надобно преклонить куда-нибудь»⁴⁹.

Рассуждая далее о мелкой промышленности московской, Н.Полевой, подобно социологу более поздних времён, классифицирует исследуемый предмет по собственному меткому выражению на «три этажа»⁵⁰. Наиболее престижный из них – бельэтаж занимают «<...> большие торговцы, фабриканты, заводчики, поставщики, откупщики, подрядчики со своими огромными капиталами, обширными заведениями, превосходными изделиями, конторами, магазинами»⁵¹. На первом этаже, внизу социальной лестницы, процветает «деятельность мелкая, часто одноручная, всегда пёстрая, подстрекаемая нуждою, голодом, холодом, жаждою: тут цеховой, ремесленник, кустарник, разносчик, развозчик, переносчик, лоскутник – копейка вертится, катится ребром; телега заменяет обоз; короб служит магазином»⁵². Верхний этаж занят шарлатанством, «всем тем, что промышляет без миллионов и копейки, без магазинов и телеги, без станка и шила. Тут прожектёры на деле и на бумаге. <...> комнаты бывают убраны хорошо и худо; пьют то шампанское, то воду; торгуют всем – даже смехом и слезами ближнего, веселятся в печали, печалются в радости»⁵³.

Н.Полевой приглашает читателя на прогулку по центру московской торговой жизни: Китай город, Воскресенские ворота, охотнорядские рынки. Искусно оперирует технической терминологией, широко использует аргю и жаргоны московских улиц (табл. 2). «Мир мелкой промышленности имеет свой словарь, до сих пор не собранный. У всякого мастера, у всякого ряда, у

---

⁴⁹ Там же. С. 266.

⁵⁰ Плодотворным оказалось сравнение социально-производственной структуры общества с домом. До Н.Полевого сравнение использовал Одоевский, а ещё ранее – француз Ж. Жанен.

⁵¹ *Новый живописец общества и литературы*, сост. Н.Полевой. Ч. III. М., 1832-1836. С. 259.

⁵² Там же. С. 260.

⁵³ Там же. 260.

всякого товара есть своя *техническая терминология*»⁵⁴.

Таблица 2.

Профессиональная терминология московских торговцев

Наименование товара	Профессиональные определения (техническая терминология)
Солод	Свежий, чистый, рощеный, молотый, без примеси
Горох	Сухой, свежий, не гнилой, нечервоядный, без запаха
Крупа	Не затхлая, не солоделая
Сухари	Добротные, выпеченные, неподгорелые, без закала, выквашенные
Мясо говяжье	Свежее, битое из живой жирной скошины, без голов, голяшек, зарезов и хвостов, необрезное

К 40-м гг. очерк освободился от установки на сенсации, на отыскание «тайн» в духе романов Э.Сю и, как говорится, двумя ногами опустил на грешную землю. Объясняется это тем, что открытия и отображения социальных контрастов совершались не со снобистских позиций аристократа-филантропа, как у того же Э.Сю, а с позиций русского писателя, в массе своей тяготеющего если ещё и не к выраженной демократичности, то, по крайней мере, к весьма прогрессивному народничеству. При таком ракурсе тайны оказывались простыми, будничными, без нагнетания приключенческого, уголовного элемента. Уже упомянутый нами И.Т.Кокорев иронизировал по этому поводу: «Со времени появления “Парижских тайн” у многих появилась смертная охота бродить по самым глухим закоулкам, в надежде натолкнуться на какую-нибудь “тайну” и испытать сильное ощущение, которое они нахо-

⁵⁴ Там же. 286.

дят только за карточным столом да в опекуновском совете»⁵⁵.

Ирония И.Кокорева основывалась на доскональном знании им предмета. Сын бедного крепостного-отпущенника «Он не издали, не в качестве дилетанта народности, не в часы досуга, не для художественного наслаждения наблюдал и воображал жизнь бедняков, с горем и часто грехом пополам добывающих кусок хлеба. Он сам жил среди них, страдал с ними, был с ними связан кровно и неразрывно»⁵⁶.

Если добавить, что и Н.Полевой по происхождению являлся купеческим сыном и прекрасно разбирался в особенностях торговли и ремёсел, то станет очевидным, что *такие* русские писатели просто не могли предпочесть традиционному очерковому реализму заимствованные у иностранцев фантазийство и мистицизм.

Так в чём суть мелкой промышленности московской? Н.Полевой раскрывает её в блестящем, на наш взгляд, социально-психологическом пассаже, который, учитывая важность его для всего исследования, приводим целиком.

«<...> по Ильинке, между входами в ряды и большими лавками, везде втиснуты маленькие убежища мелкой промышленности: лавки аршина по два ширины, на самых тычках, и за их прилавками расставлены чай, сахар, кофе, китайские ящики, сделанные в Москве. Каждый проходящий носом уткнётся в них, и ловкий оборотливый продавец не пропустит мимо себя мухи, не только человека. Вообразите, что в такой лавке всего товара бывает на тысячу рублей, и что продавец от лавки своей сам сыт, прокармливает семью, держит мальчика – ловца проходящих, прекрасно одет, и если вы купите у него что-нибудь, он пошлёт с чайником в трактир, за горячею водою, поподчивает вас чаем, и вы можете бедовать с ним, как древний афинянин на торжище, о городских новостях, о политике, о театре, смотреть между тем на проходящих, и в то же время вкушать китайский нектар, как будто в диванной богача.

---

⁵⁵ Кокорев И.Т. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг.Л.,1932.С.73.

⁵⁶ Добролюбов Н.А. Очерки и рассказы И.Т. Кокорева // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. / Под ред. Е.В. Аничкова. Т.V. СПб., 1911-1913. С. 287-295.

Прибавьте, что за наём такой лавки платят по 1000, по 2000 рублей в год. Вот промышленность, возможная только в Москве! Она основана на лени членов человеческой, потому что покупатель всегда попадает в первое место, куда его приглашают, и при бесчисленном множестве маленьких продаж, тысяча рублей вертится колесом, и в год окупит двухтысячную лавку, и все расходы торговца. Не с одним чаем и сахаром есть в городе такие лавочки, прилавки и шкапики; их найдёте с галанtereю, лентами, игрушками, стальными вещами, шелковыми, бумажными товарами. Ловкость, умение торговать – непостижимые!

Тамбовская помещица в первый раз с роду приехавшая в Москву, подходит к такой лавочке: ей кланяются, называют её по имени, которое успели уже выспросить у Фалалея, слуги ея; она спрашивает товара, которого никогда не было в лавочке. Тотчас посылают за им в *запасную палатку*, которая вовсе не существует: товар возьмут у соседа, в другом ряду и продадут за свой, а с соседом после сочтутся.

Чутьём узнают: любите ли вы торговаться, умеете ли покупать, знаете ли толк в товаре, и будут с вами честны, тихи, болтливы, решительны, медленны, распознавши ваш характер, склонности и способности... И так существует торг лавочек, прилавков, шкапиков, углов, корзинок, коробок на тысячу манеров <...>»⁵⁷.

Те, кому довелось наблюдать в Москве перестроечное и постперестроечное лихолетье 80-х – 90-х гг. минувшего века, имели возможность убедиться, как оказалась похожа – естественно, *mutatis mutandis*⁵⁸ – ситуация тогдашнего тотального «дикого» торжища на описанную Н.Полевым картину торговой Москвы середины позапрошлого века! Чего стоят одни только упомянутые Н.Полевым «китайские ящики, сделанные в Москве», по нынешней терминологии – «самопальный» котрафакт, который с тех пор буквально заполонил торговлю русской столицы!

---

⁵⁷ *Новый живописец общества и литературы*, составленный Н. Полевым. Ч. III. М., 1832-1836. С. 287-290.

⁵⁸ С соответствующими изменениями (лат.).

Статистика, систематизированные наблюдения, классификация составляющих исследуемого явления, выводы экономического свойства, психологические характеристики персонажей... Если текст Н.Полевого «Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские» ещё и не социологическое исследование само по себе, то, бесспорно, почти вплотную приблизившаяся к нему социальная документальная литература.

Ранее, в новогоднем «Письме к живописцу», который сокрыт Н.Полевым под инициалами «М.Г.», не трудно разглядеть то зерно научно-статистического подхода, без которого невозможно было бы возникновение социологии в современном понимании термина.

Автор в традиции новогоднего поздравления желает своему корреспонденту доброго здоровья, присовокупляя при этом «кое-какие заметки и советы». В чём же они заключены?

«Подарим же добрым людям в Новый год – не желание богатства, славы, знатности, исполнения прихотей и вещей разнородных разномодных – одарить их желаем, чтобы они научились повернее считать, начиная с 1 дня января и продолжая через целых 365 дней 1830-го года, а потом и далее хоть 80, хоть 100 лет, чем больше, тем лучше»⁵⁹.

Далее, в благодушно-ироничном тоне Н.Полевой создаёт панегирик *счёту*, в озарении снизошедшего на него провидения предвосхищая тем самым наступление (тогда ещё весьма нескорое!) века точных статистических наук, следовательно – и времени социологических исследований. Поражает почти буквальное прозрение *времени цифровых технологий* (!), к которому человечество на недавно преодолённом им рубеже веков и тысячелетий только-только подобралось.

«Касательно же моего желания и доброго совета *учиться считать*, то опытом долголетней жизни убедился я, что едва ли не две трети зла и худа происходит от того, что люди не *хотят* или не *умеют* считать. О, считанье, считанье! О, счёт, счёт! Блажен, кто понимает вашу важность! Будет такое

---

⁵⁹ Там же. С. 5-6.

время, что все важнейшие истины приведутся в числа, и тогда-то наступит век не *золота*, а *цифры*; этот век будет истинно блаженный, и получше хваленного *золотого*» (курсив – Ю.Г.)⁶⁰.

Далее на трёх страницах следуют авторские расчеты «чистой» жизни среднего современника Н.Полевого, если вычтеть из его среднестатистических 60-ти лет все гиперболизированные автором «нечистые» траты времени.

«Вычтем сон, <...> вычтем на обед и ужин, на время, когда мы голодны, когда мы сыты (и в том и другом случае, мы едва ли живём), < ...> на проходы, переходы, приходы, выходы ...

Дальнейшие вычеты:

на болезни свои и чужие	–	5 лет
на досады, печали и огорчения, свои и чужие	–	5
на смех	–	1
на глупости, хоть по часу в день, но для круглого счета уменьшим и положим	–	2
Получается	–	1,5 г.

Кого не заставит задуматься такой расчёт? Кого ни принудит он дорожить жизнью?», – задаётся вопросом автор. Вопрос шуточный, потому, что при всём обилии непроизводительных трат времени т.н. среднестатистическому человеку остаётся, конечно же, более полутора лет жизни осмысленной, содержательной. Однако, как мы уже отмечали, если хочешь достичь желаемого эффекта внушения, следует преподать материал в гиперболизированном виде. Только вот, сколько всё же в расчетах Н.Полевого новогодней шутки, а сколько – глубокого мудрого предупреждения о скоротечности людской жизни и необходимости максимально толково распорядиться ею?

*Мы рвемся ввысь и ползаем в пыли,
Но пусть всегда, везде горит над всеми:*

---

⁶⁰ Там же. С. 6-7.

*Вы – временные жители Земли,
Так берегите люди время!*⁶¹

Завершается «Письмо...» грустной шуткой в стилистике этого маленького шедевра. Грустной, ибо из далёкого 1830 г. она прямиком переносит нас в день нынешний, в очередной раз заставляя крепко задуматься о неспособности наших соотечественников извлекать пользу из уроков истории.

«Кстати, например, хотите ли узнать честность судьи? – спрашивает Н.Полевой, и сам же уничижительно для современного ему общества отвечает на него: – Сведите у него приход с расходом, и – честность его выйдет на чистую воду»⁶².

Конечно, это ещё никакая не «социология противодействия коррупции» – социологическая дисциплина, активно развивающаяся в нашем Отечестве и по всему миру, особенно в последние годы, но... всё же, всё же...

На наш взгляд, уместно в контексте данного исследования особо обратить внимание читателя на характеристическую для Н.Полевого работу «Русская Библионика, или собрание материалов для отечественной истории, географии, статистики и древней русской литературы», которая впервые вышла в свет в 1834 г. В Пояснительном замечании издателя Библионики автор, точнее – составитель, так объяснил своё решение предпринять это издание. «Цель сего издания: сохранить от гибели древние и старинные письменные памятники, касающиеся русской истории, географии, статистики, археологии и литературы; доставлять любителям русской истории и старины средства печатать и делать известными современникам и потомству хранящиеся у различных особ в разных местах памятники, могущие погибнуть и потеряться. Скажу одно: совершенное бескорыстие руководствовало мною в сем предприятии; безденежно предполагал я рассылать подписчикам «Телеграфа» Библионику, и продажей остальных экземпляров выручать только издержки на бумагу и печатание оной <...> для историка всё любопытно, а для

---

⁶¹ Стихи Наума Коржавина.

⁶² *Новый живописец общества и литературы*, составленный Н.Полевым. Ч.Ш.М., 1832-36. С.12.

любящего свое отечество всё драгоценно»⁶³.

Вслед за Н.Полевым пригласим на авансцену нашего исследования Ивана Тимофеевича Кокорева с физиологическим очерком «Мелкая промышленность в Москве», предполагая, что его заметки продолжат, разовьют, конкретизируют изыскания Н.Полевого на эту же тему.

Для такого предположения у нас есть веские основания. Как утверждает исследователь творчества И.Т.Кокорева белорусский учёный В.П.Иванов: «Писатель чутко уловил зарождение в стране новых, капиталистических отношений и затронул эту проблему в ряде своих произведений <...> Нельзя не удивляться его трудовому подвижничеству. За короткое время (шесть-семь лет), загруженный каждодневной работой в журнале, он написал 11 очерков, три рассказа, составивших цикл «Русское сердце», два фельетона и две повести («Сибирка» и «Саввушка»), 50 журнальных заметок и 43 рецензии на отдельные книги <...>. В предполагаемой большой серии очерков о Москве внимание писателя должно было сосредоточиться на разнообразных слоях столичной бедноты»⁶⁴.

Итак, И.Т.Кокорев, «Мелкая промышленность в Москве»...

«Две промышленности ведутся в Белокаменной: одна – блестящая, казовая, занимающая сотни тысяч рук,двигающая сотнями миллионов рублей; другая, не в обиду ей сказать, грошовая; одна одевает и убирает почти всю Россию, шлёт свои изделия к «стенам недвижимого Китая» и в «пламенную Колхиду»; знают о ней и степной хивинец, и красноголовый (*кизиль-баши*) персиянин; другая идёт лишь для домашнего обихода, известна одним коренным жителям столицы», – разворачивает очеркист экспозицию, и сразу заявляет предметом своего исследования промышленность «другую». Ту, «<...> которая от роду не учась ничему, берётся почти за всё, у которой нет ни фабрик, ни заводов, что, впрочем, не мешает ей быть необходимым чернорабочим для многих из них, которая, наконец, существуя везде, нигде не

---

⁶³ Полевой Н. Русская Библионика. Т. I. М., 1834. С. 408-413.

⁶⁴ Иванов В.П. И.Т. Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984. С. 18-28.

оставляет прочных, явных следов, не упоминается ни в одной статистике»⁶⁵.

Мелкая промышленность, как считает И.Кокорев – это даже не ремесленничество, само по себе не обеспечивающее работнику постоянной занятости, и малоприбыльное. Но даже такому жалкому положению, как уверяет очеркист, завидуют сотни и тысячи делателей мелкой промышленности.

Сведём в табл. 3 данные о мелкой промышленности московской.

Таблица 3.

Род деятельности и сбыт мелкой промышленности московской

Происхождение (социальное) делателей мелкой промышленности	Род занятия	Место труда	Сбыт	Спорадические занятия (осень-зима)
Вольноотпущенные крепостные	Сбор раннего щавеля, крапивы, земляники, грибов	Останкинская, Марьино роши, городские парки, окрестные леса	Рынки	Приобретение на бойне (даром) требухи, сычуга, а то и целого гусака
Вдовы с детьми	Сбор трав, кореньев, почек	-//-	Аптеки и травяные лавки	Тщательная прорывка уже копаных грядок огородников (с разрешения последних)
Совращённые мещане (пьяницы)	Сбор дубовых листьев для соления огурцов	- // -	Рынки, городские солильни	Заготовка хвороста
Артисты (музыканты)	Добывание муравьиных яиц для соловьев	- // -	Птичий рынок	Сбор костей, тряпья, стёкол
Отставные солдаты	Ловля рыбы	Реки, озёра, пруды	Рынок, трактиры, рестораны	Работа прачкой, швейей
	Ловля певчих птиц	Останкинская, Марьино роши, городские парки, окрестные	Птичий рынок, дома известных любителей птиц	Перетирка табака

⁶⁵ Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 65.

		леса		
	Вязание цветочных букетов на Троицын день	- // -	Рынки, торговля с рук	Починка обуви
	Заготовка травяных венчиков для очистки платья	- // -	- // -	Изготовление домиков для чижииков
		Гулянье, кладбище, городской парк	Марьино роща, Перово, Петровско-Разумовское и т.п.	Изготовление примитивных игрушек
	Торговля вразнос яблочным квасом, сладостями.	Перекупка по окрестным селеньям	Обжорный ряд, Дворянская кухня, торговля на своих «избранных местах» бойких улиц	Изготовление ваксы
	Торговля драченою, студнем, пирожками		- // -	Разукрашивание цветными лоскутами вербы
	Торговля «комплексным обедом» по 10 коп.		- // -	Разрисовывание пасхальных яиц
				Дрессировка птичек
				Исполнение песен на торжествах, изготовление наряда невесты, обряжение её под венец

Цивилизация лишила мелкую промышленность московскую двух постоянных отраслей летнего дохода: до изобретения фосфорных спичек её делатели собирали в лесах трут, запасались кремнями, делали нехитрые серные спички и снабжали этими товарами, по крайней мере, половину столичных хозяек (*Новый живописец общества и литературы*, составленный Н. Полевым. Ч. III. М., 1832-1836. С. 77).

Из таблицы видно, что деятельность мелкой промышленности московской времён И.Кокорева заключалась, в основном, в обслуживании более со-

стоятельных городских сословий. Запросы этих горожан следует отнести к над- и сверхнормативным, другими словами, – к баловству, капризам.

Хлеб насущный ежедневно поставлялся к столу москвичей *промышленностью большой* – пекарнями, мясными и зелеными лавками, торговлей молоком и молочными продуктами и т.д., а вот за поставку сезонных лакомств (раннего шавеля, салатной крапивы, грибов, лесных ягод и т.д.) брались делатели мелкой промышленности. То же относится к одежде. Массовый спрос москвичей на неё обеспечивало сообщество портных, обувщиков, белошвеек и т.д., а придумать наряд для невесты, красиво убраться её под венец приглашали делателей малой промышленности. Речь идёт не о невестах и свадьбах из высших слоёв общества, малая промышленность московская помогала тем, кто не был в состоянии заказать свадебный наряд у модного портного, а то и выписать его из Парижа или другой европейской столицы.

Необязательный характер указанных и подобных им запросов имел следствием неустойчивый заработок для их исполнителей. Реальные материальные затруднения у горожан в первую очередь отсекали заказы, обеспечивающие прокорм делателям мелкой промышленности; всякого рода чрезвычайности и связанный с ними режим экономии самым пагубным образом сказывались на исследуемой нами социальной страте.

Неверным было бы считать труд мелкой промышленности примитивным, не требующим знаний и навыка. Даже лесное собирательство предполагает, как минимум, хорошую ориентацию в соответствующей флоре и фауне, пусть и зачаточное, но *ботаническое* и *физиологическое знание*. В первую очередь это относится к сбору грибов. Здесь дилетантство и недостаточная ответственность сборщиков способны нанести серьёзный урон здоровью потребителей грибной продукции. Добавим необходимость свободно ориентироваться в лесном или парковом массиве, знать и запоминать изобильные на промысел территории, водные акватории (топографические знания), обладать *технологией сбора*, соответствующим *инструментарием*, навыком первич-

ной консервации, благодаря чему и возможно сохранять заготовленный товар в максимально свежем виде вплоть до окончания его реализации.

Конечно, элементарную починку бедняцкой обуви (для мещан и более высоких городских сословий на этот случай имелся профессиональный сапожник), перетирку табака и изготовление ваксы не назовешь технологически сложными ремеслами, однако, наряду с этими видами деятельности, мелкая промышленность московская, как видно из реестра И.Кокорева, бралась за исполнение заданий куда как более сложных, требующих помимо навыка ещё и *художественной предрасположенности* (чтобы не сказать таланта, дарования). Это и разукрашивание цветными лоскутами вербы к Пасхе, и роспись пасхальных яиц, и песнопение на торжествах, и уже упомянутое обряжение под венец невесты и, наверняка, ещё ряд подобных дел, оставшихся вне поля зрения И.Кокорева.

Обратим особое внимание на бесспорно позитивные качества (по Кокореву) делателей малой промышленности московской. Это:

- *субсидиарность*,⁶⁶ достигнутая напряжённым трудом и сохранением в городских условиях элементов крестьянского уклада (свой огород подле слободского домика, хлев при нём с коровой, птицей и прочей живностью и т.д.), что обеспечивает им пусть и относительную, но самостоятельность и независимость;

- *трудовой универсализм*, заключающийся в том, что, в силу сезонности и малой доходности каждого по отдельности занятия для пропитания, безымянные герои очерка не специализировались на каком-то из них, а старались (и, как видим, небезуспешно) овладеть как можно большим числом навыков и ремёсел, дабы расширить диапазон своей трудовой деятельности и, таким образом, увеличить заработок. «<...> только успевай поворачиваться, если не хочешь поссориться с желудком; берись за всё, что ни случиться, являйся

---

⁶⁶ Организационный и правовой принцип, согласно которому задачи должны решаться на самом низком, малом или удалённом от центра уровне, на котором их решение возможно и эффективно.

всюду, где можно пустить в оборот свою сметливость, трудись без устали и хлопочи до упаду»⁶⁷.

Л.Толстой, рассуждая о русском крестьянстве, заметил как-то, что для нормальной, общепринятой в сельской общине жизни русскому крестьянину необходимо владеть, примерно, тремя десятками ремёсел и трудовых навыков. Подобный универсализм сохранили и герои И.Кокорева – в основном, вчерашние крестьяне, приспособив его к особенностям городской среды;

- *психологизм*, который наиболее убедительно и ярко живописует И.Кокорев в той части очерка, где речь идёт о «торговле самоварами», т. е. торговле чаем вразнос. «В праздник, в знойный полдень <...> пойдите в какое-нибудь из московских предместий, – приглашает читателя И.Кокорев, – и здесь вы наверно встретите не одну группу вроде следующей: пожилая женщина несёт объемистый самовар, мужчина – в одной руке ведро, в другой кулёк с углями; двое детей тоже идут не порожняком: у кого бутылка с молоком, узелок с чашками, у кого скамеечка или домашний запас пищи <...> Гостей зазывает всегда нежный голосок девочки или приветливая речь самой матери. Просим милости, господа, садитесь, где заблагорассудится (на что лучше, как не здесь, на зелёной мураве, под тенью развесистой берёзы); кушайте, сколько душе угодно; пейте не спеша, с прохладением <...> наслаждайтесь невинным сельским удовольствием под отдалённые напевы голосистого хоровода, под рассказы хозяина, который, как присяжный служивый, не проминует обстоятельно доложить вашему благородию в каких походах и баталиях был он»⁶⁸. Воистину *так* обслужить клиента способны лишь опытные делатели мелкой промышленности московской, *стихийные психологи*, тонкие знатоки человеческих душ.

Показывая с явным сочувствием к своим героям и, скорее всего, – неосознанным, патриархальным менторством по отношению к читателю не работу даже, а каждодневную борьбу за выживание действующих мелкой

---

⁶⁷ Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 67.

⁶⁸ Там же. 69-70.

промышленности московской, автор, где только удаётся, отмечает их природную русскую домовитость, строгость и трепетность в исполнении религиозных обрядов и уважительное следование исконно русским нравственным императивам. «Порядок удивительно как скрывает тёмные пятна нищеты, а бережливость даёт мелкой промышленности средства позволить себе иногда кое-какие удобства в жизни. Редкий день пройдёт без чаю; в праздник непременно являются пироги или какое-нибудь сверхштатное кушанье; но с другой стороны, в этот же день последний гривенник употребляется на покупку деревянного масла для лампы перед иконами, на свечку в божьей церкви, – и ни один нищий не отойдёт от окна человека не многим богаче его без посильного подаяния».

Интересны приведённые И. Кокоревым рассуждения действователей мелкой промышленности московской по поводу того, отчего они – по самому характеру своей деятельности инновационным образом настроенные работники, – оказываются столь консервативными, когда речь заходит об освоении навыков для последующего коммерческого использования их в уличных представлениях, которые М.М.Бахтин позже назовёт «карнавалом улицы».

«При речи о райках, очень естественно, рождается вопрос, почему же мелкая промышленность не возьмётся за разные фиглярства, не вступит в компанию с шукарями, не выдумает каких-нибудь представлений? Ответ будет решительный и ясный. «Это дело тальянцев и немцев: они *облизьяну выдумали*, блох обучили плясать, лошадь часы узнавать, собак *муштруют*, свинок морских, словно невидаль какую показывают, шарманкой да волынкой кормятся; а русский человек, как ни беспечен, совестится быть дармоедом, приобретать хлеб подобными средствами, считает недостойным себя пуститься в комедианство»⁶⁹.

Ощущается, что в целом отстранённо-объективный автор в данном вопросе сочувствует обездоленным соотечественникам, способным на почти что социальном дне сохранять человеческое достоинство и гордость, с ува-

---

⁶⁹ Там же. 72-73.

жением воспринимает их возвращённые на национальной традиции доводы, поддерживает их «невыгодные» в мирской жизни нарождающихся капиталистических отношений принципы.

Отметим важный для нашего исследования момент: отношение своих героев к участию в «райках» автор очерка берётся выяснить способом, который в современной социологии называется «методом опроса или интервью». Это ещё одно подтверждение нашей гипотезы о том, что в генезисе отечественного социологического исследования находится русский физиологический очерк, а гуманитарные науки в целом – литературодетерминированы.

О близости литературного творчества И.Кокорева тому исследовательскому методу, который позже назовут «социологией», свидетельствует также его статьи «Успехи образованности в Новороссийском крае»⁷⁰ и «Разыскания в архивах об Архангельском порте»⁷¹. Статьи эти по вышли в свет без указания фамилии автора, но из переписки И.Кокорева с редактором «Москвитянина» М.П.Погодным⁷², ясно, что автор их – И.Т.Кокорев...

И.Кокорев отдаёт себе отчёт в том, что его очерк «Мелкая промышленность Москвы» неполон, что созданная им картина мелкой промышленности столицы фрагментарна, что о некоторых действующих он даже не упомянул. Впрочем, заключает очеркист: «Я хотел изобразить только тех людей, которых «нужда научает и калачи печь». У кого есть одно постоянное занятие, ремесло ли, торговля ли, кто, как говорится, век свекует в одном гнезде, – те не входили в мою раму»⁷³, ибо об них следует говорить наряду с крупной промышленностью»⁷⁴.

Не входила в «раму» И.Кокорева также «ещё одна промышленность, которую я назову тёмной, потому что она живёт и действует в темноте, пря-

---

⁷⁰ Москвитянин. Кн. 2. 1849. № 7. С. 49-52.

⁷¹ Москвитянин. Кн. 1. 1849, № 7. С. 99-101.

⁷² ГБЛ ОР, ф. 231 (арх. Пог./II), карт. 15, ед. хр. 104, письмо № 5.

⁷³ Из архива рано умершего писателя ясно, что свою «раму» он намеревался дополнить описанием профессий наборщика, переплётчика, красковара, столяра, свинцоволитейщика, механика и т.д.

⁷⁴ Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 77.

чется от добрых людей, словно летучая мышь; и не бойся я оскорбить ваш вкус, мы бы познакомились и с ней»⁷⁵.

Отказав читателю в обстоятельном знакомстве с *промышленностью тёмной*, И.Кокорев все же слегка приподнимает завесу над входом и в этот мир, населённый уголовниками, которые называют друг друга *физиками, механиками, гранилами*, а в презрительном смысле – *жуликами семикопеечными* и *мазуриками*⁷⁶. От этой короткой экскурсии нам остаётся малый словарь жаргона карманников, который мы поместили в табл. 4, а с ним и непривычно для автора жеманный, посему явно неискренний пассаж, заключающий очерк: «Но... мне уже совестно и за эти подробности. Мало ли есть занятий, о которых знают все, но не говорят вслух, по крайней мере, в порядочном обществе»⁷⁷.

Таблица 4.

Слова из наречия (jargon) карманных промышленников

Жаргонное слово	Общепотребительное слово
Лафа	Пожива
Стрёма	Неудача
Петух	Сторож
Бабки	Деньги
Шмель	Кошелёк

Остаётся сожалеть, что за пределами внимания И.Кокорева оказались и московские нищие: организованное, жёстко структурированное *профессиональное сообщество*, существенная составная столичного «подполья». Влияние этой страты московского социума непосредственно на всё население Москвы возрастало столь стремительно и последствия его оказывались столь

⁷⁵ Там же. 77.

⁷⁶ Проведший 20 лет в лагерях ГУЛАГа по политическим статьям и люто ненавидевший уголовников писатель Варлам Шаламов вместе с тем указывал на определённую привлекательность их «дела», «<...> которое давало им средства к существованию, творческое волнение, минуты подлинного вдохновения, а также положение в обществе» (Шаламов В. Сучья война // Колымские рассказы. СПб., 2009. С. 309.

⁷⁷ Кокорев И. Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932. С. 78.

угрожающими, что «18 мая 1898 г. в заседании Комиссии, учреждённой при Министерстве юстиции для разработки вопроса о мерах борьбы против профессионального нищенства и бродяжничества, было признано необходимым озаботиться собиранием материалов, могущих выяснить причины развития нищенства в России, а также указать средства для его уменьшения»⁷⁸. Среди необходимых мер, Комиссия определила «обозрение русской и иностранной литературы» по вопросу нищенствования. Обрати в своё время И. Кокорев профессиональное внимание на московских нищих, и, без сомнения, господам – членам Комиссии – при знакомстве с «обозрением» было бы гарантировано увлекательное и во всех смыслах полезное чтение.

Удовлетворимся авторским отбором объектов изображения⁷⁹, и с благодарностью незаурядному очеркисту за яркие живые впечатления от очерков московской жизни середины позапрошлого столетия⁸⁰, отправимся далее.

Жизнь социальных пластов, которые изображали Н.А.Полевой, И.Т.Кокорев и другие литераторы физиологического направления, впоследствии с большей полнотой будет представлена в текстах беллетристов-народников – «художников-социологов» по определению Г.В.Плеханова. Обратят на них внимание и первый аграрный социолог России В.В.Берви-Флеровский, и М.И.Туган-Барановский – автор фундаментального исследования «Русская фабрика в прошлом и настоящем».

* * *

В русской литературе очерк со времени зарождения являлся распространённым, а у ряда творческих персоналий даже предпочтительным жанром. Благородной целью его являлось всестороннее познание русской дей-

---

⁷⁸ *Левенстим А.* Нищенство в России по отзывам начальников губерний. СПб., 1899. С.1.

⁷⁹ Некоторые из них, как, например, газетные публикации и вывески в одноимённом очерке, в котором на конкретных примерах московских торговых вывесок и объявлений показано бездумное преклонение перед иностранщиной - словно списаны с нынешней печальной реальности.

⁸⁰ Высоко ценил И.Т.Кокорева и В.И.Ленин, в словах которого содержится не только оценка таланта очеркиста, но и конкретное указание советскому книгоизданию: «Вот таких писателей мы должны вытаскивать из забвения, собирать их произведения и обязательно публиковать отдельными томиками. Ведь это документы той эпохи» (*Бонч-Бруевич В.Д.* Ленин о книгах и писателях // В.И. Ленин о литературе и искусстве. М.; 1976. С. 699).

ствительности, прежде всего, через призму жизни простого люда.

Общий кризис западноевропейского реализма, развившийся после поражения революции 1848 г., негативно повлиял на западноевропейский – прежде всего французский и отчасти английский – реалистический очерк, который достаточно скоро утратил своё былое значение.

Судьба русского очерка оказалась предпочтительней. Появившись вслед за Западной Европой, он не пережил ни кризиса роста, ни упадка. Его путь от Н.Гоголя и Н.Некрасова до наших дней по большому счету омрачался лишь периодами избыточного государственного регулирования литературного процесса, когда характерная и необходимая для реализма критическая компонента была на тот или иной период подавлена цензурой, а господствующая в государстве идеология стремилась посредством кнута и пряника принудить очеркиста к апологетическому служению власти.

Напомним, что период, о котором ведём речь – 40-е гг. XIX столетия – это время, в котором «заклочены и концы и начала»⁸¹. Он завершал в России те процессы, которые происходили на протяжении предшествующих десятилетий, и одновременно выводил страну к новому рубежу. Гнилость общественного строя стала очевидной.

М.А.Бакунин утверждал, что: «Внутреннее положение страны из рук вон плохо. Под покровом строжайшего иерархического формализма скрыты отвратительные язвы: наша администрация, наша юстиция, наши финансы – сплошная ложь, придуманная для обмана заграничного общественного мнения, для успокоения внутренней тревоги монарха <...> действительное положение дел его страшит. Словом, это грандиозная, обдуманная и научная, если так можно выразиться, организация беззакония, варварства и грабежа. Ибо все слуги царя, от занимающих самые высокие посты, до самых мелких уездных чиновников разоряют, обкрадывают страну, совершая самые вопиющие беззакония, самые отвратительные насилия, без малейшего стыда, без малейшего страха, открыто, среди бела дня и с беспримерной наглостью и

---

⁸¹ *Сарабьянов Д.В.* Павел Федотов. М., 1969. С. 11.

грубостью, не давая себе даже труда скрывать свои преступления от негодования публики, настолько они уверены в своей безнаказанности.

Император Николай иногда делает вид, будто желает остановить это страшное растление. Но как может он уничтожить зло, главная причина которого лежит в нём самом, в самом принципе его правления? »⁸².

Одновременно с массовой апатией и пессимизмом, наметились и быстро вызрели противоположные тенденции общественного развития, которые с каждым годом во всё большей мере доминировали в обществе. К 40-м гг. прогрессивная Россия созрела для протеста, страхнула оцепенение и пришла в движение.

Одной из активных участниц развернувшейся в 40-е гг. борьбы стала русская художественная культура. Искусство не могло не бороться за избавление человека от горестей и социальных бед. Эстетика и критика не могли не проповедовать новых форм и методов творчества, ибо тогда ушли бы в сторону от главного пути русской художественной культуры, всё более роднящейся с критическим реализмом. «Вся литература времён Николая была оппозиционной литературой, непрекращающимся протестом против правительственного гнёта, подавлявшего всяческое человеческое право, – писал А.Герцен в статье “Новая фаза русской литературы”. – Слагая песни, она разрушала; смеясь, она подкапывалась. Раздавленная в газете, она возрождалась на университетской кафедре; преследуемая в поэме, она продолжала дело в курсе естественных наук. Она проявлялась даже в молчании и сумела проникнуть сквозь стены и двери <...> У народа, лишённого общественной свободы, литература – единственная трибуна, с высоты которой он заставляет услышать крик своего возмущения и своей совести»⁸³.

В истории культуры, духовной жизни, как и в истории государства и общества случаются периоды, содержащие черты ярко выраженной неповторимости. От них остаются понятия, органично связанные с самим этим вре-

---

⁸² Бакунин М.А. Выступление на собрании в память 17-й годовщины польского восстания // Бакунин М.А. Собр. соч. и писем. Т. III. М., 1935.

⁸³ Герцен А.И. Новая фаза русской литературы // Герцен А.И. Собр. соч. М., 1941. С. 190-191.

менем и во многом только в этом времени находящие своё объяснение. Одним из таких этапов в российской истории стали 40-е гг. XIX столетия. Их самостоятельная роль породила такие понятия, как «люди 40-х годов», «литература 40-х годов» и т.д. Добавим в этот ряд и *физиологический очерк*, сыгравший столь важную роль в развитии не только литературы, но и социальной мысли, научной социологической практики.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ СОЦИОЛОГИИ И ЛИТЕРАТУРЫ

§ 2.1. СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ А.ИСАЕВА В СРАВНЕНИИ С ОЧЕРКОВЫМИ «СОЦИОЛОГИЯМИ». ТРЕНД НА ДИВЕРГЕНЦИЮ

Вновь отнесёмся к Е.И.Кукушкиной, утверждающей: «По мере развития социологического знания шла работа по преодолению его публицистичности, что было сопряжено с определёнными трудностями, поскольку прежде всего зависело от успехов науки. Нормальное же развитие науки требовало преодоления тех неблагоприятных условий, в которых на протяжении длительного времени находилась отечественная социология»⁸⁴.

Хотя и сказано довольно туманно, всё же решимся трактовать «преодоление публицистичности» социологией скорее как ее желание «размежевания» с литературой – задача естественная для находящейся в процессе становления научной дисциплины, чья литературная детерминированность на тот момент, наверняка, была очевидней, чем теперь.

К числу же «неблагоприятных условий», прежде всего, готовы отнести излишнюю политизированность публицистики, отрицательно влияющую на объективность оценок. Фундаментальной особенностью интересующего нас периода является наличие в нём комплекса социальных и одновременно научных явлений, которые определяли и регулировали процесс становления русской социологии. Это:

- гуманистический период отечественной западной идеологии, как доминирующей гуманитарной идеи в сознании русской интеллигенции;
- возрастающий интерес к принципу всеобщего развития монизма Г.Лейбница и Г.Гегеля в философском восприятии и осмыслении сущего⁸⁵;

---

⁸⁴ *Развитие социологии в России* (с зарождения до конца XX в.) / Под ред. Е. И. Кукушкиной. М., 2004. С. 18.

⁸⁵ Герман Гессе в докладе, сделанном в бременской местной группе Германского союза монахов 1 мая 1909 г., восторженно приветствовал смену вех в современной ему социальной философии: «На место мысли о сотворении пришла новая, великая мысль о Р а з в и т и и, и ветхая дуалистическая картина мира превратилась в новую картину мира и жизни, в картину Монизма, единства во множестве. <...> Мысль Развития, начатая Монизмом, сильнее, чем предполагают и чем хотят

- появление теории социальной детерминированности и формационной структуризации общества;
- экономический детерминизм и материализм;
- явно выраженное освободительное движение в стране;
- социалистические принципы общественного строительства в преломлении учения К.Маркса;
- и, конечно же, широкое распространение в отечественной литературной практике принципов очеркового (прозаического) физиологизма, понимаемого нами как «литературный социологизм».

Семь (весьма условно и приблизительно!) источников, составных элементов русской социологии...

Говоря о периоде становления отечественной социологической науки, конечно же, нельзя отрицать её изначального ученичества у западной, прежде всего, позитивистской социологии. Однако длился период этот недолго, и, что характерно, уже в процессе обучения ученик проявил недюжинную смекалку, раскрыл свой творческий потенциал, не только усвоил преподанный урок, но и весьма успешно развил содержащиеся в нём идеи. В результате чего в качестве научного авангарда проторил дорогу своим западным учителям, которые в ряде случаев фактически значительно позднее повторили уже пройденные наиболее талантливыми русскими социологами вехи.

По мнению И.А.Голосенко, к числу приоритетов русской социологии относятся:

- критика социал-дарвинизма и органицизма субъективной школой;
- раннее обоснование психологизма (феномен подражания описан Н.К.Михайловским значительно ранее Г.Тарда);
- типология культуры Н.Я.Данилевского (идейно повторенная О.Шпенглером и отчасти А.Тойнби);

этого сами противники, должна повлиять на их собственную жизнь, и вообще на всякую область современной жизни и оплодотворить её!». (*Гессе Герман. Фауст и Заратустра // Фауст и Заратустра. СПб., 2001. С. 116-117*).

- попытка обоснования дихотомии общественных процессов (П.Б.Струве и М.И.Туган-Барановский), позднее получившая у В.Огборна название «культурное отставание»;
- формулировка основ бихевиоризма (В. Бехтерев, Г.Зелёный и др.);
- создание П.А.Сорокиным теории «социальной стратификации» и «социальной мобильности»⁸⁶.

Венцом процесса становления отечественной социологической науки, свидетельством признания русской социологии мировым социологическим сообществом стал выход в свет в 1915 году подробного фундаментального исследования Ю.Геккера «Русская социология».

Исследование А.Исаева⁸⁷, на наш взгляд, максимально полно соответствует задачам «преодоления» по Е.И.Кукушкиной. Оформлено оно в двух томах, где каждому тому соответствует свой вид ремесла. Том I. Изделия из дерева. Том II. 1.Металлические промыслы. 2.Гончарный промысел. Предметом нашего анализа станет том I.

В отличие от «малой промышленности московской», в основном, осуществлявшей напрямую торговое и бытовое обслуживание зажиточных москвичей, столярная и токарная деревообработка в Подмоскovie, по сути, являлись подсобным, вспомогательным производством для крупных промышленных предприятий. Отсюда и номенклатура выпускаемой продукции: упаковочные ящики, катушки и кружки для прядильных фабрик, балясы для перил и т.п. Пожалуй, лишь мундштуки, папиросницы и подобные им мелкие галантерейные изделия можно рассматривать как конечный продукт.

Такому выделению в особую графу галантерейных изделий способствовало и то обстоятельство, что на изготовление галантерейной номенклатуры требовалось особое сырьё: пальмовая древесина, кость (для выделки наконечников к зонтикам и карандашам) которое покупалось в Москве у ограниченного числа оптовиков. От этого возникала двойная зависимость

---

⁸⁶ *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема // СОЦИС. 1976, № 1.

⁸⁷ *Исаев А.* Промыслы Московской губернии // Московская губернская земская управа. Т. I. Вып. II. М., 1877.

производителя галантереи от оптовиков: сырьевых и сбытовых, тогда как остальные столяры и токари, работающие с отечественной древесиной, в основном сами заготавливали её в близлежащих лесах, сами распиливали на брус и тёс, сушили до нужной кондиции при помощи печей или на солнце, подготавливали к обработке. Берёза, ольха, клён – вот сырьё для ящичков, катушек, балясин. В Подмосковных лесах дефицита этой древесины не было.

Регулятором номенклатуры являлся рыночный спрос. «Спрос на рынке побуждает их видоизменять изготавливаемые товары: нынче они делают папиросницы, полгода тому назад делали ящички в 5 вершков вышины, а через год, быть может, станут делать в 10 вершков»⁸⁸.

География данного промысла обусловлена в первую очередь наличием неподалеку промыслового леса. Она охватывает 11 деревень Ягунинской волости, Звенигородского уезда и 8 Оршковской, Рузского.

Причинами, вызвавшими к жизни промысел, А.Исаев называет: 1) плохое состояние земледелия, не способного прокормить крестьянскую семью; 2) богатство лесов, покрывших эту местность. Правда, относительно второй причины тотчас оговаривается, что «богатство лесов» - в прошлом, отчего лесные материалы дорожают с каждым годом, делая промысел все менее доходным. Дело дошло до того, что в ряде селений столярным и токарным промыслом занимаются лишь некоторые хозяева, а остальные занялись отхожими промыслами, в частности, извозом.

Исследование собственно производства затрагивает: 1) описание подготовительного периода (заготовка древесины, доведение её до кондиции); 2) разбор производственной структуры; 3) ознакомление с инструментарием ремесла; 4) анализ корпоративных отношений; 5) анализ взаимодействия ремесленника с оптовиком; 6) уяснение принципа индивидуальной реализации произведённого товара; 7) показ специфики работы по найму; 8) финансы; 9) ученичество.

«Поступают в ученики мальчики 12 лет на срок 5 лет. Для того, чтобы

---

⁸⁸ Там же. С. 3.

изучить промысел, нужны 3-4 года и некоторые старания со стороны хозяев. Хозяева дают харчи, по окончании ученичества – 25 руб. или 5 руб. деньгами, поддёвку, сапоги и картуз. В 17 лет ученик становится мастером»⁸⁹.

Скрупулёзно исследован производственный инструмент. Для ящичников набор исчерпывается топором, 2-я пилами – большой и малой, фуганком, 2-я рубанками, 2-я стамесками, перкой, ладилком с верстаком. Главное орудие токарей – токарный станок. Обтачивание заготовок производится на нём при помощи набора долот: плоских, полуплоских, круглых и т.д. Для пиления теса, служащего заготовками, используются продольные двуручные пилы.

Энергия, приводящая в действие инструментарий, исключительно мышечная самого работника. Даже токарный станок приводится в действие ножной педалью. Описаны, вплоть до размеров, помещения промышленных заведений; процесс изготовления товара (технология). При этом скрупулезность исследования производственного процесса вызывает уважение. Вот как описано А. Исаевым производство катушек и кружков для прядильных фабрик: «Главнейшие операции при производстве катушек, кружков состоят в следующем: 1) животик оболванить и повернуть (*животиком* называется средняя часть катушки); 2) живот обтесать; 3) кружки повернуть (кружки надеваются на оба конца животика); 4) гайки подточить; 5) заклеить (только после 5-й операции образуется катушка); 6) катушку оболванить; 7) начисто выточить»⁹⁰.

Помещения для столярного и токарного производства являются в большинстве частью крестьянской избы. Заметных неудобств семье это не доставляет в силу мелкости промышленного заведения. Специально построенных или приспособленных помещений для мастерских А. Исаевым обнаружено немного. В селе Андреевском из 24 столяров-домохозяев в отдельном помещении трудятся лишь 6. В с. Локотня из 68 токарей – только 12-15. Но и отдельные помещения ничем не отличаются от жилых изб.

---

⁸⁹ Там же. С. 5-6.

⁹⁰ Там же. С. 4.

Проанализирован *капитал*, необходимый для обеспечения процесса, выведена стоимость продуктов годового труда для каждого изделия.

При производстве больших ящиков (1,5 аршина длины и 0,75 аршина ширины) одним ящичником может быть произведено 200 шт. в течение года.

Расчёт издержек приведен в табл.5.

Таблица 5.

Издержки при производстве ящиков

№ №	Статья производственной издержки	Сумма
1.	Теса 2000 шт. по 11 руб. за 100	220 руб.
2.	Клея 25 фунтов по 25 коп.	6 руб. 25 коп.
3.	Свечей 40 фунтов по 15 коп	6 руб.
4.	Харчей работающему	45 руб.
	Итого: 277 руб. 25 коп.	

При реальной цене за одну «тройку» в 1 руб. 50 коп. производитель получает 300 руб., а за вычетом затрат у него остаётся 23 руб. Но это ещё не прибыль! На производителе лежат расходы по доставке товара в Москву. Транспортные расходы не могли быть покрыты, если бы лошадь ни кормилась сеном со своих лугов. Даже если представить, что транспортные расходы у владельца лошади нулевые, то оставшиеся 23 рубля составляют лишь менее 10% годовых расходов средней по уровню достатка семьи. Какая приведена в исследовании. Семья Ивана Дроздова из с. Луцына Звенигородского уезда состоит из 8 душ: 2-х мужчин – 75 и 35 лет, 3-х женщин – 56,30 и 32 лет, 3-х детей – 2 малолетних и одного грудного. Её годичный расход показан в табл.6. Годичный доход – в табл. 7.

Таблица 6.

Годичный расход семьи Ивана Дроздова

№№	Статья расхода	Сумма
1.	Хлеб в год - 14 четвертей по 7 руб.	98 руб.
2.	Соль - 4 пуда	4 руб.
3.	Гречневая крупа – 3 пуда	3,75 руб.
4.	Капуста – 8 ушатов	8 руб.
5.	Картофель – 30 мер	6 руб.
6.	Огурцы – 8 мер	1,6 руб.
7.	Конопляное масло – 5 фунтов	0,7 руб.
8.	Мясо – 8 пудов	24 руб.
9.	Молоко – от 2 коров	30 руб.
10.	150 яиц – от 4 кур	1,5руб.
11.	Отопление	8 руб.
12.	Освещение фотогеном	1 руб.
13.	Обувь	10 руб
14.	Одежда и бельё	30 руб.
15.	Чай (по праздникам) – 1 фунт	1,4 руб.
16.	Сахар – 5 фунтов	1 руб.
17.	Пшеничная мука – 1 пуд	1,6 руб.
18.	На трактир	2 руб.
19.	Праздники	2 руб.
20.	На церковь и причт	2 руб.

21.	Повинности	22 руб.
22.	На 1 лошадь 150 пудов сена – 20 коп.	30 руб.
23.	На 2 коровы 300 пудов соломы - 8 коп.	24 руб.
24.	На 2 овцы 30 пудов сена	6 руб.
25.	Пастушные	3 руб.
26.	На 5 кур	1,5 руб.
27.	На орудия, утварь, мелочи	10 руб.
	Итого 333 руб. 5 коп.	

Таблица 7.

Годичный доход семьи Ивана Дроздова

№№	Статья дохода	Сумма
1.	Рожь 2 четверти	14 руб.
2.	Овёс 3 четверти	12 руб.
3.	Картофель 30 мер	6 руб.
4.	Огурцы 8 мер	1,6 руб.
5.	Капуста 8 ушатов	8 руб.
6.	Сено 80 пудов	15 руб.
7.	Солома	5 руб.
8.	Дрова	8 руб.
9.	Молоко	30 руб.
10.	Яйца	1,5 руб.
11.	Своя свинья 8 пудов	24 руб.
	Итого 121 руб. 10 коп.	

Таким образом, из 333 рублей, необходимых для годовых расходов на поддержание жизнедеятельности семьи, сельское хозяйство даёт только 121 руб., т.е. – 37%, а остальные 63 % должны покрываться доходами от промысла. Должны, но, согласно выкладкам А. Исаева, - ... не покрываются! При этом дефицит семейного бюджета составляет огромную в этой грошовой бухгалтерии сумму – почти 190 руб.!

Представить, как в таких условиях выживает крестьянская семья - невозможно. Пусть её промысел оплачивается выше, чем труд ящичника. Скажем, на уровне пильщика тесин, который зарабатывает по свидетельству того же А. Исаева до 100 руб. в год. Всё равно остаётся дефицит почти, что в 100 рублей! И, несмотря на это, *реальная* крестьянская семья из года в год продолжает потреблять указанный выше список, умудряясь расплачиваться за него почти, что сотней «виртуальных» рублей.

Лукавство всякой, но в особенности отечественной статистики – отдельная статья. Стало крылатым высказывание, что существует, по крайней мере, два вида искажения реальности: откровенная ложь и ... статистика!

Не может ни видеть очевидной нестыковки своих статистических показателей в таком важном разделе, каковым является вопрос о затратах, себестоимости, прибыли и сам исследователь деревянного промысла Московии. Поэтому пытается заделать явную прореху в статистическом ряду, но получается это у него крайне неубедительно. «Вопрос о чистом доходе слишком щекотлив, чтобы затрагивать его(!), - вынужден признать А. Исаев. - Если сделать строгий расчёт всех издержек, включая из них и расходы по доставке товаров на рынок, то окажется, что промышленник работает в убыток. Небольшие остатки от ведения промысла обязаны своим происхождением первобытным вычислением промышленников, непоставлением ими в число издержек и расходов по провозу на собственной лошади, а также при изготовлении товара из леса, растущего на землях надела»⁹¹.

«Первобытные вычисления промышленников» – крепко сказано! Сда-

---

⁹¹ Там же. С. 8.

ется, за этой «туземной»⁹² практикой много сокрыто, особенно в разделе расчётных операций. Нужным для промышленника образом искажены закупочно-сбытовые цены, уровень оплаты труда, затраты. Как следствие – неизбежно «скорректированы» себестоимость, доход, реальная прибыль и т.д.

Но это уже феномен из области народной психологии, национальной традиции позиционировать себя в социуме. Если балансирующий на грани разорения американец на вопрос о состоянии своих дел неизменно ответит широкой улыбкой и оптимистическим «о'кей!», то русич, даже надёжно обеспечивший тылы, утаивший от государева (государственного) надзора, от общины, от соседей и даже родни приличные средства на проживание, сочтёт за благо прикинуться сирым бедняком.

В значительной мере такая особенность национальной психологии в сокрытии доходов и средств к выживанию с целью «выжать слезу» у власти и частных благотворителей, и объясняет, казалось бы, необъяснимую статистику смутных 90-х гг. XX в. в отношении числа жителей России, официально находившихся за чертой бедности и даже ниже уровня биологического выживания. Но это – тема отдельного исследования, а мы вернёмся в начало прошлого века к деревянному промыслу Подмосковья.

Естественно, что в такой нарочито запутанной обстановке прогрессивные банковские формы кредитно-денежных отношений и биржевая практика сбыта, уже достаточно распространённые в Европе той поры, применительно к исследуемым А. Исаевым промысловикам Подмосковья оказываются либо неразвиты совсем, либо представлены в архаическом, проверенном и перепроверенном длительной практикой виде. «У промышленников кредит очень мало распространён, – констатирует А. Исаев. – Это объясняется частью отсутствием денежных людей в исследуемой местности, частью легкостью, с которой здешний крестьянин ссужает своего односельчанина небольшой суммой в несколько десятков рублей. Некоторые, впрочем, занимают деньги

---

⁹² «Туземцами» называет жителей подмосковных деревень сам А. Исаев, при этом, в отличие от нас, цитирующих его, не заключает это определение в кавычки.

у какого-то звенигородского еврея за умеренные проценты – 10 коп. за 1 руб. в месяц⁹³. Народные кредитные учреждения вовсе неизвестны»⁹⁴.

Отмечает исследование завидную деловую сметку участвующих в промысле крестьян. Обработка древесины породила к жизни особый вид промысла – *торговлю опилками*. Чем ни столь чаемое во все времена безотходное производство! В этом оказавшемся весьма выгодном деле сложилась и своя цепочка. Столяры продают «у верстака» опилки по 3 копейки за пуд, тогда как приобретающие их односельчане перепродают их уже за 20 копеек за тот же пуд. 700% прибыли, если не считать собственного труда и расходов по транспортировке в Москву, где древесные опилки с охотой используют для посыпки полов в общественных местах. Наиболее расторопные крестьяне, как свидетельствует исследование, зарабатывают этим промыслом по 60-70 руб. в год.

Уровень детализации исследования, подробность и дотошность, с которыми описаны процессы деревянного промысла Подмосковья, невольно наталкивают на мысль о том, что исследователь имел в виду ещё и задачу составления своеобразного пособия для тех, кто сподобится последовать примеру подмосковных крестьян-промысловиков. Внимательно изучив текст А.Исаева, и обретя чёткое представление о технологии процесса, рынке сырья и сбыта, общей цене вопроса, можно самому зачинать описанное им токарное и столярное дело. Тем более что в представлении А. Исаева выглядит оно привлекательно незамысловатостью и патриархальной семейственностью. По выводам социолога «<...> промыслы удержали характер домашний подсобный», а «Семейная жизнь ведётся во всей её чистоте: нарушения супружеской верности и добрачные связи вовсе неизвестны». Промысловики же «Мало потребляя чая и сахара, расходуя немного на одежду и ничего на табак, отличаются большой простотой нравов, гостеприимством»⁹⁵.

К сожалению, такой относительно оптимистический вывод сделан

---

⁹³ 120 % годовых. И это считалось «умеренной» ценой кредита?!

⁹⁴ Там же. С. 19-11.

⁹⁵ Там же. С. 18.

лишь в отношении деревянного промысла. Кардинально иную ситуацию наблюдал исследователь среди гончаров и производителей фаянса.

«Войдите в мастерскую горшечника, и за немногими исключениями, вы очутитесь в сыром подвальном помещении, лишённом свободного притока свежего воздуха и насыщенном разными неприятными испарениями <...> крыша поросла мхом, окна и двери въехали в землю, стены так выпятило, что они стали выпуклыми; окна завешены тряпьем, бумагой; пол – смесь гнилушек и грязи <...> В таких мастерских работают горшечники по зимам, не защищённые от пронизывающего ветра, в то время как раскалённый горн немилосердно жжет спину»⁹⁶. Трагичен вывод, итожащий наблюдение А.Исаева за условиями труда промысловиков: «Священники, которым за отсутствием в деревне врачей, приходится определять причины смерти, говорят, что 2/3 умирающих взрослых мужчин кончают жизнь чахоткой»⁹⁷.

Исследование в целом носит явно выраженный конкретно-описательный характер. При этом А. Исаев считает нужным хотя бы конспективной записью обозначить свою попытку установить хронологию и генезис подмосковного промысла, а завершить свой труд резюме морально-этического свойства. Правда, для установления времени начала деревянного промысла Подмосковья он не предпринимает попыток архивных изысканий, которые единственные могли бы дать объективную картину, а ограничивается выяснением мнения о предмете местных старожилов. «Некоторые старожилы возводят начало его (промысла – Ю.Г.) ко времени Екатерины II; другие полагают, что он возник гораздо раньше. Я склонен присоединиться к мнению этих последних потому, что, несомненно, ещё до времен Екатерины II должна была стать ощутительной неудовлетворенность земледелия, а девственный лес давал в изобилии сырой материал»⁹⁸.

В столь близком душе и сознанию русского интеллигента народническо-демократическом духе выдержан и резюмирующий исследование финал:

---

⁹⁶ Там же. С. 168.

⁹⁷ Там же. С. 169.

⁹⁸ Там же. С. 3.

«Промысел сам по себе, самими процессами и всем своим складом не может развивающим образом действовать на человека. Большую половину жизни, с самых ранних лет, человек проводит в повторении одних и тех же операций... Только от приказчиков требуется знание грамоты, умение читать, писать и считать. Но если ход дела требует этого от приказчиков, то он действует на них растлевающим образом, развивая склонность ко всякого рода пронырливости, желанию обмануть покупателя, сбыть худой товар за хороший и т.д.; приказчик тем дороже ценится хозяином, чем более развиты в нём эти свойства»⁹⁹.

О бесперспективности такой организации деревообрабатывающего производства - архаической, основанной на гиперэксплуатации труда, на предельно примитивной, низкой производительности и опасной для здоровья и самой жизни работников степени механизации – свидетельствует и сухая статистика. В состоящем из 128 душ селении Иглово число лиц, промышленно обрабатывающих древесину, за предшествующие исследованию несколько лет уменьшилось почти наполовину.

То, что чуждо, противно природе человеческой, по определению не может быть экономически эффективно.

* * *

Если рассматривать с установкой на выведение средней равнодействующей величины материал, отобранный и подготовленный нами для анализа физиологического очерка и социологического исследования, то к разряду «индивидуальных социальных действий» мы вполне можем отнести:

– природу трудовой деятельности индивидуума, которая хоть и различается весьма значительно у делателей «мелкой промышленности московской» (по И.Кокореву) и подмосковных промысловиков (по А.Исаеву), но, по сути, служит одной социальной цели – обеспечить выживание и воспроизводство самих делателей и их семей;

---

⁹⁹ Там же. С. 170-171.

– схожесть до нередкой тождественности жизненного уклада указанных выше субъектов трудовой деятельности. Для горожан – делателей мелкой промышленности московской, и подмосковных крестьян, занимающихся промыслом, крестьянское хозяйство продолжает играть существенную роль в их жизнеобеспечении;

– схожесть в большинстве своём неосознанных религиозных верований и практик и морально-нравственных императивов всех субъектов описываемых процессов, схожесть, обусловленная их универсальной для одних продолжающейся крестьянской историей, для других – недавней крестьянской предисторией.

Установив схожесть основных *объектов* нашего анализа, мы можем утверждать, что принципиально схожи методы и стилистика их *отображения* как в физиологическом очерке, так и в социологическом исследовании. В нашем случае, это – детальный рассказ о процессе труда, его результатах, мере прибыльности или убыточности, наметки анализа, обобщения и прогноза. А то, что в процессе анализа проявились и различия, то их, согласно общепринятой теории функционирования социальных законов, вполне можно отнести к категории «отклонений», которые тем в большей мере «погашаются», нивелируются, чем с большего социального расстояния рассматриваем мы как само явления, так и совокупность участвующих в нём индивидуумов. В конечном итоге, социальная закономерность «не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных отклонений в ту или другую сторону»¹⁰⁰.

При декларированной нами задаче отразить схожесть первых отечественных социологических исследований с близкими по тематике физиологическими очерками («рабочая тема» дополнительной скрепой соединяет очерки Н.Полевого и И.Кокорева с социологическими изысканиями об истории и сегодняшнем дне подмосковных промысловиков А.Исаева и рабочих

---

¹⁰⁰ Ленин В.И. Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. XXVI. 1969. С. 68.

русской фабрики М.Туган-Барановского) можно сказать, что различия, т.н. *отклонения* в наибольшей мере проявлены в отдельных конкретных очерках и социологиях, тогда как *собственно массив* физиологических очерков и социологий демонстрирует «взаимопогашение» этих различий на пути к искомому интегралу – средней равнодействующей величине.

§ 2.2. СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ, БЛИЗКИЕ ПО МЕТОДУ ОЧЕРКОВОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Рассмотренные нами феномены физиологических и социологических очерков демонстрируют примат литературного метода; социологическая составляющая в них хотя и важна, её значение нарастает от издания к изданию, но всё же ещё недостаточно развита в плане научного постижения заявленной темы. По сути, это традиционная очерковая литература, в которую по велению исторического времени глобальных трансформаций социума, вселился социальный *дух*. Лишь в относительно небольшом количестве текстовых феноменов социальный исследователь в авторском эго занимает позицию если и не вровень, то почти что рядом с литератором. Если же вести речь о векторе творческого постижения социальной реальности, о парадигме, то они всё ещё исходят от литературы как базиса и с различной степенью скорости и интенсивности устремлены к научному социальному исследованию.

Развитие отечественной социологии происходило, в основном, в рамках формально не сформулированной, но ощущаемой большинством исследователей установки, которую условно можно определить как: «Больше научности!». Литературные компоненты социологического письма при этом воспринимались значительной частью социологов атавизмом, на преодоление которого они направляли немалые усилия.

Одновременно с этим, сложилась некая «срединная» форма социологических исследований, которая, ограничивая научную компоненту анализом единичного социального феномена, вовсе не имела в виду усилить литературную составляющую. Это могло быть осознанным решением учёного, как

в случае с *монографическим методом*, а также вынужденной мерой, как, скажем, в случае с *административной наукой США*, где исследовательское поле ограничивалось федеральной статистикой и не предполагало привлечения иных активных компонент.

Монографическое исследование – это такая разновидность социологического исследования, в котором объектом изучения является только одна единица какого-либо класса социологических процессов или явлений, выступающая представителем всего этого класса. Если воспользоваться метафорой, то можно предложить такую трактовку монографическому исследованию; ученый с тщанием и рвением изучает каплю морской воды, чтобы в итоге постичь океан.

В социологии XIX в. монографический метод при исследовании отдельных семей (их бюджетов, окружения, профессиональных занятий, досуга и др.) широко использовал французский экономист и социолог Фредерик Ле Пле, которого многие историки предмета не без основания считают основоположником, «отцом» монографической социологии. Такого почётного звания француз удостоился после выхода в свет труда «Европейские рабочие»¹⁰¹ (1855), в котором на примере 36 рабочих семей разработаны основной метод и техника контролируемого наблюдения как основы монографического описания социального объекта.

В активе Ле Пле также организация Международного общества практического изучения социальных и экономических явлений. Связь между созданием этого авторитетного в мировом социологическом сообществе научного общества и институционализацией монографического метода несомненна.

На основе исследования «Европейские рабочие» сложилась концепция «социальной реформы» по Ле Пле, программа которой основывалась на таком социальном переустройстве общества, которое смогло бы укрепить патриархальные институты, прежде всего – патриархальную семью. Ле Пле ратовал за возврат к закону о наследовании, препятствовавшему дроблению

---

¹⁰¹ *Le Play. Les ouvriers europeens*, Paris, 1855.

имущества, осуждал «... принципы 1789 г., натурализм и эволюционизм»¹⁰². Большое значение он придавал рационализации бюджетов рабочих семей.

Работа Ле Пле привлекла самое пристальное и заинтересованное внимание известного общественного деятеля царской России К.Д. Победоносцева, кого отличали крайне правые, охранительные взгляды. Взяв на вооружение монографию «Европейские рабочие», К. Победоносцев всячески пропагандировал ориентацию на семью как на оплот воспитания народа в духе религиозности и преданности самодержавию¹⁰³.

Послужив реакционной страге социальных исследователей во Франции и в Российской Империи, монографический метод позволил прогрессивным русским обществоведам зримо обнажить социальные противоречия действительности. Назовём «Пошехонскую старину» М.Е.Салтыкова-Щедрина (1887-1889), «Село Пурех с его приходскими деревнями Балахнинского уезда» И.Л.Лебединского (1869), письма «Из деревни» А.Н.Энгельгардта (1882), «Опыт подворного обследования экономического положения и хозяйства крестьян в 3-х волостях Новгородского уезда» Г.Бычкова (1882), и особенно монографию А.Шингарёва «Вымирающая деревня» (1903), а также публикации земских статистиков С.В.Мартынова, Н.М.Калашникова и др., в которых на основе многочисленных фактов и статистических сведений дана разносторонняя характеристика российской реальности.

Школа Ле Пле разработала также проблематику и схемы исследования локальных общностей, прежде всего – деревенских общин.

Именно этот опыт Ле Пле – сельскую монографическую социологию – использовал и развил румынский социолог Дмитрие Густу в возглавляемом им исследовании коллектива румынских обществоведов. Итогом трёхлетней работы (1934-1937) стала социологическая монография «Копанка»¹⁰⁴.

Говоря о монографическом методе, который он использовал в этой ра-

---

¹⁰² *Ле Пле Ф.* Основная конституция человеческого рода. М., 1897. С. 182.

¹⁰³ *Победоносцев Г.П.* Ле-Пле. М., 1893.

¹⁰⁴ *Копанка* // Бюллетень Кишинёвского филиала Румынского института социологических исследований / Рук. исследования Д. Густу. 1938, Кишинёв. Т. 2.

боте, Д.Густы выделяет три источника, оказавших наибольшее влияние на его формирование. Это:

- французская монографическая школа в лице Ф. Ле Пле и его последователей;
- сельская социология и административная наука в США (в их методологиях проводилось анкетное исследование молдавского села Копанка);
- немецкая социологическая школа, предложившая взамен этнологических и статистических анкет метод «социографии»¹⁰⁵.

Само по себе монографическое исследование «Копанка», и в не меньшей мере сюжет его проведения, настолько характерны и значимы, что заслуживают, по-нашему мнению, более детального изложения.

Работа коллектива исследователей в типичном для Бессарабии 30-х годов XX века приднестровском селе Копанка позволила собрать и обработать большой фактический материал, касающийся не только экономики, но и этнографии, образования, медицины, межнациональных отношений (на основе динамики смешанных браков), финансовых сбережений и инвестирования, религии и т.д. Но главным достижением коллектива Д.Густы стало воссоздание объективной картины социально-экономического состояния населения и хозяйства данного молдавского села в период непрекращающейся ни на день пропагандистской войны, которую вели королевская Румыния и СССР.

Вследствие Брестского мира большая часть Бессарабии, расположенной на правом берегу Днестра, отошла к Румынии. На левом берегу была образована Молдавская автономная республика в составе УССР первоначально со столицей в г. Балте, а затем – г. Тирасполе. До самого дня воссоединения этих территорий в 1941-м году между их правителями шла интенсивная пропагандистская война, в которой каждая сторона тщила представить себя благодетельницей молдавского народа, а своего контрагента – виновником всех его бед. В такой ситуации объективность, продемонстрированная исследовательским коллективом Д.Густы, заслуживает по меньшей мере уважения.

---

¹⁰⁵ См. подробнее: *Кантарович Вл.* Социология и литература // Новый мир. 1967, № 12. С. 150.

Продолжение эта история получила через 25 лет, когда при разборе фондов Государственного архива МССР была обнаружена большая часть материалов социологического исследования «Копанка». Тогда же у молдавских социологов возникла многообещающая идея провести новое социологическое исследование села Копанка, чтобы при сравнительном анализе его результатов с результатами, полученными Д.Густи в 1937-м году, документально продемонстрировать преимущества социалистического колхозного хозяйствования СССР перед частным буржуазным укладом королевской Румынии. Такую исследовательскую работу по просьбе руководства МССР возглавили московские социологи Г.В.Осипов и В.И.Староверов. Итогом явилась монография «Копанка – 25 лет спустя» («Наука», 1965).

К чести московских социологов, они продолжали хоть и спорадически, наездами в союзную республику, но отслеживать ситуацию в объекте исследования, отмечая и фиксируя характерные изменения и тенденции в социально-экономическом развитии Копанки. Что особенно важно, не прекращали добровольный мониторинг и в самые сложные для страны, в целом, и для Молдовы, в частности, времена: перестроечные и постперестроечные годы.

Итогом этого многолетнего системного труда стала обширная монография Г.В.Осипова и В.И.Староверова¹⁰⁶, в которую вошли: 1. Не потерявшие актуальности фрагменты монографии «Копанка» (1938), написанной по материалам социологического исследования коллектива румынских обществоведов под руководством Д. Густи. 2. Монография «Копанка – 25 лет спустя». 3. Главы из этой монографии, не изданные в своё время по цензурным и конъюнктурным соображениям. 4. Монография по итогам системного исследования 1980-1981 гг. 5. Очерки, основанные на впечатлениях от ознакомительных поездок авторов на объект исследования в 1995 и 2010 годах.

Таким образом, мы имеем одну из немногих (если ни единственную на всём постсоветском пространстве) серьёзную исследовательскую социологическую работу, основывающуюся на длящемся 75 лет(!) мониторинге объек-

---

¹⁰⁶ *Осипов Г.В., Староверов В.И.* Село Копанка в измерении трёх эпох. М., 2014.

та (село Копанка), которое пережило за эти времена три политических и социально-экономических уклада: аграрный доиндустриальный капитализм (королевство Румыния), социализм советского типа (СССР), реставрацию капиталистического уклада (Республика Молдова).

Мы изложили краткую историю социологического исследования молдавского села Копанка с целью показать сколь креативным и убедительным может при правильном творческом подходе оказаться монографический метод в социологии.

Близок очерковой литературе и **биографический метод** в социологии. Биографические данные в социологии – это основной источник детальных и мотивированных описаний истории отдельной личности. Значимые социальные связи, мотивы действий получают здесь убедительное освещение «с точки зрения деятеля». Чаще всего источником биографических данных становятся личные документы (мемуары, записки, дневники и т.п.) либо материалы интервью и бесед. Обычно основное внимание уделяется конкретным аспектам или стадиям жизни – карьере, межличностным отношениям и т.п. Поэтому всё чаще используется термин «история отдельного случая» ("individual case history"), подчеркивающий избирательный, селективный характер жизнеописания.

В социологии «истории жизни» чаще всего использовались для изучения социальных меньшинств – тех групп, которые довольно трудно поддаются пространственной и временной локализации (следовательно, менее доступны для масштабных выборочных исследований). Так, в 1920-е годы чикагский социолог К.Шоу изучал подростковую преступность, используя написанные по его просьбе автобиографические заметки юного правонарушителя, дополненные полицейскими и судебными документами, результатами медицинских освидетельствований и т.п. Совокупность этих данных он рассматривал как «историю случая».

Биографический метод имеет много общего с методом включённого наблюдения и по сути является ещё одной разновидностью этнографического

подхода к «анализу случая». Отличием биографического метода можно считать большую сфокусированность на уникальных аспектах истории жизни человека (иногда – группы, организации) и на субъективном, личностном подходе к описанию человеческой жизни, карьеры, истории любви и т.п.

Первой социологической работой, узаконившей использование личных документов, писем и автобиографий в анализе социальных процессов, стала опубликованная в 1918-1920 гг. книга У.Томаса и Ф.Знанецкого «Польский крестьянин в Европе и Америке». Один из томов этой книги составила автобиография польского эмигранта Владека, описавшего свой путь из провинциального Копина в Чикаго. Этот путь включал и учебу в деревенской школе, и работу помощником в лавке, и выезды в Германию в поисках заработка, предшествовавшие эмиграции в США. Томас и Знанецки первыми выступили с обоснованием использования биографического метода в рамках интерпретативного подхода в социологии. Они полагали, что социальные процессы нужно рассматривать как результат постоянного взаимодействия сознания личности и объективной социальной реальности. Кроме того, Томас и Знанецки предполагали, что исследование, базирующееся на «историях жизни», позволит выйти к более широким обобщениям, касающимся социальных групп, субкультур, классов и т.п.

Фундаментальная особенность биографического метода заключена в его направленности на воссоздание исторической, развёрнутой во времени, перспективы событий. Используя биографический метод, социолог становится в некотором роде социальным историком. История социальных институтов и социальных изменений здесь раскрывается через рассказы людей о их собственной жизни. Это создаёт дополнительные возможности для пересмотра официальных версий истории, написанных с позиций властвующих классов и групп, и сопоставления этих версий с основанном на повседневном опыте знанием социальной жизни непривилегированных социальных групп.

Направленность биографического метода на представление субъективного опыта деятеля через его собственные категории и определения, требует

некоторого переосмысления критериев объективности исследования. «Собственная история» должна быть дополнена сведениями о том, как определяют ситуацию другие участники. Такой тип исследовательской стратегии в социологии принято обозначать как *множественную триангуляцию*. Она помогает в анализе различающихся определений ситуации, относящимся к одним и тем же элементам опыта. Поэтому Н.Дензин подчеркивал важность триангуляции для исследователей-качественников, выделив четыре её вида:

1. *Триангуляция данных* – соотнесение данных с учётом времени, места, участников.

2. *Триангуляция исследователей* – использование данных об одном и том же феномене из разных наблюдений.

3. *Триангуляция теорий* – использование данных, полученных в различных теоретических перспективах в изучении одного и того же комплекса объектов.

4. *Методологическая триангуляция*, или использование различных методов для изучения одного объекта и вариации данных внутри одного метода.

Любой устный или письменный рассказ субъекта о событиях его жизни может рассматриваться в качестве биографического материала. При определённых условиях для воссоздания «истории жизни» могут использоваться и вторичные источники: мемуары других лиц, письма, официальные документы и т.п.

К.Литлер изучал трудовые отношения в двух британских компаниях в 1930-е гг., интервьюируя профсоюзных активистов. Затем исследование было дополнено материалами архивов исследуемых компаний, а также газетными сообщениями о трудовых конфликтах, которые там проистекали.

В недавнем совместном исследовании британских и российских учёных изучалась, в частности, кадровая политика на предприятиях разного типа: «неблагополучных», «благополучных», «новых». Помимо анализа документов кадровой и экономической статистики использовались полуструкту-

рированные интервью с работниками предприятий, основной темой которых стали трудовые биографии респондентов (всего было проведено 260 интервью на 12 предприятиях).

Важно, однако, различать биографические (автобиографические) истории и так называемые устные истории. «Устная история» - это фактуально точное воссоздание определенных исторических событий. В её фокусе – не субъективный опыт делателя, а историческое знание о событиях, процессах, движущих силах и причинах. Устные истории, рассказанные участниками событий, используются для накопления такого исторического и фактического знания. Историческое знание «с точки зрения очевидца» необходимо, например, антропологу, стремящемуся воссоздать историю разделения труда между соседними племенами или историю вражды между кланами. Историк, представляющий школу «Новой социальной истории», также может использовать устные истории, описывая, например, бурные политические изменения «снизу» как изменения повседневной жизни простых людей.

В социологии принято различать три основных типа «историй жизни»: полные, тематические и отредактированные.

1. Полная «история жизни» в идеале очерчивает весь жизненный опыт субъекта, от колыбели до могилы.

2. Тематическая «история жизни» отличается от полной тем, что относится преимущественно к одной стороне или фазе жизненного цикла субъекта. Например, Э.Сазерленд написал книгу о профессиональной карьере «вора в законе», который выступил в качестве соавтора исследования. Сазерленд подготовил опросник, позволивший структурировать письменный рассказ своего соавтора, провёл ряд дополнительных интервью и прокомментировал получившуюся «историю жизни». При этом он не использовал никакие дополнительные источники.

3. Отредактированная «история жизни» может быть и полной, и тематической. Её основная особенность – ведущая роль социолога-интерпретатора, организующего биографический материал в соответствии с

теоретической логикой, избирательно редактирующего и интерпретирующего исходный рассказ (рассказы) субъектов для того, чтобы ответить на поставленные в исследовании вопросы.

Основными источниками биографических данных служат, помимо опросов и интервью, публичные и частные архивные материалы. Интервью, опросники и дословные записи устных сообщений играют ведущую роль в получении значимых для социологии «историй жизни» данных. Их применение гарантирует релевантность получаемых сведений той теоретической проблеме, которая стоит перед социологом.

Нередко биографический материал собирается в ходе вполне традиционного выборочного обследования. В большинстве случаев выборка такого исследования представляет какую-то возрастную когорту или профессиональную группу. Исходя из практических соображений стоимости широко-масштабного интервьюирования и доступности «редких» совокупностей, исследователи чаще всего ограничиваются квотной выборкой.

К частным архивным материалам, используемым при изучении «истории жизни», относятся преимущественно личные записи и документы. Основной тип частного документа – автобиография. Как и основанные на автобиографических сведениях «истории жизни», сами автобиографии могут быть разделены на полные, тематические и отредактированные.

К частной архивной документации относятся также дневники, частные записи, мемуары, личные письма, записи разговоров и т.п. Дневник и мемуарные записки иногда трудно различимы: можно считать, что мемуары в целом отличает более безличный стиль изложения и необязательность линейного и упорядоченного описания сменяющих друг друга во времени событий. Повышение достоверности «историй жизни», основанных на такого рода личных (иногда говорят – «экспрессивных») документах, как дневниковые и мемуарные записи, требует привлечения дополнительных источников, использования специальных приёмов критического анализа (в том числе критической оценки экспрессивного документа как исторического источника,

как литературного текста и т.п.).

Принципы анализа и интерпретации биографического материала принципиально не отличаются от *этнографического метода*, имеющего дело с анализом «индивидуального случая». Интерпретативный подход, аналитическая индукция, требования к валидности в полной мере применимы и к биографическому методу.

Н.Дензин предложил схему анализа и описания «историй жизни»:

- отбор исследовательских проблем и гипотез, которые могут быть исследованы и проверены с помощью «историй жизни»;
- отбор субъекта или субъектов и определение, в какой форме будут собраны о них биографические данные;
- описание объективных событий и переживаний из жизни субъекта;
- получение от субъекта интерпретации этих событий, следующих естественному или хронологическому порядку;
- анализ этих утверждений и сообщений с точки зрения их внутренней и внешней валидности;
- принятие окончательного решения о достоверности источников и выбор приоритетных источников для последующей проверки гипотез;
- проверка предварительно сформулированных гипотез, поиск опровергающих примеров. Модифицирование гипотез, выдвижение новых и их проверка;
- составление чернового наброска всей «истории жизни» и ознакомление с ним исследуемых субъектов, чтобы узнать их реакцию;
- переработка исследовательского отчёта с целью изложения событий в их естественной последовательности и с учётом замечаний исследуемых субъектов;
- написание Заключения о теоретической значимости исследовательских выводов и перспективах дальнейшего исследования.

Эта схема может служить основным ориентиром в работе с биографическими данными.

§ 2.3. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДА И ИНСТРУМЕНТАРИЯ ФИКСАЦИИ РЕЗУЛЬТАТОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В предыдущих параграфах мы показали, что при гносеологической, мировоззренческой, тематической, стилистической, и т.д. близости физиологических очерков и первых русских социологических исследований, русские социологи довольно скоро проявили стремление (часто неосознанное) к размежеванию с литературным предтечей.

Причины такой тенденции заключены в том, что:

во-первых, в период между XIX и XX вв. в российскую гуманитарную науку устремился поток молодых людей из разночинной среды, у коих, в большинстве своём, по определению не могло быть такой же фундаментальной и – что особенно важно! – *наследственной* литературной подготовки, как у большинства их предшественников. Они просто были не в состоянии излагать мысли столь же изящно, а зачастую и элементарно грамотно, как их коллеги-дворяне, выросшие, набравшие багаж знаний, воспитавшие чувства в благой тиши столичных и поместных библиотек, собирать которые начали ещё их прадедушки;

во-вторых, сами обстоятельства становления отечественной социальной науки не способствовали её активному развитию и совершенствованию её языка и стилистики. На период становления социологии уже сложилась совокупность общественных научных дисциплин, и нарождающейся науке во многом приходилось раздвигать устоявшиеся междисциплинарные границы, чтобы найти своё место, на что уходило много сил и времени;

в-третьих, в определённой мере продолжалось в большинстве случаев неосознанное соперничество социологического научного метода и литературного описания социума. Тем более, что и русская литература того же периода активно осваивала социальную проблематику. И достигала, как правило, впечатляющих результатов. «У художника Горького, у покойного художника Успенского может многому научиться самый учёный социолог. В них –

целое откровение!»¹⁰⁷. Высказывание это принадлежит не литератору, а традиционному «кабинетному» учёному, философу-обществоведо Г.В.Плеханову. При этом, как видим, и он склонен считать в качестве ведущего в тандеме «исследователь-художник» не профессионально близкого ему учёного, а «художника», в нашем контексте – литератора.

Смеем предположить, что большинству социологов и иных социальных мыслителей, активно действовавших в науке ещё на рубеже XIX - XX вв., хотелось не столько учиться у общепризнанных «властителей дум» – литераторов, как самим поучать общество. Со временем желание это не просто крепло, становилось доминирующим в сообществе.

При этом в качестве генеральной идеи всячески декларировалось стремление к большей научности.

Принцип научности по определению не константен и в существенной мере отражает степень суммарной интенции научного сообщества, развития науки, парадигму её трансформаций и т.д.

Проанализировав диалог Платона «Менон», в котором изложена объективная реальность общеродовой идеи как закона для единичного, что, по сути, являлось первым наброском объективного идеализма, и диалог «Кратил», где излагаются формы субъективно-человеческого функционирования объективно-реальной идеи – вещь, идея, тип-образ, имя – мы убедимся, что Платон считал исследование научным, если оно точно воспроизводит объект, имперсонально, устойчиво и обладает непреходящей ценностью¹⁰⁸. Понятно, что эта Платонова триада критериев, применительно к современной гуманитарной науке, недостаточна. Тем более, что эти критерии (за исключением имперсональности) вполне характеризуют также артефакты реалистического направления. На это же косвенно указывает и один из ведущих российских исследователей творчества Платона А.Ф.Лосев. Он утверждает, что в Переходном периоде (80-е гг. д.н.э. согласно периодизации А.Ф.Лосева) у Плато-

---

¹⁰⁷ Плеханов Г.В. Наши разногласия // Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956. С. 527.

¹⁰⁸ Платон. Сочинения. Т. I. М., 1968. С. 407, 408, 417.

на «Кроме сократовского рационального анализа понятий пробиваются также мотивы поэтические, мифологические и даже мистические наряду с тенденциозной защитой аристократического образа, чего не было у Сократа»¹⁰⁹.

В новейшие времена, сохраняя и даже развивая научные принципы Модерна, которые, в свою очередь, во многом зиждутся на наследии антики, социология и родственные ей общественные науки активно занимаются поиском и разработкой средств не только научного анализа исследуемого явления, но и его текстовой фиксации.

Начиная с середины 60-х гг. XX в. в отношении гуманитарных наук, в общем, и социологии, в частности, стала просматриваться тенденция к квантификации – сведению качественных характеристик к количественным для последующего этапа – измерения, т.е. придания результату численного значения. Наблюдаемое сейчас повсеместно «оцифровывание» текста и изображения для удобства манипулирования и последующего надёжного и компактного архивирования – один из наиболее доступных примеров такого рода. Тогда же, в 60-е, стало аксиомой, что « <...> максимально полное и стройное логическое доказательство, а вместе с ним – наиболее объективное и необходимое знание традиционно достигается в области математики»¹¹⁰. Родилась даже расхожая сентенция, что в науке столько научного, сколько выразимого средствами математики.

В этот же период в тогдашней советской социологической науке происходит активная переналадка исследовательского инструментария. Вслед за лидерами мирового социологического процесса – американскими учёными, ведущие отечественные социологи все реже пользуются статистикой¹¹¹ и усреднённые количественные показатели: ВВП, душевое потребление, сравнения с показателями экономики России 1913 г.

---

¹⁰⁹ Лосев А.Ф. Жизнь и творческий путь Платона // Соч. Платона в 3-х т. Т. I. М., 1968. С. 52.

¹¹⁰ Ильин В.В. К вопросу о критериях научности знания // Вопросы философии. 1986. С. 64.

¹¹¹ По мнению одного из ведущих специалистов в области логико-методологических проблем социально-гуманитарного знания В.А.Смирнова: «Вероятностные методы, статистика первоначально возникли как методы, ориентированные на социальную область, и лишь впоследствии были распространены на физику и другие области». (Смирнов В.А. Выступление в журнале «Вопросы философии» // Вопросы философии. 1988, №12. С. 26).

«Деловые контакты с заокеанскими социологами становились всё более регулярными. Мы договорились с американским социологом Теодором Абелем об обмене социологической литературой, и стали получать почти все книги, которые выходили в США по этой дисциплине. Началось серьёзное изучение опыта зарубежной социологии как таковой, в первую очередь - американского»¹¹².

Но не только и даже не столько задачи просвещения и обучения советских социологов, большинство из которых не имели специального образования и пришли в социологию из других наук, преследовали организаторы научного социологического обмена между СССР и США. По свидетельству председателя Советской социологической ассоциации (ССА) и заместителя Института конкретных социальных исследований АН СССР, курировавшего в нём социологическое направление, Г.В.Осипова, в течение короткого отрезка времени ССА и Институт заключили ряд чрезвычайно полезных договоров с американскими коллегами о взаимном сотрудничестве, в частности, со всемирно известным Институтом Джорджа Гэллапа, который к тому времени справедливо прославился на весь мир своей службой социологических опросов (Gallup Organization).

«Наибольшее впечатление в американской социологической литературе производили методы формирования выборочной совокупности, структурно-функциональный анализ, факторный анализ, применение математических методов и моделей. В это время по линии ССА мы издали (что я считаю своей большой заслугой как редактора) ряд переводов книг американских социологов по общим прикладным проблемам и математическим методам (например: «Математические методы в современной буржуазной социологии». М., 1966; «Математические методы в социальных науках». М., 1973 и др.). В сотрудничестве с математиками опубликовали собственный коллективный труд «Методика и техника статистической обработки первичной со-

---

¹¹² Митрохин Л.Н. Тернистые пути отечественной социологии // Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть. М., 2008. С. 432.

циальной информации» (1968); а затем и «Количественные методы в социологии» (1976)¹¹³.

С тех пор дискурс на математизацию отчётливо различим в отечественной социологии. Так, в Институте социально-политических исследований РАН в последнее время подготовлены и изданы фундаментальные работы по разработке формализованных индексов и показателей, призванных существенно уточнить пока ещё доминирующую статистику¹¹⁴. Математическими формулами социологи новых поколений стремятся выразить такие «тонкие» индикаторы состояния социума как уровень «удовлетворенности жизнью» (life satisfaction), «благополучия» (wellbeing) и др.

К математическому моделированию сложных систем они привлекают методики «математической психологии», переосмысливают с точки зрения математики художественные тропы. Исследования эти уже напрямую социологизируют инструментарий анализа литературы и искусства, активно внедряют технологические разработки социологического познания посредством художественного отражения реальности. Показательно в этом отношении высказывание П.Бурдьё о роли литературных приёмов: «Забота о том, чтобы дать почувствовать или дать понять, вызванная непосредственным присутствием внимательного слушателя <...> подталкивает на поиск *метафор и аналогий* (курсив – Ю.Г.), которые, если суметь оговорить их ограничения на момент использования, позволяют дать первое интуитивное приближение к наиболее сложным моделям и, таким образом, подвести к более строгому представлению»¹¹⁵.

Отсюда – прямой путь к изысканиям голландского социолога Д.Пелса, который, исследуя взаимоотношения политики и экономики, определяет оба понятия как «метафора политики» и «метафора экономики». По мнению Д.Пелса, оба этих вокабулярия осуществляют расколдовывание и декон-

---

¹¹³ Там же. С. 432.

¹¹⁴ Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А. Измерения прогресса. М., 2010; Знание, собственность и власть. Хрестоматия / Науч. ред. В. Садовничий. М., 2010; Осипов Г.В. Измерение социальной реальности (показатели и индикаторы). М., 2011.

¹¹⁵ Бурдьё П. Начала. М., 1994. С.11.

струкцию, поскольку обнаруживают в качестве характерных особенностей профессионального поиска знания нечто аналогичное жажде наживы или воле к власти. «Интрига состоит в том, - пишет Д.Пелс, - что эта радикальная идея относительно сговора между когнитивными и социальными элементами в науке, а также ситуативности и обремененности интересами её продуктов получила выражение в двух классических вариациях расколдовывания: «марксистской», касающейся экономики и капитала, и «ницшеанской», касающейся политики и власти.¹¹⁶ <...> Каждая по-своему, выявляют нерасторжимую двойственность когнитивных и стратегических интересов и вытекающую из нее «агонистическую» структуру научного предприятия.¹¹⁷ Таким образом, обе метафоры (курсив – Ю.Г.) представляются одинаково полезными с точки зрения низвержения того, что Ницше называл «аскетическим» идеалом философской истины, и освобождения (disburdening) науки от её традиционных эпистемологических привилегий»¹¹⁸.

Конечно, для «расколдовывания» и «деконструкции» «сговора между когнитивными и социальными элементами в науке» и других подобного рода манипуляций терминами, понятиями, императивами и т.п., осуществляемыми на тонкой грани между социальными реалиями и психоделическими представлениями о них, предпочтительно пользоваться столь же «подвижным» инструментарием, эфемерными многозначными определениями, из коих метафора на настоящий момент - максимально удобна своей универсальностью. При определенном культурном багаже потребитель научного текста способен «раскрыть» ту же «метафору политики» в широкий веер из аналогий, сходств и сравнений, и чем выше окажется вариативность, тем больше

---

¹¹⁶ «Ницше определил в качестве общего фокуса философского дискурса властные отношения, в то время как для Маркса таким фокусом были производственные отношения» (*Foucault Michel, Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977*, ed. Colin Gordon, New York: Pantheon Books, 1980. P. 53).

¹¹⁷ Эпистемологическое совпадение ориентированных на истину когнитивных интересов (датск. *belangstelling*) со стратегическими интересами (датск. *belang*) гораздо лучше передается английским *interest* или французским *intérêt/intéressement*, чем датским прилагательным *belang-rijk*.

¹¹⁸ Пелс Дик. Смещение метафор: политика или экономика знания? // Знание: собственность и власть (хрестоматия). М., 2010. С. 11-12.

оснований полагать, что какое-либо из предложенных толкований совпадёт с авторским, при этом «политкорректно» не ограничив прав иных получателей информации на своё толкование.

Метафоричность в гуманитарной науке вербует всё новых сторонников, прежде всего, среди учёных постмодернистского направления. Как свидетельствует петербуржец В.Д.Иванов¹¹⁹, в качестве идеологической основы нового интеллектуального и эстетического течения в социологии ряд авторитетных исследователей склонны признать «нарочито метафоричные концепции» постмодернистов Ж.-Ф. Лиотара и Ж. Бодрийяра¹²⁰, которые констатируют «атомизацию» социального в эпоху «расслабленности», провозглашают «конец социального» в период «инертности» и «маланхоличности». Тем самым косвенно признаётся, что за пределами традиции модерна *метафоричность* выступает в социологии если ещё и не составной частью стилистики исследований, то, по крайней мере, протоэлементом нарождающейся лексики, фиксирующей результаты этих исследований. Примерно таким образом разноязыкие интеллектуалы европейской традиции охотно используют при общении между собой в качестве своеобразного эсперанто по принципу подобию *метафоричность* древнегреческой мифологии.

К метафоре в своих исследованиях охотно прибегает и один из основоположников структуральной лингвистики Р.Барт. Вот свидетельствующий об этом отрывок из его работы «Гул языка»: «< ...> язык обращается в гул и всецело вверяется означаемому, не выходя в то же время за пределы осмысленности: смысл маячит в отдалении нераздельным и неизреченным миражем, образуя задний «фон» звукового пейзажа»¹²¹.

Поскольку ни Д.Пелс, ни П.Бурдьё и иже с ними не предлагает своего толкования понятия «метафора», по идее следовало бы придерживаться традиционного: «Оборот речи, состоящий в употреблении слов и выражений в

---

¹¹⁹ Иванов В.Д. Виртуализация общества. СПб., 2000. С. 16.

¹²⁰ Lyotard J.-F. The Postmodern Condition. Manchester, 1984; Baudrillard J. In the shadow of the silent majorities or The end of the social and other essays. New York: Seabury, 1983.

¹²¹ Барт Р. Гул языка // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994. С. 543.

переносном смысле на основе аналогии, сходства, сравнения»¹²².

Однако в данном случае речь идёт явно не о традиционном академическом определении тропа, зафиксированном, в частности, Словарём русского языка С.И.Ожегова, а о феномене, в котором, по мнению Н.Арутюновой, «заключено противопоставление обыденного мира, соответствующего классифицирующим предикатам, необычному, вскрывающему индивидуальную сущность предмета. Метафора отвергает принадлежность предмета к тому классу, в который он на самом деле входит, и утверждает его в категорию, к которой он не может быть отнесён на рациональном основании»¹²³.

Следует отметить, что исследования процесса метафоризации перешагнули рамки традиционного для использования метафор пространства – художественных текстов, и движение по этому вектору не просто устойчиво, но год от года становится всё более интенсивным.

Так в Курске, в Москве и Санкт-Петербурге только лишь за период 2011-2012 гг. подготовлен ряд диссертаций и монографий, исследующих метафору в лексике профессиональных групп, иные аспекты нетрадиционной метафорологии¹²⁴.

Диссертация на соискание учёной степени доктора филологических наук курянки О.С. Зубковой «Лингвосемиотика профессиональной метафоры», содержит следы явных попыток порадовать филологическое сообщество эксклюзивным «ноу-хау». В частности, разработкой некоего «поля профессиональной метафоры» (привет от П.Бурдьё!), в котором эти самые метафоры,

---

¹²² Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1973. С. 320.

¹²³ Арутюнова Н.Д. Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990. С. 18.

¹²⁴ Зубкова О.С. Лингвосемиотика профессиональной метафоры / автореферат диссертации на соискание учёной степени д.ф.н. Курск, 2011; Игнатенко В.В. Специфика производственной метафоры в индивидуальном лексиконе / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2012; Картелёва Л.И. Когнитивно-функциональные аспекты использования метафоры и метонимии в процессе вербальной самопрезентации. Курск, 2012; Константинова М.В. Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2011; Кудрин С.А. Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2011; Максимова А.Б. Изучение метафоры в аспекте речевого развития школьников: 5 и 8 классы / автореферат диссертации на соискание учёной степени к. п. н. СПб, 2012; Стишенок И.В. Из гусеницы в бабочку: психологические сказки, притчи, метафоры в индивидуальной и групповой работе. М., 2012.

по воле автора, предстают в виде системы шестерёнок, взаимозависимых или, напротив, автономных в одноплоскостной динамике.

Кто помнит советскую систему начального профессионального образования, без труда представит себе предлагаемое «поле», почти идентичное одному из самых распространённых наглядных учебных пособий в тогдашних ПТУ, готовящих механиков. Что до сути авторского прозрения, то остаются большие сомнения, что столь трудно формулируемая даже при посредстве тонкого психологического инструментария данность, каковой является метафора, способна улечься в плоскостное трехмерное пространство и в нём, подобно фабричному передаточному механизму, взаимодействовать с иными компонентами лингвосемиотического процесса. Ведь сам П.Бурдьё, видел свое *поле*, «засеянным» социальными агентами, а для исследования механизмов их внутривидового и экстравертного взаимодействия ввёл понятие *габитуса*, означающее глубинный психологический, ментальный пласт сознания – культурное бессознательное, которому свойственно пребывание в пространстве между онтологической реальностью мира и представлений о нём исследователя. Поле без габитуса – экспозиция без развития; трудно предположить в отсутствие аналога второй компоненты какой энергией придут в движение шестерёнки-метафоры, если автором предложена наполовину усечённая конструкция процесса...

Представляют интерес и выводы израильского социолога и политолога Я.Эзрахи. Исследователь выделяет две строфы из второго хора поэмы «Скала» Т.С.Элиота: Где мудрость, что мы в знанье потеряли?//Где знанье, что пропало в информации?, и утверждает, что «Если бы Элиот писал в наше время, он бы, наверное, добавил ещё одну строфу, посвящённую самому последнему и, вероятно, самому драматическому переходу: от передаваемой посредством слов и чисел информации - к *образам как движущимся визуальным репрезентациям реальности* (курсив – Ю.Г.), передаваемым, главным образом электронными медиа»¹²⁵.

---

¹²⁵ Эзрахи Ярон. Наука и политическое воображение // Знание: собственность и власть (хрестоматия)

Если в термине «ин-формация» всё еще сохраняется связь знания с личностью, с сознанием, то для обозначения растущей зависимости от внешнего потока образов и особой взаимосвязи между зрелищем и расстоянием необходим новый термин. Я.Эзрахи предлагает его: транслируемая электронными СМИ *аутформация*, представляющая собой диффузный и фрагментарный набор ярких образов, звуков и нарративов. По Эзрахи этот термин указывает на очередную стадию отчуждения средств знания от личности и, возможно, даже на возвращение к некоторым аспектам коллективного образного конструирования опыта в мифе.

Одновременно с этим, учёные «новой волны» предсказывают в области современного гуманитарного знания рост исследований т.н. **расходящегося дискурса**. «Если сходящийся дискурс пытается объединить разные идеи в одну логическую конструкцию, связать всё со всем, то расходящийся дискурс, напротив, развязывает узлы понятий, оставляя свободно болтающиеся концы – разбегается в неизвестность, как сама обозримая вселенная»¹²⁶. При таком подходе задачи социальных, социологических исследований видятся учёным уже не столько в традиционном ключе, в линейной перспективе, как в одновременной возможности обозревать сразу несколько вариантов и горизонтов исследуемого объекта без попыток подчинить их единой логике. «Это своего рода ландшафтное видение результата как множества веерообразно расходящихся и не заслоняющих друг друга вариантов»¹²⁷.

Подобного рода научные изыскания автор культовой книги «Конец науки: Перед лицом пределов знания в сумерках века науки» Джон Хорган считает «ироническими». Они, по его мнению, подобно литературной критике, высказывают и оспаривают различные интересные сами по себе мнения, которые, однако, при этом не ведут к объективной истине¹²⁸. Зато дают воз-

---

тия). М., 2010. С. 10-11.

¹²⁶ Эпштейн М. Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М., 2004. С. 19.

¹²⁷ Там же. С. 19-20.

¹²⁸ Horgan John. The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age. NY: Broadway Books, 1997. P. 7.

возможность человеческому субъекту преуспеть в саморефлексии. Казалось бы, побочная, уведящая в сторону от магистрали социального познания практика. С этим можно было бы согласиться, когда бы ни всё более очевидная зависимость успешности глобального научного поиска от способности восприятия результатов этих поисков человеческой личностью.

Коррекцию физических параметров вселенной под познающего её человека, которая известна ныне как «антропный принцип», внесли физики Джон Уилер, Фрэнк Типлер и Джон Бэрроу. Нобелевский лауреат 1963 г. по физиологии и медицине Джон Экклс и один из крупнейших современных физиков Роджер Пенроуз, независимо друг от друга, высказались о необходимости разработки **квантовой теории сознания**, в которой свобода воли как таковая и творческие задатки мыслительного процесса смогут быть объяснены посредством уяснения странного поведения квантов, мозговых клеток, нейронов и межнейронных синапсов.

Аналитика эмпирики остаётся главным направлением научной мысли. Однако и «новая волна», пытающаяся исследовать рефлексии сознания и чувственного восприятия, исследовать, описать, встроить в социум обретает всё большую силу и возможности за счёт энтузиазма исследователей, в основном, молодого, нового поколения. Пространства и исследовательских объектов и одним, и другим не занимать...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ВОЗРОЖДЕНИЕ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОЧЕРКА

§ 3.1. ВОЗРОЖДЕНИЕ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ

С середины 50-х гг. в СССР начался период самоотверженной, порой трагической борьбы социологов за возрождение социологии, утверждение её гражданского и научного статуса. Советским социологам в условиях все- сильного партократического режима к началу 60-х гг. удалось создать систему социологического знания и добиться признания социологии как науки. Была восстановлена связь с социологической практикой 20-х гг., в которые «<...> шёл достаточно интенсивный, плодотворный поиск методического арсенала социологии, <...> который накапливал и отрабатывал методологический инструментарий науки, её исследовательскую базу»¹²⁹.

Активно и плодотворно трудились на ниве социологии П.А.Сорокин и К.М.Тахтарёв. Первый в 1919 г. создаёт Социологический институт и кафедру социологии, второй в это же время – Институт социологии и кафедру социологии. Множатся социологические исследования, среди которых были и довольно экзотические, например: «Половая жизнь партактива», «Положение религиозного сектантства в СССР» и т.п. Исследования эти объективно расширяли представление об обществе, вовлечённом в небывалый в мировой истории социалистический эксперимент.

Возобновляет деятельность социологическое общество имени Максима Ковалевского, объединившее социологов и организации профессиональных социологов России. Председателем его стал Николай Иванович Кареев.

Социологи того времени могли опираться (и опирались!) на объективные данные, благо статистика, в отличие от позднесталинского советского периода, оставалась широкодоступной.

В 1922 г. известный деятель ВКП(б), впоследствии действительный член АН СССР Николай Иванович Бухарин публикует монографию «Теория

---

¹²⁹ Там же. С. 39-40.

исторического материализма: популярный учебник марксистской социологии», в которой отождествляет исторический материализм с марксистской социологией. Издание монографии Н.И.Бухарина и работ его последователей (Оранский, Константинов и др.) явилось первым шагом к кардинальному пересмотру с позиций марксизма предшествующего наследия отечественной социологии. Но, несмотря на это, социология продолжала сохранять гражданский и научный статус в российском обществе ¹³⁰.

В 30-е гг. относительно мирное сосуществование традиционной и марксистской социологических школ было прервано. С выходом в свет работы И.Сталина «О диалектическом и историческом материализме», исторический материализм был возведён на Олимп философского знания, а социологическое знание даже в форме исторического материализма, как знание нефилософское, было «упразднено». С этих пор теория и методология, понятийный аппарат «науки об обществе» стали рассматриваться на крайне абстрактном философском уровне, с позиций диалектического и исторического материализма (И. Луппол, М. Митин, Ф. Константинов и др.).

Оформила этот переворот, вернее – запрет, дискуссия в Институте философии коммунистической академии по проблемам философии и социологии (1929), в ходе которой был сделан категорический вывод: «социология – это лженаука, выдуманная французским реакционером Огюстом Контом¹³¹, само это слово (т.е. социология) не должно использоваться в марксистской литературе»¹³².

Лишившись социологии, российское общество утратило действенного индикатора «социальной погоды», инструмента познания и анализа социальной реальности. Восторжествовало знание социально-мифологическое или, – социально-утопическое.

---

¹³⁰ Подробно данный период развития отечественной социологии проанализирован в монографии Н.И. Кареева «Основы русской социологии», переизданной в Санкт Петербурге в 1996 г.

¹³¹ Впервые имя О. Конта как основоположника социологической науки было реабилитировано советским философом М.П. Баскиным в статье, посвящённой 160-летию со дня его рождения.

¹³² См. подборку журналов «Под знаменем марксизма» за 1929 г.

Ведущий исследователь современного периода отечественной социологии ак. Г.В.Осипов¹³³ считает, что на некоторое изменение отношения со стороны правящего режима к социологическому знанию, точнее – к конкретным социологическим (социальным) исследованиям, так как сам термин «социология» всё ещё находился под запретом, повлияли следующие обстоятельства:

- Постановление Президиума ЦК КПСС (1955), разрешившее советским учёным участвовать в III Всемирном социологическом конгрессе (Голландия);
- легализация понятия «конкретные социологические исследования» (как синоним понятия «конкретные социальные исследования») после участия советской делегации в работе III Всемирного социологического конгресса (1956, П.Н. Федосеев);
- проведение в г. Москве 23 сентября 1957 г. Международного совещания социологов по вопросу о мирном сосуществовании. В совещании приняли участие крупнейшие социологи мира (Ф.Арон, Ж.Фридман, А.Холландер, Э.Хьюз, Х.Шельски, Т.Боттомор и др.);
- публикация статьи Юргена Кучинского в журнале «Вопросы философии» (1957, № 5), где впервые после долгих запретов и умолчаний был поставлен вопрос об изучении социологических законов;
- учреждение Президиумом АН СССР 18 февраля 1958 г. в соответствии с Постановлением Комиссии ЦК КПСС по вопросам идеологии, культуры и международных связей (от 11 февраля 1958) Советской Социологической Ассоциации (пред. Ю. Францев, зам. Г. Осипов);
- организация в 1960 г. в Институте философии АН СССР первого в стране социологического подразделения – Сектора новых форм труда и быта (зав. Г. Осипов) и создание в том же году в Ленинградском государ-

---

¹³³ *Осипов Г.В.* Социология и социализм. М., 1997; *Осипов Г.В.* Социология и общество. М., 2007.; *Осипов Г.В.* Возрождение отечественной социологии (как это было на самом деле) // Полвека борьбы и свершений. М., 2008.; *Осипов Г.В.* Возрождение российской социологии (документы 1950-1900) // Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть. М., 2008 и др.

ственном университете первой в стране социологической лаборатории (руководитель – В.Ядов);

– осуществление в начале 60-х гг. четырёх крупных социологических проектов в гг. Свердловске, Москве, Ленинграде и Молдавской ССР;

– посещение Института философии АН СССР (1961) представительной делегацией польских социологов во главе с А.Шаффом в составе З.Баума-на, М.Осовской, Л.Колаковского и др.;

– начало проведения по инициативе «Комсомольской правды» (1961, Б.Грушин и др.) регулярных опросов общественного мнения;

– обсуждение по инициативе А.Соболева проблем социологии и социологических исследований общественных процессов в журнале «Проблемы мира и социализма» (1961);

– создание социологических подразделений при ЦК ВЛКСМ (В.Васильев, В.Чупров, А.Кулагин) и АОН при ЦК КПСС (И.Петров);

– постановка в докладе секретаря ЦК КПСС Л.Ильичёва на Президиуме АН СССР вопроса о праве социологии на гражданство (18.09.1963);¹³⁴

– решение Президиума АН СССР от 25 февраля 1966 г. о преобразовании Сектора новых форм труда и быта Института философии АН СССР в Отдел конкретных социологических исследований¹³⁵. Этим же решением был создан Научный Совет по проблемам конкретных социальных исследований при Президиуме АН ССР (пред. А.Румянцев, зам. Г.Осипов).

---

¹³⁴ В докладе Л.Ф.Ильичёв чётко обосновал тезис о гражданском статусе социологии, но в форме лишь марксистской социологии, то есть одного из направлений социологического знания.

¹³⁵ В составе Отдела решением президиума АН СССР были утверждены секторы: методологии, методики и техники социальных исследований; социальных и социально-психологических проблем личности; общественного мнения и эффективности идеологической работы; социальных проблем развития трудовых коллективов; социальных проблем организации и планирования науки; социальной психологии; прикладных социальных исследований. Соответственно их возглавили: Ю.Левада, И.Кон, Б.Грушин, Г.Осипов, А.Зворыкин, П.Мансуров, В.Васильев. К работе Отдела были привлечены выдающиеся ученые Ю.Семёнов, А.Здравомыслов и др. Г.Осипов был утверждён зав. Отделом, а Н.Лапин стал зам. зав. Отделом.

Одновременно с этим, советские социологи продолжали испытывать тяжёлое давление власти с одной стороны, с другой – неприятие учёных, занимавшихся вопросами марксистско-ленинского обществоведения.

Значительная часть первичной информации, представляющей огромную научную ценность, крайне необходимой властным структурам для решения насущных социальных проблем, оставалась в архивах. Многие тревожные сигналы социологов о нарастании конфликтов в трудовой сфере, об отчуждении власти от народа, о варварском отношении к природе, о развитии националистических тенденций в стране и др., которые они адресовали директивным органам, не только не принимались во внимание, но и осуждались как, якобы, тенденциозные и провокационные. В отдельных случаях их инициаторы даже подвергались партийным и административным взысканиям. Многие научные понятия: «социальная статистика», «социология труда», «социология семьи», «социальная экология», «социология религии», «социология культуры» и др., даже в период признания «прикладной социологии» оказались под запретом. Используя их учёные могли быть зачислены в разряд «последователей и пропагандистов реакционной буржуазной социологии». И все же, несмотря ни на какие ограничительные и запретительные санкции, конкретные социологические исследования в стране проводились, что неизбежно сопровождалось расширением сферы теоретического социологического знания, овладением понятийным и методологическим аппаратом социологии. Социологическое знание постепенно преодолевало узкие ограничительные рамки «марксистской социологии», всё более и более завоёвывая статус самостоятельной науки.

В середине 1960-х гг. начинают появляться первые крупные труды, обобщающие итоги конкретных социологических исследований. Издаётся пятитомник избранных произведений одного из пионеров социальной инженерии и конкретного социального анализа С.Г.Струмилина. Выходят монографии: «Копанка 25 лет спустя» (1965); «Рабочий класс и технический прогресс» (1967); «Человек и его работа» (1967). Существенный вклад в изучение социальных аспектов взаимоотношения свободного и рабочего времени внесли

труды Г.Пруденского, подытоженные в книге «Время и труд» (1964). Широкий круг исследований социальных проблем брака и семьи был обобщён в классической монографии А.Харчева «Брак и семья в СССР» (1965).

Формально первое социологическое исследование (точнее, социально-философское) было инициировано группой свердловских учёных, в основном, философов (рук. М.Т.Иовчук, члены исследовательской группы: Г.А.Пруденский, М.Н.Руткевич, Л.Н.Коган и др.). Осуществлялось оно с теоретических позиций исторического материализма, с использованием традиционных абстрактно-дедуктивных методов, что нашло отражение в изданной по итогам исследования монографии¹³⁶.

Первыми исследованиями, проведёнными с позиций индуктивных методов, с использованием современного арсенала методического инструментария социологии, стали работы московских и ленинградских учёных. Их приоритет в данном случае бесспорен. И, в первую очередь, здесь надо назвать имена Владимира Ядова и Андрея Здравомыслова.

Последующие исследования, проведённые В.Н.Шубкиным, З.И.Файнбургом, Г.П.Козловой, Э.В.Клоповым, Л.А.Гордоном, Н.А.Аитовым, Г.Т. Журавлёвым и рядом других, в определенном смысле следовали в фарватере этих двух основополагающих школ отечественной социологии.

Важным шагом на пути институционализации социологии в СССР явилось издание подготовленного сектором новых форм труда и быта Института философии АН СССР двухтомника «Социология в СССР» (1966), в котором обобщался опыт ряда социологических исследований, проведённых в различных сферах советского общества. В него вошли исследования по социологической теории, различным проблемам функционирования и развития социальной сферы (труда, быта и т.д.)¹³⁷. В расширенном варианте двухтомник был издан в Англии. Эта публикация заложила основы традиции издания, примерно раз в

---

¹³⁶ Подъём научно-технического уровня советского рабочего класса. М., 1961.

¹³⁷ Среди 50 авторов двухтомника представители различных школ социологии: марксистской (исторического материализма) и собственно социологии как науки. В данное издание включено всё лучшее, что было сделано в области социологического научного знания, основанного на конкретных фактах, полученных путём индуктивных методов.

два-три года, обобщающих трудов по итогам развития отечественной социологии. Среди них: «Марксистская и буржуазная социология сегодня» (1964), «Социология и идеология» (1969), «Социология и современность» (в 2 т. 1977), «Социология и проблемы социального развития» (1978), «Марксистско-ленинская теория социального развития» (1978), и др. Полная библиография всех научных исследований по проблемам социологии (1958-1978) и социальных исследований, проведённых с различных теоретико-методологических позиций, опубликована в монографии «Теория и практика социологических исследований в СССР» (М., Наука, 1979). Впервые по инициативе советских социологов было проведено международное (СССР - ПНР), сравнительное социологическое исследование по проблемам труда в индустрии, результаты которого были опубликованы на русском, польском и итальянском языках в монографии «Социальные проблемы труда и производства» (под общ. ред. Г.Осипова и Я.Щепаньского, 1970).

В стране стихийно сложилось мощное *социологическое движение*, объединившее большую группу философов и экономистов, представителей других научных дисциплин, которые перешли на позиции социологической науки.

Внутри советского государства, все ещё самодовольного и самоуверенного, строго охраняемого пропагандистским партийным аппаратом от ревизионизма и прочих ересей, многие люди, воспрянувшие после XX съезда КПСС, продолжали жить ожиданием свободы. А были и такие, кто в меру сил своих и возможностей стремился приблизить это время. Большинство представителей советского социологического сообщества с лёгким сердцем можно отнести к таким свободолюбивым гражданам Отечества.

В чём *cause prima*¹³⁸ создавшейся ситуации? Прежде всего, в явлениях социального порядка: в советском обществе после исторического XX съезда КПСС стремительно ширились и набирали силу процессы, направленные на демократизацию общественной жизни. Представители, в первую очередь, городской интеллигенции не жалели усилий по развенчанию культа личности

---

¹³⁸ Первопричина (лат.)

И.В.Сталина и, как в ту пору непременно следовало дополнить: по «восстановлению и творческому развитию ленинских норм и принципов в общественных отношениях»¹³⁹. Процессы эти, массовый настрой на демократические, либеральные трансформации строя, как уже отмечено нами, получили определение Оттепели.

В таком контексте социология, как наиболее мобильная и оперативная наука о происходящих в обществе процессах и трансформациях, за короткий срок выдвинулась на передний план научного, общественного интереса, овладела сознанием миллионов озабоченных судьбой страны граждан.

«Интерес к конкретным социологическим исследованиям охватил в последние годы огромный круг людей, – констатирует писатель и социальный исследователь Вл.Канторович. – **Литераторы отнюдь не представляют исключения.** И это понятно: **социология – родственная нам, писателям, наука** (выделено – Ю.Г.)»¹⁴⁰.

Косвенным свидетельством моды на социологию служит факт публикации статьи доктор философских наук Арсения Гулыги с уточняющим подзаголовком «Заметки социолога»¹⁴¹. Ни ранее, ни позже этот крупный общественвед не замечен в подобном «социологическом» самоопределении.

К чести социологов, большинство из них сдержанно и критически отнеслись к «моде на социологию». Серьёзные ответственные учёные не уставали повторять, что доступность массовому читателю страны лишь «облегчённой» социологической информации, обвальная «анкетомания», порождённая мно-

---

¹³⁹ По сути, т.н. шестидесятники, противопоставляя «плохому» Сталину «хорошего» Ленина, заменили культ одного советского вождя на культ другого. Отдав по указанию Хрущёва на политическое заклятие мёртвого Сталина, идеологи компартии постарались оградить память о Ленине от маломальской нежелательной корректировки: одно из властных узаконений позволяло публиковать какие-либо новые сведения о «вожде революции» только с одобрения ИМЭЛа (Института Маркса-Энгельса-Ленина).

Вот как со слегка высокомерной иронией пишет об отмеченном нами процессе Ю.Богомолов: «В шестидесятые годы над превозмогавшими стихийные бедствия и исторические катаклизмы людьми склоняли молча головы «комиссары в пыльных шлемах». То были первосвященники и даже боги – они исповедовали и причащали романтиков-шестидесятников, которые считали своим первейшим долгом очистить обитаемый мир от псевдобогов и коварных оборотней. Тогда была тоже перестройка – ремонтировалось мироздание, корректировалось мирознание». (Богомолов Ю. Кинематограф, который мы заслужили // Литературная газета. 1989, 06. 08.)

¹⁴⁰ Канторович Вл. Родственная нам наука // Литературная газета. 1966, № 56.

¹⁴¹ Гулыга А. Пути мифотворчества и пути искусства (заметки социолога) // Новый мир. 1969, № 5.

гочисленными опросами населения, которые проводили дилетанты, и практическая недоступность серьёзных научных трудов лишь вредят серьёзной социологической науке. Видные социологи, собравшись на встречу за круглым столом в «Литературной газете» в мае 1966 года, резко выступили против компрометации своей науки.

В.Ядов (Ленинград): – Социологией сейчас занимаются практики из милиции, суда, школы. Многие из них – энтузиасты, но не подготовлены вести исследования на научном уровне. Беда, если их выводы примут на веру...

В.Шубкин (Новосибирск): – Сегодня мы, социологи, вроде можем даже кибернетиков переплюнуть в смысле популярности. Есть, однако, опасность: каждый человек, способный задавать вопросы, готов считать себя социологом... Пора поднять вопрос о гласности исследований, чтобы мы могли судить о методах, о репрезентативности материалов...

Б.Грушин, возглавлявший в то время институт общественного мнения при редакции «Комсомольской правды», высказался ещё резче: - Вокруг социологии халтурщики кружатся со страшной силой¹⁴²...

Минует три десятилетия, и другой социолог выскажется на ту же тему более радикально. «Увлечение опросами общественного мнения в стране приобрело сегодня характер массовой эпидемии. *На них делают большую коммерцию и большую политику* (курсив - Ю.Г.)»¹⁴³.

В горбачёвскую перестройку к халтурщикам присоединились деятели и политики. Это заставило крепко задуматься о дальнейшей судьбе социологии в постсоветской России. «"Анкетомания", "опросная социология" – как ещё выразить кризисное состояние науки об обществе? <...> И тогда возникает вопрос: можно ли считать наукой то, что строится на зыбком фундаменте субъективных мнений людей?»¹⁴⁴.

---

¹⁴² Канторович Вл. Социология и литература // Новый мир. 1967, № 12. С.148.

¹⁴³ Кравченко А.И. Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС. 1992, № 3. С.42.

¹⁴⁴ Там же. С. 42.

§ 3.2. НЕ СУЩЕСТВУЮЩАЯ, НО ПАРТИЯ ... («НОВЫЙ МИР» 60-х - 70-х гг.)

*Ну, говори поскорей,
Что ты слышал про свободу?*

Н. Некрасов

Научные социологические исследования печатались незначительными тиражами. Их расхватывали вскоре после выхода в свет, что опровергало высокомерное мнение о том, что массовому читателю неинтересны, скучны классические научные труды. Во многом благодаря актуальным социологическим публикациям, существенно вырос авторитет академического журнала «Вопросы философии», регулярно публиковал материалы социологической тематики журнал «Вопросы литературы», но эти издания не могли радикально изменить ситуацию дефицита социологической информации. Круг читателей их был ограничен, в основном, представителями научного сообщества. Стремительно развивающейся советской социологии как воздух была нужна *общедоступная* лекционная кафедра, агитационная трибуна, ристалище для общегражданской дискуссии, высококвалифицированный и благожелательный критик и рецензент. И наука об обществе вскоре обрела искомого партнёра – общественно-литературный журнал «Новый мир».

Интерес был взаимным. В программном обращении к читателям «Нового мира», которым закрывалась 12-я журнальная книжка 1961 г., главный редактор А.Твардовский определил сотрудничество с учёными как приоритетную задачу: «Мы всегда помним, что на титульном листе нашего журнала сказано: «Литературно-художественный и общественно-политический», – и вторая половина этого обозначения не является случайной или формальной. <...>. Разумеется, редакция далека от мысли, что публицистический отдел может в какой-либо мере заменить специальные издания, в которых читатель нуждается по роду своей профессии, в целях самообразования или в силу особых интересов к той или иной области знания. <...>. Вокруг «Нового мира» сложился значительный актив авторов из числа видных советских учёных, общественных деятелей, публицистов, мастеров искусства и самих ли-

тераторов, тяготеющих к публицистической теме»¹⁴⁵.

Ни одно отечественное периодическое издание не обладало в то время таким авторитетом и внушительным авторским активом. В «Новом мире» печатали произведения А.Солженицын¹⁴⁶, В.Быков, Ю.Домбровский, Ф.Искандер, И.Друцэ, К.Симонов, А.Твардовский, Ю.Трифонов, Ф.Абрамов, В.Каверин, К.Паустовский, А.Герасимов, В.Астафьев, В.Гроссман, Ч.Айтматов и др.

Журнал подержал «<...> самое плодотворное явление русской прозы второй половины XX века – прозу «деревенщиков»¹⁴⁷. Важным для нас в отношении т.н. «деревенской прозы» является мнение саратовского социолога проф. П.Великого: «Точные диалоги и монологи сельских жителей, которые к настоящему времени **обоснованы как качественные методы социологии** (выделено – Ю.Г.), можно встретить в публикациях В.Овечкина, в последующие годы – В.Распутина, Ф.Абрамова, В.Белова, что было не только «литературой», но и материалами для глубинного осмысления проблем деревни. Сельские социологи нередко вырастали из журналистов, как В.И.Староверов, плодотворная научная деятельность которого очевидна»¹⁴⁸.

«Журнал Твардовского начался очерками В.Овечкина, романом В.Гроссмана (имеется в виду опубликованный в «Новом мире» в 1952 г. роман «За правое дело», в котором ВОВ предстала с непривычной по тем временам широтой и жестокой подлинностью – Ю.Г.) и статьёй В.Померанцева «Об искренности в литературе»¹⁴⁹. Знаменательно, что из трёх программных текстов, два относятся к исследовательским жанрам.

---

¹⁴⁵ Твардовский А.Т. Несколько слов к читателям «Нового мира» // Новый мир. 1961, № 12. С. 252.

¹⁴⁶ Исследователь творчества А.И.Солженицына петербургский социолог Д.Б.Цыганков впоследствии верно определит его как писателя, «вытягивающего на свет вытесненное и репрессированное». (Цыганков Д.Б. Социологический анализ воззрений и общественной деятельности А.И. Солженицына. Реферат диссертации к. социол. н. СПб., ЛГУ, 1997. С. 23.). Определение вполне подходит ко многим авторам журнала той поры.

¹⁴⁷ Басинский П. Человек на земле // Российская газета. 2000, № 147. С. 26.

¹⁴⁸ Великий П. Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Полвека борьбы и свершений. М., 2008. С. 42.

¹⁴⁹ Кардин В. «Новый мир» и новые времена // Вопросы литературы. 1996, № 2. С. 5.

Во многом усилиями «Нового мира» в стране было сформировано то, безусловно, прогрессивное для своего времени общественно-политическое направление, которое впоследствии получило определение «шестидесятничество». «Шестидесятничество» стало единственно возможным путём преодоления коммунистической ментальности, которой все были так или иначе заражены...»¹⁵⁰, – считал автор «Нового мира», учёный Ю.Шрейдер.

«Новый мир» от выпуска к выпуску, от одной сенсационной публикации к другой не просто «набирал очки» в постоянной борьбе, которую ведёт каждая редакция за читателя, за общественный авторитет и признание, но становился бесспорным лидером в среде «толстых» журналов, как сейчас принято говорить, *культовым изданием* советской интеллигенции демократического мировоззрения. «Журнал, “превышая свои полномочия”, стремился поднять уровень человеческих и общественных отношений, литературно-эстетический уровень. Едва ли не каждая его книжка – весть о возможности и необходимости совершенствовать жизнь, уготованную нам»¹⁵¹.

«”Новый мир”, случалось называли на Западе “либеральным” журналом, – вспоминал заведующий отделом критики редакции в 1962 -1966 гг. В.Лакшин. – Мы возражали: не либеральный, а демократический. То есть, журнал выступал не за одно лишь “ослабление” узды, накинутаой на интеллигенцию, а за широкие демократические права для всех, для общества в целом. Демократизм в нашем понимании, несомненно, включал в себя уважение к свободе слова, но и внимание к народной боли, к заботам и беде людей, живущих в краях, далёких от столиц. Коренное для Твардовского чувство было выражено в строках его поэмы:

*... Я всюду видел тётку Дарью
На нашей родине с тобой»¹⁵².*

Журнал «Новый мир» в стране, где робкая политическая и идейная Оттепель то и дело сменялась охранительными заморозками, объективно вы-

---

¹⁵⁰ Шрейдер Ю. Двойственность шестидесятых // Новый мир. 1992, № 5. С. 240.

¹⁵¹ Там же. С. 240.

¹⁵² Лакшин В. Пути журнальные (из литературной полемики 60-х годов). М., 1990. С. 13.

полнял большие функции, нежели однотипные ему издания. «То, что в 60-е годы «Новый мир» был один такой журнал среди ”толстых” литературных ежемесячников составляло большую привилегию и одновременно огромную трудность для издания: всё время на виду, всё время под обстрелом. <...>. Вспомним социальный фон тех лет: газеты переполнены казёнными статьями, штампами и пропагандой; – лишь изредка вырывалось на их страницы честное слово»¹⁵³. Рассмотрев в русле нашего исследования феномен «Нового мира» 60-х – 70-х гг. прошедшего столетия, имеем все основания определить его как ведущий *социально-политический институт* своего времени¹⁵⁴.

Как свидетельствует сотрудник «Нового мира» Ю.Буртин, после 1964 года направление журнала объективно приобрело оппозиционный характер, самим ходом вещей он был вынужден стать неформальным органом демократической и социалистической оппозиции¹⁵⁵.

Важно уточнить феномен, который Ю.Буртин определил термином «социалистической оппозиции». Критическое отношение «Нового мира» к недавней тоталитарной истории Советского Союза, в первую очередь – сталинского периода, к продолжавшейся и в Оттепель чрезмерной заорганизованности общественной жизни, к зачастую противоречащим здравому смыслу многочисленным запретам и идеологическим табу властей, не являлось

---

¹⁵³ *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущёва. М., 1991. С. 12.

¹⁵⁴ Интересная читателю и полезная научному исследователю информация о различных аспектах деятельности «Нового мира» исследуемого нами периода содержится в следующих публикациях: *Артамонова Е., Смирнов В.* «Деревенские» повести «Нового мира» 60-х гг.: типология сюжета // Вестник ВГУ, вып. 5. Волгоград, 2000; *Бианки Н. К.Симонов, А.Твардовский* в «Новом мире». М., 1999; *Бровман Г.* Лицо журнала // Вопросы литературы. 1959, № 7; *Буртин Ю.* «Новый мир» по документам ЦК КПСС // Свободная мысль. 1996, № 10; *Вокруг Ивана Денисовича* (письма читателей) // Встречи с прошлым. вып.7; *Кавелин И.* «Новый мир» и другие // Вестник новой литературы. Л., 1991, № 3; *Караганова С.* В «Новом мире» Твардовского // Вопросы литературы. 1996, №3; *Кардин В.* «Новый мир» и новые времена // Вопросы литературы. 1996, № 2; *Кузеванова Л.* К истории «Нового мира» // Российский исторический журнал. 1994, № 1; *Лакшин В.* Пути журнальные. М., 1990; *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущёва. М., 1991; *Твардовский А.* Несколько слов к читателям «Нового мира» // Новый мир. 1961, № 12; *Тевекелян Д.* Мы были королями // Вопросы литературы. 1989, № 9; 1990; *Фризман Л.* Ирония истории, или Эпизод из биографии журнала // Русская филология. 1994, № 9; *Шнеерсон М.* По разным дорогам в одном направлении // Грани. 1994, № 174 и др.

¹⁵⁵ *Кузеванова Л.* К истории «Нового мира» // Российский исторический журнал. 1994, №1. С.5.

т.н. диссидентством¹⁵⁶ – явлением, которое предполагало активную, фактически профессиональную антисоветскую, антисоциалистическую деятельность, а для осуществления оной - постоянные контакты с зарубежными эмигрантскими организациями такой же антисоветской, антисоциалистической направленности (Народно-трудовой союз [НТС], русская редакция радиостанции «Свобода», издательство «Посев», журналы «Континент», «Грани» и т.д.), организациями, которые активно поддерживались (в том числе и финансово) спецслужбами Запада. На каждом этапе фактически не прекращающегося с начала 60-х гг. идеологического противостояния властям, «Новый мир» оставался приверженцем сохранения и укрепления Советской власти, укрепления и развития социалистического строя, в рамках которых большинству сотрудников редакции и авторов журнала и мыслилось дальнейшее развитие истинной демократии, утверждение в стране подлинного народовластия.

Наиболее чётко выразил позицию новомировцев в отношении социально-политического строя Советского Союза В.Лакшин: «Для нас слово “социализм” не было пустым звуком. Но жажда истины была больше. <...>. Говоря о социализме, мы разумели в нём некий идеал, нераздельный с понятиями о свободе, демократии, правде, и не уставали критиковать жизненные проявления того, что во времена Хрущёва и Брежнева звалось “реальным социализмом”»¹⁵⁷.

Велика заслуга в росте авторитета и популярности журнала его главного редактора, поэта и общественного деятеля Александра Трифоновича Твардовского. «Твардовский был явлением очень широким, и в наше отдельное, рядовое понимание не резон его втискивать. Упростим. Обедним. Если верно тривиальное выражение, что большой художник – это целый мир, а оно и тривиально, поскольку верно, то зачем же сужать этот мир?»¹⁵⁸. Слова

---

¹⁵⁶ Диссидент от лат. dissidents – несогласный. Подробнее: *Безбородов и др.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х гг. М., 1994.; *Улицкая Л.* Зелёный шатер. М., 2011.

¹⁵⁷ *Лакшин В.* «Новый мир» во времена Хрущёва. М., 1991. С. 23.

¹⁵⁸ *Кондратович А.И.* Александр Твардовский. М., 1985. С. 310.

эти принадлежат журналисту-фронтовику, литератору, литературному критику Алексею Ивановичу Кондратовичу, который не просто оба раза «прихода» А.Твардовского в «Новый мир»¹⁵⁹ становился его заместителем, правой рукой главного редактора, но и питал к боевому товарищу, личному другу самые теплые чувства, необычайно высоко ценил его поэтический талант, стойкую, мужественную позицию руководителя редакции. «Все-таки удивительно цельной личностью был Твардовский. Это не мной замечено, а многими знавшими его. Цельной, но не застывшей, а постоянно меняющейся и в то же время верной самым главным жизненным и творческим принципам, ну, скажем, этому коренному – правде жизни. И об этом можно было бы написать целую работу»¹⁶⁰.

Почти все новомировцы впоследствии написали свою «целую работу», воздал должное главному редактору. У редактора отдела поэзии Софьи Карагановой статья так и названа: «В “Новом мире” А. Твардовского». «К работе профессиональных поэтов Твардовский относился с той же взыскательностью, как и к своей собственной, а у него стихи “вылёживались” долго, возможно, годами». Или вот ещё: «Меня часто спрашивали легко ли было работать с Твардовским отделу поэзии. Трудно. Трудно и хорошо. Хорошо оттого, что у него при приятии или неприятии предлагаемого не было никаких побочных, внелитературных соображений. Он руководствовался только своим пониманием того, что должно печататься в многотиражном журнале, своим вкусом...»¹⁶¹.

В отличие от многих сограждан, привыкших к публичному сокрытию правды, к «кухонным» откровениям опасливым шёпотком, к аллюзиям, подтекстам, недоговоркам, фигурам многозначительного умолчания, новомировцы не скрывали своего конструктивно-критического отношения к сложившейся в СССР общественно-политической ситуации. Чуждые позы и са-

---

¹⁵⁹ Первый раз А.Твардовский был снят с поста гл. ред. «Нового мира» в 1954 г., возвращён – в 1958г. Вторично и окончательно снят в 1970 г.

¹⁶⁰ Кондратович А.И. Александр Твардовский. М., 1985. С. 315.

¹⁶¹ Караганова С. В «Новом мире» Твардовского // Вопросы лит. 1996. № 3. С. 332, 229.

момнения, они, вместе с тем, отлично понимали своё предназначение, различали указующий глас судьбы: «Если мы не скажем, то никто не скажет».

В последние месяцы пребывания А.Твардовского на посту главного редактора журнала, когда тучи партократического недовольства сгустились над ним до консистенции грозových, Александр Трифонович единственно был озабочен судьбой своего любимого детища.

«Берегите журнал! Берегите журнал... Литература как-нибудь и без вас...»¹⁶².

К призыву сберечь журнал для сторонников и последователей могли бы присоединиться тысячи читателей из городов и весей огромной Державы.

«Хорошо помню, как в конце шестидесятых годов, живя в старом провинциальном городе, услышал от одного своего приятеля – молодого философа из местного педагогического института: “Для меня подписка на “Новый мир” как партийный взнос... Не существующая, но партия...”¹⁶³.

§ 3.3. РЕНЕСАНС ФИЗИОЛОГИЧЕСКОГО ОЧЕРКА И РАЗВИТИЕ ОЧЕРКА СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО

Начиная со второй трети 60-х гг. «Новый мир» публиковал физиологический очерк практически в каждой журнальной книжке, зачастую, по два в одном номере. Но подвергать анализу большинство из них для нас не имеет смысла: характеристической особенностью жанра является его *структурная и содержательная однотипность*. Поэтому достаточно проанализировать несколько образцов, чтобы представить читателю типологическую картину.

Сформулируем основные для этого сегмента исследования вопросы:

- какие признаки, помимо однотипности, характеризуют жанр новомировского физиологического очерка?;
- в чём его родство и отличие от русских физиологий XIX в.?

---

¹⁶² Солженицын А.И. Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 164.

¹⁶³ Дедков И. Поддержание костра // Кондратович А. Новомировский дневник. М., 1991. С.3.

Второй характеристической особенностью является *монотемье*. Если в заголовке очерка К.Буковского указаны «Малые города» (1965, № 8), то ничто, кроме как малые города России, не заинтересует автора на протяжении всего текста. Но зато тему эту он постарается исследовать во всей полноте. В качестве объекта определит самые характеристические, к тому же привлекательные уже своими историческими названиями города: Зарайск, Кулебаки, Ардатов, Кашин, Кирсанов, Мухтолово и совсем малые городки и посёлки, на названия которых не станет даже тратиться, а объединит их в единую рубрику: «заштатные». Выстроит маршрут по убывающей: от «больших»-малых городов, серьёзным образом влияющих на экономику области, до районных центров, социально-экономическое значение которых территорией района в большинстве случаев и ограничивается, и далее – к почти атомарным величинам, к городкам совсем крохотным, «рабочим посёлкам», «посёлкам городского типа» и т.п., в которых, однако, тоже живут люди и жить хотят достойно. «Все они ждут решения, все ждут экономического приговора». Что до сравнения новомировского очерка 60-х гг. XX в. с русскими «физиологиями» 40-х гг. XIX в., то для этой цели лучше всего подходит очерк Ю. Черниченко «Помощник-промысел» (1966, № 8).

Промысел, о котором идёт в нём речь, близок занятиям «делателей мелкой промышленности московской», описанным И.Т.Кокоревым (см. первую главу нашего диссертационного исследования). С той разницей, что для наших московских предков занятия эти составляли основу их трудовой деятельности и служили основным заработком, а для большинства колхозных персонажей Ю.Черниченко являлись побочным, дополнительным *приработком*. Который, однако, решал серьёзные экономические проблемы и самих промысловиков – колхозных крестьян, и объединившего их коллективного хозяйства. В нашем случае, мещерского колхоза «Большевик». О чём и свидетельствуют статистические данные трёх лет, приведённые Ю.Черниченко (табл. 8).

Данные о промысле в экономике колхоза «Большевик»

Экономические показатели	1962 г.	1963 г.	1964г.
Денежные доходы колхоза (тыс. руб.)	665,7	933,1	1022,1
- в том числе в подсобных предприятиях	288,9	465,3	702,7
Связано мётел (тыс. шт.)	585	1099	1853
Выжжено древесного угля (т.)	1147	1066	1853
Изготовлено черенков (тыс. шт.)	-	144	266
Затрачено человеко-дней в хозяйстве (тыс.)	146,1	141,8	148,6
В том числе в подсобных предприятиях	16,6	18,8	34,2
Выработано человеко-дней одним колхозником	307	307	308

Как следует из таблицы, удельный вес промысла в доходах неуклонно рос и достиг 70%, причём показатель этот дался только ценою 23% рабочего времени! Это устойчивая, внепогодная часть поступлений. Немаловажная деталь: промысел даёт занятость зимою полеводу, подтягивая его заработок до уровня животновода. Этим объясняется очень высокая, прямо-таки идеальная активность (308 рабочих дней в году) и достаток рабочей силы: в члены колхоза желали поступить сотни, принимали давно с большим разбором.

С дотошностью истинного исследователя Ю.Черниченко задаётся основными вопросами: как организовано производство, дающее 700 000 руб. дохода? Каково взаимовлияние промысла и сельского производства? Не мешает ли «коммерция» поставкам мясомолочной продукции, на которой специализируется колхоз? Можно ли развивать промысел, не имея своего сырья? Можно ли отстающему хозяйству подняться на ноги без промысла?

Анализируя экономику промысла, автор не останавливается на макропоказателях в масштабах всего хозяйства. Путём личного знакомства с промысловиками, непосредственно наблюдая их в процессе трудовой деятельности, доверительно расспросив о доходах и тратах, делает объективные выводы относительно доходности промысла для каждой отдельной категории ра-

ботников: 1) престарелых селян; 2) колхозников с постоянной должностью; 3) сезонных работников. Для полноты представления об исследуемом предмете обращается к давней и недавней (советской) истории вопроса. Показывает, что во Владимирской губернии, куда входит Мещёра, до Октября 1917-го г. промыслом занимались 50 тыс. крестьян, но в 1938 г. подсобная деятельность колхозов впервые была объявлена незаконной и промысел поставили под прокурорский надзор. И рухнули в одночасье поднявшиеся на промысле после разрухи гражданской войны коллективные аграрные хозяйства!

(Заметим в скобках, что в этом плане очерк Ю.Черниченко сближается с социологическим исследованием А.Исаева «Промыслы Московской губернии», которое мы детально разобрали во второй главе данной диссертации).

Особенности и экономика плотницкого, берестяного промыслов, изготовления нестандартных сувениров, плетения кружев и прочая, прочая – нашли отражение в очерке Ю.Черниченко, главную идею которого четко выразила завершающая фраза: «Время мыслить, время умно хозяйствовать, время жить богаче».

Монотемье каждого отдельно взятого очерка при большом их количестве создаёт на журнальных страницах широкую тематическую палитру. Поскольку авторы, как правило, являются специалистами в конкретных областях знания, пишут о том, чем владеют со скрупулезностью и углублённостью профессионалов, тексты их интересны и полезны таким же, как сами авторы, специалистам. Но и читателям-дилетантам интересны и полезны, ибо уровень литературной отделки новомировских социологических очерков высок. Этот фактор – *высокое стилистическое качество текстов* – также следует отнести к разряду характеристических.

Автор «Хроники рабочих курсов» А.Процкевич (1968, № 8) рабочей педагогикой занимался значительную часть своей бурной созидательной жизни и в качестве журналиста публицистического склада, и как практик советской рабочей педагогики, и как учёный-теоретик. Поэтому, когда «автор задумал отразить одну из страниц в истории просвещения рабочей массы, ко-

гда бывшая мастеровщина дорвалась до учёбы и полвека тому назад заявила о своих правах на культуру»¹⁶⁴, сделать это ему удалось в наилучшем виде.

Редакция журнала при подготовке материала к печати сохранила оригинальную манеру изложения автора, буквально сразу, с первых фраз, напомнившую одновременно и «Педагогическую поэму» А.Макаренко, и увлекательнейшую «Республику ШКИД» Г.Белых и Л.Пантелеева, и другие, напитанные публицистической дидактикой опусы времён послереволюционного становления Советской власти.

«Говорят, неплохие кадры готовил себе завод: подлинных мастеров горячих и холодных цехов; случалось, со временем инженеры из них получались. В июле сорок первого эшелон добровольцев набрался из этих ребят» (с. 104.). Так, со сдержанным достоинством уверенного в своей правоте работника заканчивает автор своё повествование о рабочих заводских курсах, к которым сам имел самое непосредственное отношение. И быть не может более высокой оценки педагогического труда скромных заводских наставников, чем тот факт, что целый эшелон *добровольцев* на фронт набрался из их заводских воспитанников в первый же месяц Великой Отечественной войны.

В том же журнальном номере Ю.Черниченко публикует пространный очерк «Колос Юга», речь в котором идёт о, казалось бы, таких прозаических и узкоспециальных предметах, как клейковина, содержания белка в пшенице. Но разве не каждый день каждый из нас, в подавляющем большинстве случаев даже не отдавая в том себе отчёта, сталкивается на практике с этими понятиями, разрезая к трапезному столу хлебный каравай?

Популярный журналист-аграрий, ведущий специалист в области зерновых культур Ю.Черниченко заводит разговор о пшеничном колосе России неспроста. Да, пшеница русского Юга – лучшая на континенте. «Хлеб Причерноморья несравненно лучше хлеба, выращенного в других странах Европы, и обязан этим превосходством отменному количеству заключенного в нём белкового вещества, – цитирует автор очерка известного французского

---

¹⁶⁴ *Процкевич А.* Хроника рабочих курсов / Новый мир. 1968, № 8. С. 93.

учёного Гей-Люсака. – Так, французский хлеб содержит в себе 30% этого вещества, а одесский в крайнем случае 40%» (с. 205.). Всё это хорошо, но ... возникли проблемы. Пшеничный колос русского Юга требует заботы, капиталовложений для продолжения успешной селекции. Только в таком случае, – убеждает автор в финале статьи: «Общим памятником ныне живущему поколению может стать обновлённый колос Юга – полновесный, литой, годный хоть в хлеб, хоть в герб, достойный зависти мира и уважения потомков».

Такой умеренно пропагандистский финал одного конкретного социологического очерка подвёл нас к ответу на второй нами же сформулированный исследовательский вопрос о различиях новомировского социологического очерка 60-х - 70-х гг. XX от его «физиологического» предшественника из 30-х – 40-х гг. века XIX.

Из существенных различий можно указать на наличие в большинстве очерков советского периода этой самой пресловутой *пропагандистской составляющей*. В очерке «Колос Юга» эта компонента выражена легким штрихом, но есть иного рода примеры. Один из аграрных очерков, который в целом объективно, профессионально и обстоятельно повествует об обустройстве целинных посёлков, настойчиво, чтобы не сказать назойливо, внедряет в сознание читателя тему яблоневых садов на целине. И хоть сам автор признаётся, что степь – не лучшее место для подобного рода садоводства, установка на пропаганду соответствующей партийно-правительственной директивы довлеет над ним и заставляет заниматься демагогией и прожектёрством. Куда деться, если даже с советской эстрады, которая, кстати, всегда являлась мощнейшим инструментом партократической пропаганды, сладкоголосые теноры утверждали, что «...и на Марсе будут яблони цвести». Марс как Марс, не проверишь, а вот на освоенной советскими людьми целине яблоневые сады, по мнению советских начальников, цвести были должны!

К ещё более очевидным проявлениям пропагандисткой составляющей следует отнести возрастающую с каждым годом тенденцию цитировать в социологических очерках уже не только классиков марксизма-ленинизма, но и

тогдашнего лидера страны Н.С.Хрущёва, инициированные им партийные и правительственные документы.

Смеем предположить, что такая практика в «левом» «Новом мире» объяснялась не только вполне понятным желанием редакции и руководства журнала не идти на новые конфликты с властью предрержащими, но и более изощрёнными мотивами; публикуя верноподданнические цитаты, журнал как бы сигнализировал читателю о тенденции утверждения в общественно-политической жизни страны культа нового политического лидера, на сей раз – гротескной до карикатурности фигуры плохо образованного (не удосужился пройти курс вообще никакого учебного заведения!), вздорного до истеричности, нелепого в своих суждениях и поступках, неумного «кукурузника» Н.С.Хрущёва. Как говорится, «за что боролись, - на то и напоролись».

Характерной особенностью 60-х гг. стало появление среди авторов физиологических очерков профессиональных социологов. Это привело к существенному усилению в текстах собственно социологической компоненты. С этого рубежа вернувшийся в активный издательский процесс физиологический очерк смело можно называть очерком *социологическим*.

Аспирант-социолог В.Ольшанский долго работал *incognito* слесарем-монтажником на предприятии, где проводил обследование. В социологии такой метод сбора материала называется «погружением».

Как справедливо заметил уже известный нам писатель и социолог Вл. Канторович, «Этот вполне писательский приём позволил ему проиллюстрировать свои цифровые итоги самыми убедительными примерами. Так, автор рассказал о крушении авторитета бригады, состоявшей, в сущности, из отличных ребят, к тому же студентов. Но бригаде этой, вдобавок к действительным достижениям, администрация приписывала достижения несуществующие: её настойчиво восхваляли в многотиражке, по радио, бригадира постоянно выдвигали на почётные общественные посты, необоснованно противопоставляя другим работникам коллектива. Рабочие стали относиться резко отрицательно к «выскачкам», «подхалимам», «хвастунам» (так звали

их между собой). По социометрическому анкетированию (с кем бы вы хотели работать?) члены бригады нахватили 209 чёрных шаров из 237 возможных, а при первом удобном случае бригадира, выдвинутого на очередной общественный пост, единодушно забаллотировали»¹⁶⁵.

Можно ли было «помимо вполне писательского приёма» личного *анонимного авторского контроля* за объектом и персоналиями исследования обнаружить недобросовестность администрации, которая, стремясь в наилучшем виде представить своё предприятие, выбранное в качестве объекта социологического исследования, не остановилась ради достижения этой цели даже перед подлогом и передёргиванием фактов? И если можно, то каким образом?

«Путём анкетирования», – напрашивается ответ. «Всё-таки массовый анонимный опрос-интервью, хорошо подготовленный, проконтролированный разными «объективными» способами, доступными социологу, имеет безусловное познавательное значение», – считает вдохновлённый социологией Вл. Канторович ¹⁶⁶. И уточняет: «Отвечающий на анкету часто в какой-то мере играет роль «на публику» – социологи поэтому обращаются к теории «ролей» и стараются отметить, в какой мере идентифицируются в обследуемом методом анкетирования человеке представление о своей роли и объективное поведение»¹⁶⁷.

Но введение дополнительного индикатора с целью уяснения степени объективности поведения исследуемой персоналии с неизбежностью усложняет расчёты, приводит к необходимости учитывать дробные коэффициенты, что и наблюдается в проводимом В.Ольшанским исследовании. Решив ранжировать восемь выбранных им членов бригады по степени проявленной к ним симпатии сослуживцев, В.Ольшанский проводит соответствующее анкетирование и получает значения, близкие к «статистической погрешности»¹⁶⁸:

---

¹⁶⁵ Канторович Вл. Родственная нам наука // Литературная газета. 1966, № 56.

¹⁶⁶ Канторович Вл. Социология и литература // Новый мир. 1967, № 12. С. 167.

¹⁶⁷ Там же. С. 167.

¹⁶⁸ Помещены в скобки.

+0,82; (+0,66; +0,64!); +0,47 и т.д. Увы, но гора в какой уже раз родила мышь!

Остановимся ещё на одном вопросе распространённой В.Ольшанским анкеты: «Что бы вы приобрели, если бы у вас появились «свободные деньги?». Ответы приведены в табл. 9.

Таблица 9.

Ответы на вопрос анкеты: «Что бы вы купили на “свободные деньги?”»

№ п/п	Вид покупки на «свободные деньги»	% от опрошенных
1	Продукты питания и одежда	11,25
2	Квартира, обстановка, бытовые приборы	24,50
3	Книги, культтовары, музыкальные инструменты	12,25
4	Туристическая путёвка (по СССР или за границу)	9,75
5	Автомобиль, мотоцикл, мотороллер	10,50
6	Подарок родственникам или друзьям	4,75
7	Возможность не работать	1,00
8	«Свободных денег» нет, и не предвидится	6,00
9	Прочие ответы	3,00
10	Не ответили	17,00
	Итого:	100,00

Приведённые цифры говорят о сравнительно высоком жизненном уровне молодых рабочих, – делает основной вывод социолог, для большей убедительности не просто считывает, но и дифференцирует приведённые в таблице ответы. Так, о приобретении предметов первой необходимости (питание, одежда) думают только 11,25 % опрошенных, причём о продуктах питания написали только 0,5% респондентов, а указывая предметы одежды, многие из них подчёркивали, что речь идёт уже не о самом необходимом (хороший костюм, красивое платье, модные туфли и т.д.). С другой стороны, 10,5% хотят приобрести личный транспорт, при чём 9% не согласны ни на что меньшее, чем на собственный автомобиль. Только 5% истратили бы деньги на улучшение жилищных условий, а 19,5% мечтают купить мебель, холодильник, стиральную машину и т.д. Характерно, что о книгах, культтоварах и музыкальных инструментах опрашиваемые рабочие пишут больше, чем о питании и одежде. И лишь 1% опрашиваемых рассматривает деньги как средство

избавления от труда, причём и эти люди оговариваются, что они понимают возможность не работать как увеличение времени для учёбы или для любимого вида творчества.

На наш взгляд, приведённые в таблице данные и сделанные на их основе выводы соответствовали не столько реалиям жизни в Советском Союзе городских промышленных рабочих, как отражали во многом созданные советской пропагандой мифологизированные представления об исследуемом предмете. Как, скажем, можно согласиться с тем, что в ситуации предельно обострённого «жилищного вопроса» только 5% респондентов готовы истратить деньги на улучшение жилищных условий?! Что лишь 1% рассматривают деньги в качестве средства избавления от труда, тотчас «подстраховывая» себя вполне лояльным пояснением, мол, избавление это им необходимо для учёбы или занятий творчеством? Скорее всего, мы имеем дело со своеобразной формой социологической интерпретации термина «социалистический реализм», как понимал его М.Горький: описывать жизнь надобно не столько такой, какой она есть, как такой, каковой она *должна* быть.

Думается, по меньшей мере, два обстоятельства подвигли респондентов ответить на анкеты зафиксированным в таблице образом: а) страх или хотя бы опасение сделать не то, чего хотят от тебя власти (в реальную анонимность подобного рода опросов, выборных компаний и т.д. советские люди не верили к тому времени давно и основательно); б) вполне объяснимое стремление, особенно у молодёжи, представить свою жизнь в большей мере изобильной, материально обеспеченной и интересной, чем она являлась на самом деле.

Парадокс: научная социологическая методология исследования, основывающаяся на обширной статистике и полученных материалах, на поверку оказывается более уязвимой в отношении объективности итоговых выводов, нежели результат изначально субъективного литературного творчества, очерково-документального и даже художественного!

На самом деле никакого парадокса нет. Имеют место *социально-политические искажения* методики проводимых исследований, настойчивое

требование власти к учёным «скорректировать» итоговые выводы. Наблюдается, увы, не столь редко проявляющаяся в научном сообществе встречная готовность услужить власть предержащим, в том числе и в ущерб научной чистоте исследования.

60-е гг. с возросшей свободой слова, с частично изжитым страхом перед властью, с поднятием (опять же частичным) «железного занавеса», с начавшимися реформами стали ещё и своеобразным водоразделом между вынужденным идеализмом всеобщей советской бедности и пока ещё робко заявившем о себе из подполья прагматизмом индивидуальных соискателей достатка. Поколение романтиков 60-х в итоге породило прагматиков 70-х.

Пройдут годы, и водораздел этот промоется до состояния оврага. Своевременно укрепить края его в нашей стране так по-настоящему никто не сподобится. Большинство советских граждан жаждали очередных перемен и были рады любому проявлению общественно-политической нестабильности. В результате такого сомнамбулического бездействия на рубеже веков и тысячелетий случатся сель, оползни, отлом инородческих окоёмов от российского ядра и развал, уничтожение казавшегося несокрушимым монолитом Советского Союза. Очередной в мировой истории социальный миф захлопнул последнюю исписанную страницу. Открылась новая, чистая, в новой книге для нового мифа. Кому писать его? Социологам и литераторам – это точно.

* * *

Помимо физиологического очерка в период Оттепели активно публиковалась социальная проза. К наиболее заметным текстам относятся рассказы Ю.Аракчеева «Подкидыш», Е.Кондратьева «На китобойце» и роман Г.Владимова «Три минуты молчания».

Вывод: *Без социального очерка и социальной художественной прозы наши представления о социальных процессах были бы крайне неполны и лишены многомерности психологизма. Это относится к ситуации 60-х гг. минувшего века, но справедливо и в принципе.*

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Задача данного диссертационного исследования – доказать сформулированную нами *гипотезу* о том, что социальная публицистика и аналитика, прежде всего (физиологический) очерк, явились научным предтечей социологии в России.

Реализуя цель диссертации, мы исследовали генезис русской социологии¹⁶⁹, чтобы расширить и углубить представления о нём, выявить его литературную детерминированность¹⁷⁰.

Детальному исследованию нами подвергнут феномен русского нраво-описательного (физиологического) очерка как ведущего жанра отечественной литературной публицистики и аналитики в общеевропейском и общемировом контекстах.

Вывод: *русский физиологический очерк середины XIX века, развиваясь практически одновременно со схожим европейским социально-литературным явлением, исповедовал те же прогрессивные социальные идеи, которые взяли на вооружение первые социологические исследования, проведённые в Европе, Америке, а затем и в нашей стране на рубеже XIX-XX веков.*

---

¹⁶⁹ *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема // Социологические исследования. 1976, № 1.; *Голосенко И.А.* Социология в дореволюционной России // Философия науки. 1988, № 1.; *Голосенко И.А.* Социологическая литература России второй половины XIX - начала XX веков. Библиографический указатель. М., 1995.; *Кукушкина Е.И.* Русская социология XIX - начала XX веков. М., 1993.; *Кукушкина Е.И.* Социологическое образование в России XIX - начала XX веков. М., 1994.; *Кукушкина Е.И.* Университеты России и становление социологического образования // В. МГУ. Сер. 17. 1995, № 1.; *Новикова С.С.* История развития социологии в России. М – Воронеж, 1996.; *Чагин Б.Н.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917 – 1969). Л., 2010; *Социологическая мысль в России* / Под ред. Б.Н. Чагина. Л., 1978.

¹⁷⁰ *Белинский В.Г.* Вступительная статья // Физиология Петербурга. Ч. I. / Под ред. Н. Некрасова. СПб., 1845; *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929; *Добролюбов Н.А.* Очерки и рассказы И.Т. Кокорева // Добролюбов Н.А. Полн. собр. соч. / Под ред. Е.В. Аничкова. Т. V. СПб., 1911-1913; *Кулешов В.И.* Натуральная школа в русской литературе XIX в. М., 1982; *Лихачёв Д.* Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. 1969, № 9; *Манн Ю.В.* Философия и поэтика «натуральной школы». М., 1969; *Новый живописец общества и литературы* / составленный Н. Полевым. Ч. III. М., 1832-1836; *Полевой Н.* Русская Библионика. Т. I. М., 1834; *Полевой Н.* Очерки русской литературы. Ч. I. СПб., 1839; *Сакулин П.Н.* Из истории русского идеализма // В.Ф. Одоевский. Т. I. М., 1913; *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк) М., 1965; *Якимович Т.* Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963.

При этом сохранялась (и в значительной мере продолжает сохраняться) в качестве гносеологической особенности национального феномена литературная детерминированность русской социологии, ее описательный, абстрактно-философский характер.

Становление и развитие социологической науки – объективный общемировой процесс. В России его дополняли, существенным образом корректируя, национальные, исторические, общественно-политические особенности. В частности, высокий уровень распространённости в обществе и популярности в среде интеллигенции социалистических идей. Такая ситуация с неизбежностью приводила к конфронтации, перманентным конфликтам с монархической властью, её адептами, исповедующими охранительные идеи. В российском обществе рос уровень идеологического противостояния. Ристалищем такого рода идеологической борьбы становились, в первую очередь, литература и искусство.

Вывод: *осознав, что литература и искусство дошли в своём развитии почти, что до критической черты субъективизма, элиты общества, всерьёз озабоченные проблемами общественных отношений, становления и развития российского социума, проблемами, в изобилии возникавшими на этом пути общественного развития, устремили свои взгляды к научным (псевдонаучным) методам познания и отражения социальной реальности. Благодаря этому ускорился и радикализовался процесс становления и развития социальных наук, в первую очередь – социологии.*

Реализация социалистического идеала впоследствии существенно упростила вхождение отечественной социологии в систему советской общественной науки, в которой «социалистический идеал» являлся не просто доминирующим, но, с конца двадцатых годов минувшего столетия – единственным идейным ориентиром. В этом качестве он продолжает пребывать в значительной части социологических научно-исследовательских и образовательных институций современной постсоветской России.

Литературоведами и историками литературы исследован феномен физиологического очерка и влияние его на становление социологии далеко не в полном объёме. До данного диссертационного исследования взаимодействие литературного процесса и социологии рассматривалось в одностороннем векторе: от литературы к социологии. Это даёт основание предполагать, что данная диссертация, в которой предпринята попытка «встречного движения», является *первым опытом подобного рода исследований*.

Проведённое исследование выявило не только ряд примеров конвергенции научного (социология) и художественного (литературная публицистика и аналитика) методов фиксации и отражения исторического времени, но и тенденцию на размежевание этих феноменов, инициируемую, чаще всего, учёными-социологами. Психологически такое поведение социологов объяснимо: представители молодой науки об обществе, пребывающей в процессе становления, стремились (зачастую неосознанно) как можно скорее и радикальнее дистанцироваться от предтечи, обрести столь желаемую самость.

Историк отечественной социологии И.А.Голосенко приводит курьёзный, но показательный пример подобного рода: «Мне однажды попалась публикация 1884 г., – пишет он, – в которой под «социологией Волги» понималось простое расписание пассажирских и грузовых судов по великой русской реке. Этикетка «социология» приклеивалась куда попало»¹⁷¹.

Случались примеры противоположного свойства, когда литераторы (в том числе и маститые!) старательно демонстрировали свою независимость от новомодных научных тенденций. Наиболее яркий и показательный пример – высказывания В.Набокова об учении З.Фрейда. «В поисках ключей и разгадок я рылся в своих самых ранних снах – и, раз уж я заговорил о снах, прошу заметить, что безоговорочно отметаю фрейдовщину и всю её темную средневековую подоплёку, с её маниакальной погоней за половой символикой, с её угрюмыми эмбриончиками, подглядывающими из природных засад угрюмое

---

¹⁷¹ Голосенко А.И. Социологическая литература России второй половины XIX - начала XX веков. Библиографический указатель. М., 1995. С. 7.

родительское соитие»¹⁷².

Зная творчество В.Набокова, трудно поверить, что автор «Лолиты» «безоговорочно отметал фрейдовщину». Не верят в многократно декларируемую В.Набоковым нелюбовь к Фрейду и ряд искушённых набоковедов. Так, В.Топоров утверждает: «Да и вообще, всё или почти всё сказанное Набоковым «открытым текстом» надо, по моему глубокому убеждению, понимать наоборот. Декларируется любовь к Андрею Белому – значит, писателю на него наплевать. С явным презрением пишется о Зигмунде Фрейде – значит, «венская делегация» задела Набокова за живое»¹⁷³.

Трудно, противоречиво протекает всякое становление, непоследовательна, вспыльчива, временами откровенно капризна вступившая в пубертатный период наука-отрок...

Как показало исследование, общего между литературной документалистикой и аналитикой, с одной стороны, и научной социологией – с другой, куда как больше, чем этого временами хотелось бы некоторым представителям обоих сообществ. Что особенно важно: у русской социологии и социальной литературы общая, славная в целом история национально-освободительного, демократического движения в предреволюционный период, диссидентского противостояния власти в период советского тоталитаризма, сложного, порой весьма неоднозначного, но, в принципе, конструктивного взаимодействия в реалиях новой постсоветской России.

В активе непокорённой страты советских социологов – легендарные лекции Ю.А.Левады, прочитанные им на факультете журналистики МГУ, статья И.В.Бестужева-Лады «Социология и футурология: социальное прогнозирование в деятельности Международной социологической ассоциации», опубликованная в № 4 журнала «Социологические исследования» за 1992 г. Можно сказать, что эти и ряд менее резонансных проявлений нонконформизма социологов спасли лицо профессионального сообщества, вписали пус-

---

¹⁷² Набоков В. Другие времена // Владимир Набоков. Романы. М., 1989. С. 365.

¹⁷³ Топоров В. Набоков наоборот // Литературное обозрение. 1990. № 4. С. 71-75

кай и скромной строкой советскую социологическую науку периода брежневского «застоя» в историю борьбы за социально-политическую свободу.

Разрешённые властью в годы Оттепели конкретные социальные исследования никогда не оставались для советских социологов единственной формой профессиональной деятельности. Несмотря на противодействие властей, велись изыскания в области теории научной дисциплины, её методов и инструментария. В этом плане можно выделить два основных направления:

- дальнейшая математизация процесса социологического исследования;
- поиск путей активного взаимодействия с гуманитарными науками, с художественной практикой.

По понятным причинам нам ближе, интереснее в исследовательском плане второе направление.

Петербургский социолог В.А. Бачинин¹⁷⁴ считает, что первоочередной задачей для социолога литературы, располагающего широким спектром методологических подходов и проблемно-аналитических ресурсов, является выявление в реалиях литературного текста полноценной социологической информации, которая обладает объективной научной и культурной значимостью. Для успешного решения этой задачи необходимо обзавестись арсеналом эффективных аналитических средств, что мы и наблюдаем в практике наиболее «погружённых» в литературу отечественных и мировых социальных исследователей.

Не осталась без внимания социологов и характерная для метафизического мировоззрения, почти сакральная идеальная объектность. Ибо, как считает исследователь М.Розов: «Идеальный объект <...> - это объект, свойства которого обусловлены не его материалом, не его физической природой, а некоторыми *социальными программами* (курсив – Ю.Г.)»¹⁷⁵.

---

¹⁷⁴ Бачинин В.А. Социология литературы как пространство гуманитарных экспериментов // Социологический журнал. 2011, № 4. С. 101-115.

¹⁷⁵ Розов М. О природе идеальных объектов науки // Философия науки. Вып. IV. М., 1998. С. 41-42.

Есть основания говорить о *тенденции* всё более частого обращения социальной науки к лексикону художественного творчества. При этом чем более тонкие, поливалентные материи исследует наука о социуме, тем тоньше, многозначимей, приближённой к универсальной метафоре становится инструментарий, фиксирующий эти исследования.

В определённой мере об этом свидетельствуют теоретические разработки и эмпирическая научная практика Майкла Буравого, который созданным им исследовательским форматом – развёрнутым монографическим исследованием – стремится занять перспективную нишу в современной социологии, расположенную между практически исчерпавшим себя позитивизмом и априори ущербным в эвристическом плане постмодернизмом. «В мире, где правит наука, удаление от неё не только непоследовательно, то есть отстывает от научной аргументации, но и граничит с изоляционизмом, – излагает свою основную концепцию М. Буравой. – У постмодерниста нет пространства, пригодного для реализации претензий на руководящий дискурс. При балансе сил, перевешивающем в сторону науки, неприятие последней делает господство недостижимым. Постмодернизм выбирает "войну движения" там, где больше приемлема "война позиций". Он скорее отказывает науке в праве на контроль за ним, а не пытается приспособить её через переопределение. Переопределение науки означает демонстрацию пороков позитивизма с перспективой развития альтернативной концепции науки»¹⁷⁶.

Практическая деятельность М. Буравого свидетельствует о том, что публичная социология всё в большей мере занимает его творческое внимание, и это обстоятельство представляется симптоматичным: быть может, несколько в ущерб традиционной академической научности (наукообразию?), американский социолог и его последователи обретают огромное пространство творческого самовыражения: *научную социологическую публицистику*.

---

¹⁷⁶ Буравой Майкл. Развёрнутое монографическое исследование: между позитивизмом и постмодернизмом. Беркли, США - <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/30-2010-08-30-11-30-31/1098-2011-02-06-03-38-34>. Последнее посещение – 17.05.2012.

От публичной социологии, которая выбрала в качестве формы изложения результатов научного поиска, прежде всего, литературную документалистику, до социологии, уже «заряженной» непосредственно художественной литературой, остаётся всего шаг. И его, похоже, сделал отечественный учёный, доктор социологических наук Владислав Аркадьевич Бачинин.

Выводы его в области традиционной социологии литературы и новаторских синтетических форм социальной аналитики столь значимы для нашего диссертационного исследования, что мы рискнули полностью воспроизвести наиболее близкие данной работе сентенции этого учёного.

«Отечественную социологию подталкивает к переоценке своих отношений с литературой ряд примечательных обстоятельств, в том числе появление маргинальных текстов, художественных и одновременно социологических как по характеру содержащегося в них материала, так и по форме его презентаций, – считает В.А.Бачинин. – Произведения таких мастеров слова, как А.Платонов, А.И.Солженицын, А.Д.Синявский, А.А.Зиновьев и др., обладавших ярко выраженным социальным темпераментом, описывавших и анализировавших сложнейшие социальные реалии XX столетия, явно превосходили своей глубиной, пронизательностью и гражданской честностью теоретические работы основной массы современных им учёных – социологов, историков, философов. Эти тексты, являвшие собой образцы органического единства образности и рационалистичности, свидетельствовали о высокой эпистемологической ценности социологического воображения литераторов, обладали богатейшими эвристическими ресурсами. <...> Эти отечественные литераторы много сделали для развития совершенно особой отрасли социогуманитарного познания – *художественной социологии* (курсив – Ю.Г.)¹⁷⁷.

Характерно, что и представители авангардных направлений в лингвистике и литературоведении (в частности, филолог-структуралист Цветан То-

---

¹⁷⁷ Бачинин В.А. Социология литературы как пространство гуманитарных экспериментов // Социологический журнал. 2011, № 4. С. 101-115.

доров) воспринимают как само собой разумеющееся «заряженность» литературных текстов социологическим содержанием, способным при соответствующих условиях проявиться в качестве *социологической функции*. «Функциональные определения литературы (указывающие на ту роль, которую она играет, а не на то, чем она является) весьма многочисленны. При этом не следует думать, будто функциональный подход непременно *уводит в область социологии* (курсив - Ю.Г.): когда такой метафизик, как М.Хайдеггер, задаётся вопросом о сущности поэзии, он тоже пользуется функциональным понятием»¹⁷⁸.

Член-корреспондент РАН социолог В.Н.Иванов, сам давно и активно вовлечённый в поэтическое творчество, пошёл ещё дальше и взялся изучать социологическим инструментарием поэзию. Результатом (хочется думать – только ещё промежуточным) явился сборник материалов к курсу лекций «Социология и поэзия». «Нередко можно встретить утверждение, что поэзия самодостаточна, что цель поэзии – сама поэзия. Мне представляется, что при более внимательном рассмотрении мы <...> можем увидеть “жилку социологическую”, т.е. вполне социологический подход к анализу жизни общества, образа жизни людей, увидеть социальные типы, характерные для той или иной исторической эпохи, мотивы поведения различных групп людей, их ценностную ориентацию и политические предпочтения»¹⁷⁹.

Исследуя интересующую его тему в исторической ретроспекции, В.Н.Иванов указывает на ряд точно выделенных из массива отечественной поэзии аргументов, подтверждающих социальность значительного пласта поэзии: «“Онегина” можно назвать энциклопедией русской жизни и в высшей степени народным произведением. “Энциклопедия русской жизни” - нет более высокой социологической оценки для любого произведения, как литературного, так и научного». Далее: «Ярчайшим воплощением социальной проблематики в поэзии являлось, бесспорно, творчество Н.А.Некрасова...».

---

¹⁷⁸ Тодоров Цветан. Семиотика. М., 1983. С. 358.

¹⁷⁹ Иванов В.Н. Социология и поэзия. М., 2006. С. 4.

И, наконец: «Не вызывает сомнения, что термин “гражданская поэзия” близок к термину социологическая, являясь ее неотъемлемым элементом. *Социологическая лирика* (курсив - Ю.Г.) – это высшая ступень лирики гражданской»¹⁸⁰.

С социологическим подходом В.Н.Иванова к поэтическому творчеству оказалась созвучна парадоксальная, эпатажирующая поначалу рафинированных любителей поэзии реплика И.Тургенева о том, что «лучшими поэтами являются американцы, роющие Панамский канал». Вот какой эстетически изощрённый панегирик современному ему массовому *социально значимому труду* счёл нужным произнести наш литературный классик!

Проза документальная и, в определённой мере, художественная, и даже поэзия, выступающая в качестве *гражданской (социологической) лирики*, как мы смогли убедиться, проявляют, отражают, фиксируют *социологическую компоненту* времени, описывают проживающий в нём социум и возвращают в социум этот в виде очерков, повестей, романов, отдельных стихов и поэм промежуточные результаты социолитературных исследований.

Социальный мир, столкнувшись с невиданными ещё вызовами и проблемами, ждёт от науки, литературы и искусств, от совокупного человеческого разума новых спасительных идей, способных примирить, привести к единому знаменателю раздирающие современный мир антагонизмы и всё в большей мере теснящий альтруистические поползновения эгоизм, гармонизировать на качественно новом уровне жизнь людского сообщества.

Естественно предположить, что для адекватного отражения в целях опосредованного научного ли, художественного ли усвоения такого качественно обновлённого социального мира глобального гиперчеловечества потребуются также принципиально новый, гармонизировавший, сбалансировавший основные формы и методы *отражения* гипертекст.

Развивая эту тему, рискнём утверждать, что принцип гипертекста для будущего мирового гиперустройства, для новой гипернауки несомненно бу-

---

¹⁸⁰ Там же. С. 5-7.

дет определён или *возникнет* как подарок Провидения. Его формула представляется нам наиболее удачной комбинаторикой *социального* и *художественного*. Речь не идёт о простой механистической замене. В процессе *трансформации* сентенция не останется неизменной, да и трансформируемая метафора не исчезнет совсем. Они сольются, образовав нечто новое, в котором усилятся качества каждого из исходных феноменов да к тому же добавятся другие, вполне возможно, неведомые доселе. Это как синтез графита и сверхвысокого давления; в полученном сверхпрочном минерале – алмазе – не различить хрупкого графита и вообще нематериальной субстанции – давления, но ведь они есть там, есть!

Что, применительно к *социальной филологии* может выступить в качестве тигля с графитом, и что есть то невиданной силы давление, способное так изменить кристаллическую решетку графита, чтобы в миру воссиял холодно-прозрачный, не знающий конкуренции в прочности, минерал?

Ещё вчера мы затруднились бы с ответом. Сегодня же, по нашему мнению, для решения подобного рода задач имеется принципиально новая исследовательская технология: *метод когерентности*, предполагающий взаимопроникновение, ведущее к обогащению исходных элементов (в нашем случае – социологии и литературы), к образованию *нового качества*.

Ещё недавно такие серьёзные социологи как В.Н.Шубкин полагали, что развитие литературы и социологии происходит в разных плоскостях. «Часто различия между литературой и социологией смазываются: написано ярче, живее – литература, суше – социология. В действительности дело не в форме. Суть в том, что *они работают в разных плоскостях* (курсив – Ю.Г.)¹⁸¹».

«Разноплоскостное» развитие интересующих нас явлений вполне естественно должно в исторической перспективе ещё более развести их. Другими словами, В.Н.Шубкин понимал взаимодействие литературы и социологии как процесс их дивергенции. Более того, он видел «естественные пределы» со-

---

¹⁸¹ Шубкин В.Н. Социология и художественная литература // Социология и общество: научное познание и этика науки. М., 2010. С. 361.

циологии, отчего-то отказывая ей в возможности кардинальной трансформации, в результате чего наука фиксаций и предсказаний социума могла бы развиваться до состояния универсальной аналитической меганауки. «По мере перехода от человека экономического и социального к человеку нравственному и духовному роль социологии резко уменьшается, ибо она наталкивается на свои естественные пределы. Напротив, роль литератора резко возрастает, она вырывается на оперативный простор, где ей почти всё доступно и дозволено»¹⁸².

Однако уже теперь мы можем наблюдать успешные примеры конвергенции социального и художественного, социологии и литературы. Процесс этот предвосхищён ещё В.Г.Белинским, который, наблюдая интенсивное развитие социальных наук, предупреждал коллег-литераторов об очевидном вреде фетишизации сугубо научного мировоззрения в отражении социальных процессов и явлений: «Кажется, что бы делать искусству (в смысле художества) там, где писатель связан источниками, фактами и должен только о том стараться, чтобы воспроизвести эти факты как можно вернее? Но в том-то и дело, что верное воспроизведение фактов не возможно при помощи одной эрудиции, а нужна ещё фантазия»¹⁸³.

Процесс конвергенции социальной и художественной составляющих в отношении социологической науки стал *значимым частным* во вдохновляющем нас глобальном явлении расширения и *гиперболизации общего*. Ведь, что ни говори, а дискурс современной социологии, по нашему убеждению, таит до поры до времени сокрытую её трансформацию в глобальную науку, каковой в приблизительном виде была для мирового гуманитарного сознания и практики осмысливания сущего в период модернизации и пока ещё остаётся философия. Правы социологи Ж.Тощенко и Н.Романовский, утверждающие, что отсутствуют заметные изменения в метатеоретической стратегии развития социологии. Что в этом плане «больших подвижек не наблюдается,

---

¹⁸² Там же. С. 361.

¹⁸³ *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья вторая // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в XIII т. Т. X. М., 1955. С. 316.

если не считать высказываний Э.Гидденса и И.Валлерстайна и некоторых других авторитетных социологов в пользу создания в перспективе интегрированной социологической науки»¹⁸⁴. Но правота эта, так сказать, - «убывающая», в большей мере дня вчерашнего, чем сегодняшнего, и совсем не завтрашнего.

Ближе к реалиям времени ак. Г.В.Осипов, отметивший в Предисловии к 5-му изданию «Рабочей книги социолога», что: «Попытки создания универсальной макротеории продолжаются, но они носят незавершённый, поисковый характер»¹⁸⁵.

От себя добавим, что трудно, а, скорее всего, вовсе нереально рассчитывать на большее в ситуации интеллектуального тупика глобального пост-модерна, времени, в котором пока ещё даже не просматриваются достойные мега-нарративы социального развития человечества.

В этой связи знаковой в отношении конвергенции научного и художественного методов познания и фиксации значительных социальных явлений нам представляется книга французского писателя, социолога по профессии Жоржа Перека «Вещи»¹⁸⁶. Эта небольшая по объёму работа стала удачным опытом социологического исследования, которое осуществлено и зафиксировано, однако, методами не науки и не литературы как таковых, а некой синтетической формой изложения, удачно сохранившей достоинства и преимущества как научного, так и литературного исследовательских подходов.

При том, что утверждение глобальных социальных нарративов, скорее всего, не произойдёт в близкое к нам время, день сегодняшний всё настойчивее порождает *ощущения* массового социального единения, что даёт основание констатировать «*коллективную бессознательную социальность*» и позиционировать этот феномен в ряду с широко известными ныне социопатическими феноменами З.Фрейда и К.Юнга.

---

¹⁸⁴ Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В. О тенденциях развития социологии в современном мире // СОЦИС. 2007, № 6. С. 8-9.

¹⁸⁵ Осипов Г.В. Рабочая книга социолога. 5-е изд. М., 2009. С.6.

¹⁸⁶ Peres Georges, Les choses. – Paris, 1965.

Социальность как инстинкт – такой подход к социальному, наверняка, вызовет нарекания значительного числа коллег, но то, что сегодня кажется абсурдным, завтра, вполне возможно, станет рутиной исследовательской практики.

Пока такого рода исследования сродни стремлению нащупать почти что вслепую надёжную опору для решительного шага на новый уровень текстового общения, новый исследовательский уровень. Но ведь почти каждому значительному научному открытию предшествовал схожий период блуждания в плотной темноте по азимуту, указанному светящейся стрелкой компаса интуиции. Сегодня поиск и не бесспорные результаты. Завтра настанет пора находок-открытий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Авилова Н.С.* Материалы по лексике и фразеологии физиологического очерка // Материалы исследования по истории русского лит. языка. Т. IV. М., 1957.
2. *Артамонова Е., Смирнов В.* «Деревенские» повести «Нового мира» 60-х годов: типология сюжета // Вестник ВГУ. Вып. 5. Волгоград, 2000.
3. *Арутюнова Н.Д.* Метафора и дискурс // Теория метафоры. М., 1990.
4. *Бакунин М.А.* Выступление на собрании в память 17-й годовщины польского восстания // Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. III. М., 1935.
5. *Барт Р.* Гул языка // Избранные работы: Семиотика. Поэтика. М., 1994.
6. *Басинский П.* Человек на земле // Российская газета. 2000, №147, 10.07.
7. *Батюшков К.Н.* Тверской бульвар // Сочинения. М., 1955.
8. *Бахтин М.М.* К методологии гуманитарных наук // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
9. *Бачинин В.А.* Социология литературы как пространство гуманитарных экспериментов // Социологический журнал. 2011, № 4.
10. *Бегичев Д.Н.* Семейство Холмских. М., 1832.
11. *Безбородов и др.* Материалы по истории диссидентского и правозащитного движения в СССР 50-х – 80-х гг. 1994.
12. *Белинский В.Г.* Вступительная статья к сборнику «Физиология Петербурга» / Под редакцией Н.Некрасова. Ч. I. // Белинский В.Г. Собр. соч. Т. II. М., 1948.
13. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1847 г. Статья вторая // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. в XIII т. Т. X. М., 1955.
14. *Белинский В.Г.* Из рецензии на книгу «Повести, сказки и рассказы казака Луганского». СПб, 1846. // Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. X. М., 1955.
15. *Библия:* Книги Ветхого и Нового Завета. 1. Книга Екклесиаста, или Проповедника. 2. Второе послание к Коринфянам. 3. Послание к Галатам.
16. *Бианки Н.* К.Симонов, А.Твардовский в «Новом мире». М., 1999.
17. *Богомолов Ю.* Кинематограф, который мы заслужили // Лит. газета. 1989, 06. 08.
18. *Бонч-Бруевич В.Д.* Ленин о книгах и писателях // В.И.Ленин о литературе и искусстве. М., 1976.
19. *Брехт Б.* Театр. Собр. соч. Т. II. М., 1965.
20. *Бровман Г.* Лицо журнала (по страницам «Нового мира») // Вопросы лит. 1959, № 7.
21. *Бурдьё П.* Начала. М., 1994.
22. *Буртин Ю.* «Новый мир» по документам ЦК КПСС // Свободная мысль. 1996, №10.
23. *Варшавский Л.Р.* Русская карикатура 40-50 гг. XIX в. М., 1937.
24. *Великий П.* Российская аграрная социология: этапы, имена, идеи // Полвека борьбы и свершений. М., 2008.
25. *Виноградов В.В.* Эволюция русского натурализма. Л., 1929.
26. *Вокруг Ивана Денисовича* (письма читателей) // Встречи с прошлым. Вып. VII, 1990.
27. *Володина И.П., Акименко А.А., Потапова З.П., Полуяхтова И.К.* История итальянской литературы XIX-XX вв. М., 1990.
28. *ГБЛ ОР*, ф.231 (арх. Пог./II), карт. 15, ед. хр. 104, письмо № 5.
29. *Герцен А.И.* Новая фаза русской литературы // Герцен А.И. Собр. соч. М., 1941.
30. *Гессе Герман.* Фауст и Заратустра // Фауст и Заратустра. СПб., 2001.
31. *Голосенко И.А.* История социологии как научная проблема. // СОЦИС. 1976, № 1.
32. *Голосенко И.А.* Социология в дореволюционной России второй половины XIX – начала XX веков. М., 1994.

33. **Голосенко И.А.** Социологическая литература России второй половины XIX – начала XX в. Библиографический указатель. М., 1995.
34. **Гончаров И.А.** в неизданных письмах к графу П.В.Валуеву, 1877-1882. СПб., 2006.
35. **Горький М.** О очерке // Несобранные литературно-критические статьи. М., 1941.
36. **Гофман А.Б.** 7 лекций по истории социологии. М., 2008.
37. **Григорьев С.И.** Произведения В.М.Шукшина в преподавании социологических дисциплин // СОЦИС, 2009, № 10.
38. **Гулыга А.** Пути мифотворчества и пути искусства. (Заметки социолога) // Новый мир. 1969, № 5.
39. **Гулыга А.В.** Эстетика истории. М., 1974.
40. **Дедков И.** Поддержание костра // Кондратович А. Новомировский дневник. М., 1991.
41. **Диспут проф. П.А. Сорокина** // П.А. Сорокин. Система социологии, Т.2. М., 1993.
42. **Добролюбов Н.А.** Очерки и рассказы М.Т.Кокорева // Полн. собр. соч. / Под ред. Е.В.Аничкова. Т. V. СПб., 1911-1913.
43. **Евтушенко Е.** Молитва перед поэмой // Поэт в России – больше, чем поэт. Четыре поэмы. М., 1973.
44. **Есин С.Н.** Твербуль // Юность. 2007, №№ 4-6.
45. **Зубкова О.С.** Лингвосемиотика профессиональной метафоры / автореферат диссертации на соискание учёной степени д.ф.н. Курск, 2011.
46. **Иванов В.Д.** Виртуализация общества. СПб., 2000.
47. **Иванов В.Н.** Социология и поэзия. М., 2006.
48. **Иванов В.П.** И.Т.Кокорев. Жизнь и творчество. Минск, 1984.
49. **Игнатенко В.В.** Специфика производственной метафоры в индивидуальном лексиконе / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2012.
50. **Ильин В.В.** К вопросу о критериях научности знания // Вопросы философии. 1986.
51. **Исаев А.** Промыслы Московской губернии // Московская губернская земская управа. Т. I. Вып. II. М., 1877.
52. **Кавелин И.** «Новый мир» и другие // Вестник новой литературы. Л, 1991, № 3.
53. **Канторович Вл.** Родственная нам наука // Литературная газета. 1966, № 56.
54. **Канторович Вл.** Социология и литератур // Новый мир. 1967, № 12.
55. **Караганова С.** В «Новом мире» Твардовского // Вопросы литературы. 1996, № 3.
56. **Кара-Мурза С.Г.** Кризисное обществоведение. М., 2011.
57. **Кардин В.** «Новый мир» и новые времена // Вопросы литературы. 1996, № 2.
58. **Кареев Н.** Основы русской социологии. СПб, 1996.
59. **Картелёва Л.И.** Когнитивно-функциональные аспекты использования метафоры и метонимии в процессе вербальной самопрезентации. Курск, 2012.
60. **Кетле Л.А.** Социальная система и законы, ею управляющие. СПб., 1866.
61. **Кокорев И.Т.** Мелкая промышленность в Москве // Очерки Москвы 40-х гг. Л., 1932.
62. **Кондратович А.И.** Александр Твардовский. М., 1985.
63. **Константинова М.В.** Специфика юридической метафоры в индивидуальном лексиконе / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2011.
64. **Копанка** // Бюллетень Кишиневского филиала Румынского института социологических исследований / Рук. исследования Д. Густи. 1938, Кишинев. Т. 2.
65. **Кравченко А.И.** Социология мнений и мнение о социологии // СОЦИС. 1992, № 3.
66. **Кудрин С.А.** Базовые метафоры спортивного дискурса как текстопорождающие модели / автореферат диссертации на соискание учёной степени к.ф.н. Курск, 2011.
67. **Кузеванова Л.** К истории «Нового мира» // Российский историч. журнал. 1994, № 1.
68. **Кузьминский К.С.** Русская реалистическая иллюстрация. XVIII-XIX вв. М., 1937.
69. **Кукушкина Е.И.** Русская социология XIX – нач. XX в. М., 1993.

70. **Кукушкина Е.И.** Социологическое образование в России XIX – нач. XX вв. М., 1994.
71. **Кукушкина Е.И.** Университеты в России и становление социологического образования // В. МГУ. Сер. 17. 1995, № 1.
72. **Кулешов В.И.** Натуральная школа в русской литературе XIX в. М., 1982.
73. **Лакишин В.** «Новый мир» во времена Хрущёва. М., 1991.
74. **Левада Ю.А.** Культурный контекст экономического действия // Памяти Юрия Александровича Левады / Составитель Т.В.Левада. М., 2011.
75. **Левенстим А.А.** Нищенство в России по отзывам нач. губерний. СПб., 1899.
76. **Ленин В.И.** Карл Маркс (краткий биографический очерк с изложением марксизма) // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.ХVI. 1969.
77. **Ле-Пле Ф.** Основная конституция человеческого рода. М., 1897.
78. **Лихачёв Д.** Будущее литературы как предмет изучения // Новый мир. 1969, № 9.
79. **Лосев А.Ф.** Жизнь и творческий путь Платона // Соч. Платона Т.1. М., 1968.
80. **Майков Вал.** А.Н.Плещеев // Критические опыты. СПб., 1891.
81. **Максимова А.Б.** Изучение метафоры в аспекте речевого развития школьников: 5 и 8 классы / автореферат диссертации на соискание учёной степени к. п. н. СПб, 2012.
82. **Манн Ю.В.** Философия и поэтика «натуральной школы» // Проблемы типологии русского реализма. М., 1969.
83. **Мартынов В.** Время Алисы. М., 2010.
84. **Меринг Ф.** Карл Маркс. История его жизни. М., 1957.
85. **Митрохин Л.Н.** Тернистые пути отечественной социологии. (Беседа с ак. РАН Г.В.Осиповым) // Осипов Г.В., Москвичёв Л.Н. Социология и власть. М., 2008.
86. **Михайловский Н.К.** Литературные воспоминания и современная смута // Михайловский Н.К. Полн. собр. соч. Т.1. СПб. 1909.
87. **Московитянин**, кн. 1, № 7, 1849.
88. **Московитянин**, кн. 2, № 7, 1849.
89. **Набоков В.** Другие берега // Владимир Набоков. Романы. М., 1989.
90. **Ницше Ф.** Генеалогия морали. СПб., 2008.
91. **Новикова С.С.** История развития социологии в России. М-Воронеж, 1996.
92. **Новый живописец общества и литературы** / Сост. Н.Полевой. Ч.III. М., 1832-1836.
93. **Ожегов С.И.** Словарь русского языка. М., 1973.
94. **Ольшанский В.** Важная проблема // Новый мир. 1996, № 4.
95. **Осипов Г.В.** Социология и социализм. М., 1990.
96. **Осипов Г.В.** Социология и общество. М., 2007.
97. **Осипов Г.В.** Возрождение отечественной социологии (как это было на самом деле) // Полвека борьбы и свершений. М., 2008.
98. **Осипов Г.В.** Возрождение российской социологии (док. 1950-1990) // Осипов Г.В., Москвичев Л.Н. Социология и власть. М., 2008.
99. **Осипов Г.В.** Рабочая книга социолога. 5-е изд. М., 2009.
100. **Осипов Г.В.** Измерение соц. реальности (показатели и индикаторы). М., 2011.
101. **Осипов Г.В., Староверов В.И.** Село Копанка в измерении трёх эпох. М., 2014.
102. **Паустовский К.** Дядя Гиляй // В. Гиляровский. М., 1955.
103. **Пелс Дик.** Смещение метафор: политика или экономика знания? // Знание: ответственность и власть (хрестоматия). М., 2010.
104. **Переписка Пушкина** / Под. ред. В.И.Саитова. Т.III. СПб., 1906. 173.
105. **Платон.** Сочинения. Т.1. М., 1968.

106. *Плеханов Г.В.* Наши разногласия // Плеханов Г.В. Избранные философские произведения. Т. I. 1956.
107. *Победоносцев Г.П.* Ле-Пле. М., 1893.
108. *Подъём научно-технического уровня советского рабочего класса.* М., 1961.
109. *Полевой Н.* Русская Библионика. Т. I. М., 1834.
110. *Полевой Н.* Мелкая промышленность, шарлатанство и диковинки московские // Новый живописец общества и литературы, составленный Н.Полевым. Ч. III. М., 1832-1836.
111. *Полевой Н.* Очерки русской литературы. Ч. I. СПб., 1839.
112. *Попова С.М., Шахрай С.М., Яник А.А.* Измерения прогресса. М., 2010.
113. *Процкевич А.* Хроника рабочих курсов / Новый мир. 1968, № 8.
114. *Развитие социологии в России* (с момента зарождения до конца XX в.) / Под ред. Е.И.Кукушкиной. М., 2004.
115. *Розов М.А.* О природе идеальных объектов науки // Философия науки. Вып. IV. М., 1998.
116. *Сакулин П.Н.* Князь В.Ф.Одоевский мыслитель-писатель // Из истории русского идеализма. Т. I. Ч. I. М., 1913.
117. *Сарабьянов Д.В.* Павел Федотов. М., 1969.
118. *Синявский А.* Памфлет или пасквиль? // Новый мир. 1964, № 12.
119. *Сиповский В.В.* О сущности литературного влияния // Архив В.В.Сиповского . РО ИРЛИ РАН Ф. 279. № 68. Лист 9.
120. *Солженицын А.И.* Бодался телёнок с дубом. М., 1996. С. 164.
121. *Солоухин В.А.* Письма из русского музея. М., 1990.
122. *Социологическая мысль в России* / Под ред. Б. Н. Чагина. Л., 1978.
123. *Спенсер Г.* Синтетическая философия. Киев, 1997.
124. *Стишенок И.В.* Из гусеницы в бабочку: психологические сказки, притчи, метафоры в индивидуальной и групповой работе. М., 2012.
125. *Твардовский А.* Несколько слов к читателям «Нового мира» // Новый мир. 1961, №12.
126. *Тевекелян Д.* Мы были королями // «Вопросы литературы». 1989, № 9.
127. *Тодоров Цветан.* Семиотика. М., 1983.
128. *Топоров В.* Набоков наоборот // Литературное обозрение. 1990, № 4.
129. *Тощенко Ж.Т., Романовский Н.В.* О тенденциях развития социологии в современном мире // СОЦИС. 2007, № 6.
130. *Улицкая Л.* Зелёный шатёр. М., 2011.
131. *Фризман Л.* Ирония истории, или Эпизод из биографии журнала // Русская филология. 1994, № 9.
132. *Цейтлин А.Г.* Становление реализма в русской литературе (русский физиологический очерк). М., 1965.
133. *Цыганков Д.Б.* Социологический анализ воззрений и общественной деятельности А.И. Солженицына, реферат диссертации на соискание учёной степени к. социол. н. СПб, ЛГУ, 1997.
134. *Чагин Б.* Очерк истории социологической мысли в СССР (1917-1969). Л., 2010.
135. *Шаламов В.* Сучья война // Колымские рассказы. СПб., 2009. С. 309.
136. *Шнеерсон М.* По разным дорогам в одном направлении // Грани. 1994. № 174.
137. *Шрейдер Ю.* Двойственность шестидесятых // Новый мир. 1992, № 5.
138. *Шубкин В.Н.* Возрождающаяся социология и официальная идеология // Социология и общество: научное познание и этика науки. М., 2010.

139. **Шубкин В.Н.** Социология и художественная литература. // Шубкин В.Н. Социология и общество: научное познание и этика науки. М., 2010.
140. **Эзрахи Ярон.** Наука и политическое воображение // Знание: собственность и власть (хрестоматия). М., 2010.
141. **Эшштейн С.** Учёные приказчики капитала // Новый мир. 1965, № 6.
142. **Эшштейн М.** Знак пробела. О будущем гуманитарных наук. М. 2004.
143. **Эшштейн М.** Запад в России // Амероссия. М., 2007.
144. **Ядов В.А.** Теоретико-концептуальное объяснение «посткоммунистических трансформаций» // Россия трансформирующаяся. Ежегодник. Вып. 6. М., 2006.
145. **Якимович Т.** Французский реалистический очерк 1830-1848 гг. М., 1963.
146. **Baudrillard J.** In the shadow of the silent majorities or The end of the social and other essays. New York: Seabury, 1983.
147. **Le Play.** Les ouvriers europeens, Paris, 1855.
148. **Lyotard J.-F.** The Postmodern Condition. Manchester, 1984.
149. **Perec Georges.** Les choses, Paris, 1965.
150. **Hermsdort K.** Kafka, B. 1961.
151. **Horgan John.** The End of Science: Facing the Limits of Knowledge in the Twilight of the Scientific Age. NY: Broadway Books, 1997.
152. **Foucault Miche.** Power/Knowledge: Selected Interviews and Other Writings 1972-1977, ed. Colin Gordon, New York: Pantheon Books, 1980.

ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

153. **Буравой Майкл.** Развернутое монографическое исследование: между позитивизмом и посмодернизмом. Беркли, США - <http://www.smolsoc.ru/index.php/home/2009-12-24-13-38-54/30-2010-08-30-11-30-31/1098-2011-02-06-03-38-34>.
154. **Молчанов Л.** Настоящая женская проза или Феномен Людмилы Улицкой. <http://\vriter.fio.ru/ne\vs.php?n=200578&c=1668>.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1.

ИЛЛЮСТРАЦИИ К ФИЗИОЛОГИЧЕСКИМ ОЧЕРКАМ

Е. Бернадский. Гравюра к очерку
В. Г. Белинского «Александринский театр»

В. С. Садовников. Акварель. «Петербургские зарисовки».
1840-е годы

А. А. Агин. Иллюстрация к очерку И. И. Панаева «Петербургский фельетонист». Гравюра на дереве Е. Бернадского

Е. Бернадский
Рисунок к очерку Н. А. Некрасова «Чиновник»

Е. И. Коврыгин. Иллюстрация к рассказу
Н. С. Кириллова «Тертый калач». Гравюра
на дереве О. П. Нетельгорста

Е. Бернадский. Гравюра к очерку А. Я. Кульчицкого «Омнибус»

П. ФЕДОТОВ. СВЕЖИЙ КАВАЛЕР
(утро чиновника, получившего первый крестик)
1846, холст, масло 48,2-42,5.
Государственная Третьяковская галерея

НАУЧНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ АВТОРА

Монографии:

1. Голубицкий Ю.А. Социология и лит. процесс (*Физиологический очерк (1830-1840 гг.) как предтеча русских социологий*). РИЦ ИСПИ РАН-ВЕЧЕ, М, 2010, 9,5 п.л.
2. Голубицкий Ю.А. Литературный генезис русской социологии: роль физиологического очерка в становлении социологического знания / Монография. М., 2011, 12 п. л.

Публикации в изданиях, рекомендованных ВАК Минобрауки РФ:

1. Голубицкий Ю.А. Физиологический очерк как предтеча социологических исследований // Социально-гуманитарные знания. М., 2008, № 2, 0,5 п.л.;
2. Голубицкий Ю.А. Камо грядеши? или Гипертекст будущей гиперсоциологии // Социально-гуманитарные знания. М., 2009, № 3, 1,4 п.л.
3. Голубицкий Ю.А. Мелкая промышленность, диковинки и статистика московская, или Как зарождался в столице малый бизнес (русский физиологический очерк 1830-1840-х годов) // Вопросы экономики. М., 2009, № 8., 1 п.л.
4. Голубицкий Ю.А. Оттепель на страницах «Нового мира» А.Твардовского // ПОЛИС. М., 2010, №1., 1 п.л.
5. Голубицкий Ю.А. Физиологический очерк и становление социологии // СОЦИС. М., 2010, № 3, 1.п.л.
6. Голубицкий Ю.А. Камо грядеши? или Гипертекст для будущей гиперсоциологии // СОЦИС. М., 2010, № 6, 1,4 п.л.
7. Голубицкий Ю.А. Социальная доминанта времени кардинальных трансформаций (О некоторых аспектах социальной футурологии) // Политика и общество. М., 2011, № 2, 1,4 п.л.

Публикации в периодических изданиях:

1. Голубицкий Ю.А. Художественная метафора как пространство социокультурной аналитики // Культура и искусство. М., 2011, № 2, 1п.л.
2. Голубицкий Ю.А. Гносеологическое родство и взаимопроникновение способов научного и художественного отражения действительности в процессе конвергенции этих феноменов // Культура и искусство. М., 2011, № 5, 1,4 п.л.
3. Голубицкий Ю.А. О, друг мой, учёный, излагай мысль грамотно! (К вопросу о лексико-стилистическом аспекте текстов современных гуманитарных исследований) // Филология: научные исследования. М., 2012, № 3 (07), 2 п.л.

Публикации в интернет-изданиях:

1. Голубицкий Ю.А. Феномен научного и художественного способов отражения действительности: антагонизм или гносеологическое родство и взаимопроникновение? // журнал «Культура и искусство» / Содержание № 1 за 2012 / [http:// e – notabene.ru / sa / article_121.html](http://e-notabene.ru/sa/article_121.html) (дата обращения – 16.11.2012).
2. Голубицкий Ю.А. Научный язык: реальность или желание корпорации? // журнал «Филологические исследования» / Содержание № 1 за 2012 / [http:// e – notabene.ru / fil / article_184.html](http://e-notabene.ru/fil/article_184.html) (дата обращения – 16.11.2012).
3. Голубицкий Ю.А. Метафора в художественных артефактах, в профессиональной и научной лексике // журнал «Культура и искусство» / Содержание № 2 за 2012 / [http:// e – notabene.ru / sa / article_247.html](http://e-notabene.ru/sa/article_247.html) (дата обращения – 25.11.2012).

Общий объём – 34,6 п. п.